ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

ИОАНН БОГОСЛОВ

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

НИНА ИЛЬИНА

ИОАНН БОГОСЛОВ

Москва
1999

УДК 21
ББК 88.6
И 43

Серия основана в 1998 году

Ильина Н.

И 43 Иоанн Богослов. — М.: Олимп; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 208 с. (Великие пророки).

ISBN 5-7390-0860-3 («Олимп»)
ISBN 5-237-01960-9 (ООО «Фирма «Издательство АСТ»)

Иоанн Богослов прославился не только как сподвижник Христа, но и как автор Апокалипсиса, в котором предсказал судьбы мира. «Откровение» Иоанна Богослова — самая загадочная из книг, входящих в Библию, — вот уже много веков вызывает к себе мистический интерес. Каждое новое поколение истолковывает его по-своему, считая, что выпавшие на его долю войны, революции и голод были предсказаны Апокалипсисом.

О земной жизни евангелиста и апостола Иоанна, о его предсказаниях второго пришествия Христа, Страшном суде и конце света рассказывает эта книга. В Антихристе современники узнавали Сталина и Горбачева, в звезде Полынь угадывали Чернобыльскую катастрофу.

УДК 21
ББК 88.6

ISBN 5-237-01960-9

«Умолк Платон, который так много говорил; а этот (Иоанн) говорит и не перед своими только, а перед парфянами, перед мидянами, перед эламптянами и в Индии, и повсюду на земле до последних пределов вселенной. Где ныне гордость Греции? Где слава Афин? Где сброд философов? Галилеянин, вифсаидянин, простолюдин победил их всех... Он так глубоко проник в тайны сокровенной жизни Божества, что ему удивляются даже самые небожители» — эти вдохновенные слова об евангелисте и апостоле Иоанне сказаны Иоанном Златоустом.

Вместо предисловия

Какой путь прошел простолюдин, сын рыбака из галилейского города Вифсаиды до духовных высот апостольства и пророчества? Сначала Иоанн Заведеев был учеником Иоанна Крестителя, потом около трех лет странствовал с Иисусом Христом по Палестине, призывая народ к покаянию и проповедуя Царство Божие.

Тихий и кроткий юноша Иоанн был самым молодым из апостолов Спасителя. Но душевная мягкость сочеталась в нем с безграничной преданностью Учителю и бесстрашием.

Иисус всегда отличал Иоанна и сделал его, Иакова и Петра свидетелями таинственных событий, которые до времени утаил от других апостолов: это воскрешение дочери Иаира, славное Преображение на Фаворе и моление о чаше в Гефсиманском саду.

Иоанн не раз доказывал свою любовь и преданность Спасителю. Когда настал час Его стра-

даний и стражники схватили Иисуса, все ученики бежали. И только Иоанн и Петр последовали за Учителем в дом первосвященника. Но вот и Петр в страхе начал колебаться и предал Христа.

И тогда Иоанн не оставил Учителя. Он слышал, как иудеи кричали: «Распни его, распни», сопровождал Христа на Голгофу и вместе с Богоматерью стоял у креста до самой кончины Господа. В последние минуты своей земной жизни Иисус поручил ему заботиться о своей Матери.

После кончины Богородицы Иоанн много странствовал, проповедуя о Христе не только в Иерусалиме, но и по всей Малой Азии. Во время царствования императора Домициана — гонителя христиан был сослан на остров Патмос и чудом избежал смерти.

И все же ему не выпало таких страданий и мучительной смерти, как другим апостолам. Он не был обезглавлен, как его брат Иаков; не умер на кресте, как Петр. Его жизнь не была столь же бурной, как у апостола Павла, который сначала прослыл гонителем христиан, а потом — ревностным приверженцем Христа. Иоанн Богослов жил ровно, тихо и дожил до глубокой старости.

Он прославился более не как деятель, а как автор четвертого Евангелия, трех Посланий и «Откровения», в котором предсказал судьбы мира. «Откровение» Иоанна Богослова, или Апокалипсис, вот уже много веков вызывает к себе мистический интерес. Каждое новое поколение истолковывает его по-своему, считая, что выпавшие на его долю моры, войны, голод и рево-

люции были предсказаны Иоанном Богословом. Никого не смущает то обстоятельство, что в каждом веке эти бедствия с регулярностью повторяются.

Последнее видение Иоанна содержит в себе толкование о конце света. Именно это предсказание переносится людьми на свое время, и это время объявляется концом света или близким к нему преддверием. Конец света должен был, по ожиданиям, наступить уже много раз, но так пока и не наступил...

Историки толкуют «Откровение» по-своему и считают это толкование единственно правильным. По их мнению, это апокалипсическое произведение связано только со временем становления христианства, а не с более поздними временами. Оно повествует о гонениях на христиан и о том, что эта религия выстояла, победила своих преследователей и распространилась по всему миру.

Свое Евангелие Иоанн написал на закате жизни, в девяностые годы от рождества Христова, когда уже существовали повествования о земной жизни Христа Марка, Матфея и Луки. Взяться за перо в столь преклонные годы Иоанна заставила большая активность еретиков, колебавших устои Церкви. Еретики посмели утверждать, возводя неправду на Вышнего, что до рождения не было Сына и что Сын произошел от несущего.

И тогда Иоанн, не в силах сносить хулу, поведал о Боге Слове, прежде всех веков от Отца неизреченно рожденном. Логос в Евангелии Иоанна — второе лицо Святой Троицы, Сын Божий, вечное и ипостасное Слово Божие, от

вечности бывшее с Отцом и потом воплотившееся для спасения людей.

Само Божественное вдохновение помогло Иоанну проникнуть в такие таинственные и возвышенные глубины христианских истин. За это он был прозван Богословом.

Умер Иоанн в царство Траяна и погребен в Эфесе. Прожил он, по разным сведениям, от ста до ста двадцати лет. Память его совершается 8 мая и 26 сентября.

Детство и юность Иоанна

Галилея — Божий сад

Иоанн Богослов был родом из Галилеи. В те времена Палестина — одна из областей Римской империи — разделялась на четыре округа — Иудею, Самарию, Галилею и Перею. Северная ее часть, довольно обширная земля в сто квадратных миль, и называлась Галилеей.

Тысячи паломников устремлялись в столицу Обетованной земли Иерусалим. И галилеяне обязательно ходили в Иерусалим трижды в год, на праздники Пасхи, Кущей и Пятидесятницы. Путь через Самарию занимал не более трех дней, или тридцать — сорок часов хода. Способ передвижения был исключительно пешеходным, и расстояния измерялись не милями, а временем, необходимым для его преодоления. Например, Иерусалим лежал в двенадцати часах пути от Средиземного моря и в восьми — от Иордана.

Паломников, измерявших своими шагами Галилею, Самарию и Иудею, не могло не поразить отличие между столь близкими соседями. Они попадали из благословенного, цветущего края в угрюмую пустыню. Однообразным и печальным был пейзаж Иудеи. Выжженные солнцем долины чередовались с горами и нагромождением диких скал. Повсюду путники шли по плохим и опасным дорогам. Приходилось карабкаться по узким каменистым тропинкам, петляющим среди скал. И ни одного деревца или куста, в тени которых можно было укрыться от палящего солнца. Только колючие кактусы чудом вырастали кое-где на склонах.

А о глотке прохладной спасительной влаги путники могли только мечтать. В Иудее было очень мало рек, озер и ручьев с пресной водой. Берега Мертвого моря были безмолвны и пустынны. Ни одно живое существо не могло здесь ужиться: не произрастала зелень, не пролетала птица, не пробегал зверь. Вода в море была такой горькой, что рыба, случайно заплывшая из Иордана, тут же задыхалась. Со дна извергались смрадные испарения и клейкая смола, прилипавшая к днищам лодок и судов.

Иудеи считали эту землю проклятой. Когда-то на берегу Мертвого моря стояли нечестивые города Содом и Гоморра, которые «ниспроверг Господь в ярости своей» за то, что они презрели Его заповеди и поклонялись другим богам (Второзаконие, XXIX). Развалины этих городов будто бы до сих пор находятся на дне моря.

На этих безрадостных берегах готовился к

проповедническому служению суровый отшельник Иоанн Креститель. Здесь он закалял свой дух и ждал появления Мессии, или Спасителя, пребывая в одиночестве, строгом посте и молитве.

Но паломников, покидающих пределы Иудеи, подгоняла надежда на отдых и облегчение мук. Едва они переступали границу Самарии, как попадали в другую страну. Ландшафт Галилеи напоминал иудейский — те же долины и горы. Но галилейские долины и горы были покрыты роскошной зеленью. Древние историки Тацит, Полибий, Иосиф Флавий, оставившие описания этой прекрасной земли, называли ее Божьим садом.

Рощи из ценных пород деревьев — маслин, смокв, фиников, померанцев, лимонов — дарили путникам долгожданную прохладу. Склоны гор были покрыты густым лесом, а долины — цветущими лугами. Природа щедро оделила Галилею реками, озерами, ручьями. Вода — вот чудо, которое может превратить в Эдемские сады пустыню! Но в переизбытке даже это чудо приносит не пользу, а вред: северная Галилея, сильно заболоченная, уже не отличалась таким изобилием и красотой.

Иосиф Флавий, в течение нескольких лет бывший губернатором и военным комендантом Галилеи, так живописал эту благодатную землю:

«По причине роскошного плодородия здесь процветает всякая растительность, и все возделано наилучшим образом. Орешник, любящий прохладу, растет в несметном количестве с пальмами, которые любят жаркий климат, рядом с фиговы-

ми деревьями и масличными, которые требуют более умеренной температуры, здесь природа соединяет противоположности, здесь как бы происходит прекрасная борьба времен года, из которых каждое силится присвоить себе страна. Земля дарит множество плодов не однажды в год, но в течение всего года. Царские плоды — виноград и смокву — здесь едят в продолжение десяти месяцев, между тем как остальные плоды — круглый год!»

Щедрая Галилея с богатыми виноградниками, тучными нивами, пастбищами и долинами, благоухающими лилиями, описана в Евангелии. Названия галилейских городов — Назарета, Капернаума, Каны — нам тоже знакомы по Новому Завету.

Страна была очень густо заселена. Во времена Спасителя в Галилее насчитывалось около двухсот городов и селений и пятнадцать укреплений, в которых проживало три миллиона человек. Иудеи не составляли большинство.

Иудеи из Иерусалима свысока относились к своим собратьям из Галилеи, потому что галилеяне жили в окружении язычников — арабов, греков, сирийцев, римлян, финикийцев и поневоле осквернялись. Иудеям запрещалось даже разговаривать с язычниками и заходить в их дома.

Язычники очень сильно влияли на Галилею, особенно на облик ее городов. Некоторые галилейские города больше напоминали греческие и римские, например Тивериада. В Тивериаде было построено много прекрасных зданий в греческом стиле, театр, ипподром, царский дворец с

прекрасными статуями и картинами. Все это очень резко отличалось от иудейского стиля в архитектуре и образа жизни иудеев.

Но когда во время римско-иудейской войны губернатор Иосиф Флавий предложил тивериадцам разрушить греческие здания из чувства патриотизма, жители подумали и не согласились. Им жалко стало уродовать свой прекрасный город, они привыкли к его облику.

Почти двадцать веков тихо протекли с тех пор над этими землями и изменили их неузнаваемо! Остатки прекрасных рощ и садов кое-где сохранились, но природа стала гораздо беднее. Нет больше и многолюдных, цветущих городов. Вместо них — маленькие селения или развалины.

Но теперь уже тысячи паломников со всего мира устремляются в эти места, ставшие священными для христиан.

В Галилее, в маленьком городке Назарете, прошло детство Спасителя. Христос родился в Вифлееме Иудейском, но вскоре Мария с Иосифом бежали в Египет от преследований кровожадного Ирода. Того самого Ирода, который приказал убить всех младенцев в Вифлееме, а потом казнил свою жену, троих сыновей и многих родственников. Того самого Ирода, о котором император Август сказал: «Лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном», хотя Ирод был его наместником в Палестине.

После смерти Ирода семья вернулась в «пределы Галилейские» и поселилась в Назарете (Матфей, II). Отсюда Иисус двенадцатилетним

отроком ходил на праздник в Иерусалим вместе с отцом и матерью. И там, в Иерусалимском храме, поразил старцев глубоким знанием Священного Писания и удивительной для юноши его возраста ученостью: «Все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его» (Лука, II).

В Галилее прошла почти вся земная жизнь Спасителя. А когда пришел Его срок исполнить проповедническое предназначение и, будучи безгрешным, стать искупителем грехов мира, именно в Галилее Христос провозгласил, что Он — сын Божий. Здесь Он сотворил множество чудес, исцелял больных, воскрешал из мертвых, пророчествовал. И ходило за ним множество народа — до десяти тысяч человек, жадно слушавших Его проповеди. Галилеяне были людьми очень впечатлительными и религиозными. Многие из них сразу же уверовали в Спасителя и всем сердцем предались Ему.

Христос любил Галилею и часто сюда возвращался. Почти все ученики Спасителя, будущие апостолы, были из Галилеи. Кроме одного — Иуды Искариота. И жены-мироносицы, которые повсюду следовали за Христом, служа Ему «из имений своих», тоже были галилеянками. Мария Магдалина родилась в городе Магдалы; Саломия, мать апостолов Иоанна и Иосифа, — в Вифсаиде.

Многие из преданных людей, окружавших Спасителя, были из Галилеи. В том числе и любимый Его ученик — Иоанн Заведеев. Иоанн был юноша кроткий, простосердечный, полностью отрешенный от мирских забот и суеты. Свою

преданность Христу он доказал не на словах, а на деле.

Спаситель отличал Иоанна среди своих учеников и последователей. Возможно, к их взаимной привязанности примешивались и родственные чувства. По многочисленным свидетельствам христианских историков и писателей, Саломия, мать Иоанна, была или сестрой Богоматери, или дочерью Иосифа Обручника от первого брака.

Мы не знаем дату рождения Иоанна. Предположительно он был моложе Иисуса на пять — десять лет, они могли встречаться в детстве. От Назарета до Вифсаиды было всего несколько часов пути по меркам галилеян, замечательных пешеходов.

Многочисленные толкователи Нового Завета с умилением вспоминают сцену во время последней вечери, когда Иоанн возложил голову на грудь Иисуса и тихо спросил у него: «Кто предатель?» Скорее, это чисто братский жест, а не свидетельство нежной привязанности ученика к наставнику. Иисус сохранил к Иоанну отношение старшего брата к младшему — чуть покровительственное и любовное.

Впрочем, к многочисленным и противоречивым свидетельствам и домыслам о семье Иисуса Христа нужно относиться с осторожностью. Иоанн признавал, что родные братья Спасителя не поняли Его и не приняли Его учения. Сам Иисус не придавал большого значения кровному родству. «Мать моя и братья мои — суть слушающие слово Божие и исполняющие его», — сказал Он (Лк., VIII).

Иоанн Заведеев — человек «простой и некнижный»

Иоанн был сыном галилейского рыбака Заведея и его жены Саломии. Вместе с отцом и старшим братом Иосифом он ловил рыбу в Галилейском озере и чинил сети. Но это вовсе не означало, что семья принадлежала к низам. Судя по всему, Заведей был очень состоятельным человеком. Иудеи любили рыбу, а озеро изобиловало ею. Заведей даже нанимал работников, что было необычно для того времени: простые и небогатые люди обходились помощью родственников и членов семьи.

Рыбы было так много, что ее возили продавать в Иерусалим. По некоторым свидетельствам, в Иерусалиме Заведей имел собственный дом. Эта почтенная семья была хорошо известна в городе. Когда Иисуса схватили стражники и привели в дом первосвященника Каиафы, Иоанн вошел вслед за Учителем во двор. Привратник его не остановил, потому что он был знаком первосвященнику. А Петр в это время стоял за дверью, пока Иоанн не вышел и не ввел его во двор.

Почему же Иоанн с детства чинил сети и ловил рыбу? В те времена богатые люди еще не брезговали простым ремеслом. Каждый еврей, начиная с царя и кончая простым поселянином, знал какое-либо ремесло. Апостол Павел умел делать палатки. Среди раввинов были плотники, сапожники, пекари. Раввины на своем примере учили народ, что труд — важнейшее средство борьбы с грехом.

Иоанн не был «книжником», не «сидел у колен какого-нибудь учителя», как образно говорили в то время о большой учености. Но как и все еврейские дети, он с пяти лет начал учить молитвы и Священное Писание. Заведей и особенно его жена Саломия были очень религиозными людьми. В семье царила особая одухотворенная, любовная атмосфера. Этот семейный дух благотворно сказывался на характере Иоанна.

С молодых лет он привлекал к себе людей необыкновенной терпимостью и доброжелательностью к ближним. У него не было врагов. Но ровность и сдержанность сочетались в Иоанне с пылкостью души и стойкостью к невзгодам. Он умел увлекаться и, увлекшись какой-нибудь идеей, отдавался ей всецело. Это качество Иоанн унаследовал от своей матери Саломии.

Саломия не была фанатичной, но таких, как она, древние философы называли «великими христианскими женщинами». Вместе с другими женами-мироносицами Саломия три года следовала за Спасителем, без колебаний оставив дом и хозяйство. Рядом с Богородицей и Иоанном она стояла у креста, на котором умирал Христос, а на третий день пришла вместе с женами-мироносицами ко гробу (Марк, XVI).

Саломия не претерпела мук и страданий за Христа, как святые великомученицы Варвара, Катерина, Параскева, Вера, Надежда, Любовь и мать их София. Но и она внесла свою лепту в историю христианства. Немало примеров, когда благочестивые женщины — матери, бабушки — сумели вырастить и воспитать великих людей —

Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого. На Иоанна мать оказывала, быть может, большее влияние, чем отец.

От отца ему достались доброта и созерцательность, ровность и мягкость характера, трудолюбие и терпение. Скорее всего, у сыновей Заведея были учителя, но и сам он уделял много внимания их воспитанию. Так было принято в еврейских семьях. Недостаточная забота о воспитании детей отцом и матерью порицалась родственниками и раввинами. К детям относились с трепетом и нежностью, потому что дети считались знаком Божьего благоволения, а бездетность — тяжким проклятием.

В Священном Писании было сказано: учить детей своих — одна из важнейших обязанностей человека перед Богом. «Да будут слова сии, которые я заповедаю тебе сегодня, в сердце твоем. И внушай их детям твоим и говори об них, сидя в доме твоем, и когда идешь, и когда ложишься, и когда встаешь» (Второзаконие, VI, 6—7).

Как и чему обучали детей в еврейских семьях? «Моисей повелел, чтобы детей учили читать и ходить в законе Господнем, а также знать о делах своих отцов, чтобы дети могли подражать им и не преступать закона, не отговариваться его неведением, — писал Иосиф Флавий. — Мы считаем делом самым важным воспитание наших детей в сравнении с каким-либо другим делом. Так как мы изучаем Закон с первых проблесков нашего сознания, то он как бы запечатлевается в нашей душе».

С пяти лет еврейские дети начинали изучать Священное Писание. Тексты его имелись в каждом доме, даже небогатом, на пергаментных свит-

ках или папирусах. Если пергамент — особо выделанная кожа — был доступен более зажиточным людям, то папирус — многолетнее водное растение, особым способом высушенное и приспособленное для письма, — пользовался большой популярностью из-за своей дешевизны.

Долгими вечерами Заведей и Саломия читали сыновьям Священное Писание и толковали, как могли, отдельные места. В пасхальную вечерю глава семейства обязательно рассказывал детям, как Господь избавил их народ от египетского рабства и сорок лет вел его через Аравийскую пустыню. «Когда скажут вам дети ваши: что это за служение?» Скажите: «Это пасхальная жертва Господу, который прошел мимо домов сынов израилевых в Египте, когда поражал египтян, а дома наши избавил» (Исход, XII, 26—27).

Возможно, кто-то усомнится, мог ли простой рыбак, пускай и зажиточный, уделять много времени своим детям, читать им и толковать Библию? Скорее всего, Заведей нанимал учителей или посылал сыновей в школу. Но, как известно, в праздничные дни труд у евреев считался не только греховным, но и бесполезным. А праздничные дни составляли два месяца в году.

Филон, современник Спасителя, оставил интересные свидетельства о семейном укладе иудеев, о воспитании детей и заботе об их образовании. Он говорил, что детей обучают с пеленок родители, наставники и учителя не только Священному Закону и вере в Бога-Отца, но и неписаным обычаям. Народ жил по законам, которые заповедал Господь, и по обычаям предков. «В

Законе сказано» — то и дело вспоминали иудеи, это стало привычной поговоркой. С детских лет они постигали Закон, а житейской мудрости учились по Книге Притчей и по народным притчам и пословицам, которые передавались устно из поколения в поколение.

Такой запас знаний и премудрости получали дети дома от родителей и учителей. Но была еще синагога, где собирался народ по субботам и праздникам, во второй и пятый дни недели. В синагоге молились, читали и толковали Священное Писание. Жертвоприношение совершали только в Иерусалимском храме.

Древние историки называли синагоги учебными заведениями, в которых народ учился мудрости, справедливости, благочестию и другим добродетелям. В Иерусалиме было четыреста восемьдесят синагог, а Галилею даже называли «страной синагог». В маленьких селениях и городках обязательно находилась синагога, например в Назарете, о чем не раз упоминает Евангелие. Возможно, Иоанн Заведеев учился в школе при синагоге, где ученики очень глубоко постигали знания законов и историю своего народа.

Сейчас, по прошествии девятнадцати столетий, трудно ответить на вопрос — был ли Иоанн образованным человеком? Многочисленные толкователи прочно укоренили в умах образ сына галилейского рыбаря, простого и вовсе «некнижного» человека. Ссылались на такой авторитет, как Иоанн Златоуст, который не слишком ценил книжную ученость.

«Что касается до внешнего образования, —

говорил Иоанн Златоуст, — то он (Иоанн Богослов. — *Н. И.*) был вовсе необразован. При том об этом свидетельствует и Лука, когда пишет, что он человек не только простой, но и безграмотный. И это должно быть так».

Возможно, «безграмотный» — всего лишь издержки перевода. Такое определение звучит кощунственно по отношению к апостолу, написавшему на греческом языке Евангелие, три Послания и «Откровение». Иеромонах Евдоким, автор жизнеописания Иоанна Богослова, позволил себе не согласиться и с Иоанном Златоустом, и даже с Лукой!

В своем обширном труде, который он определил как «опыт библейско-исторического исследования», Евдоким подробно обсуждает этот вопрос. И приводит немало доводов, очень убедительных и разумных.

Что значит «некнижный и простой» человек? «Это значит всего лишь, что Иоанн не получил высшего, систематического раввинского образования, — говорит Евдоким. — В то время иудейские раввины были очень высокомерны и не признавали учеными тех, кто не учился у них. Даже о самом Спасителе книжники говорили: «Как он знает Писание, не учившись! Откуда у него такая премудрость и сила?»

Между иудеями не было мира и согласия. Иерусалимские иудеи смотрели свысока на галилеян, считали их невеждами и посмеивались над их акцентом. Галилеяне говорили на арамейско-галилейском диалекте. Но они также говорили и по-гречески. Не только говорили, но и писали.

Иоанн Златоуст относился к этому очень одобрительно: «Тогда и евреи говорили по-эллински».

Возможно, для книжников и фарисеев, современников Иоанна, это обстоятельство вовсе не было признаком образованности. Но глубокое знание Священного Писания ими несомненно ценилось. Евдоким, скрупулезно анализируя тексты, доказывает, как хорошо Иоанн знал священные ветхозаветные книги, как легко и свободно цитировал их по памяти, а отдельные места пересказывал своими словами очень близко к тексту. А «Откровение» просто наполнено образами и картинами Священного Писания, без знания которых невозможно понять до конца это пророческое и вдохновенное творение Иоанна.

Казалось бы, какие могут быть сомнения в том, что автор Евангелия и «Откровения» не только литературно одаренный, но и образованный, начитанный человек? Но, вероятно, в те далекие времена, почти две тысячи лет назад, существовали другие представления о «книжности» и образованности, которые нам уже не дано постигнуть.

«О, Иерусалим! Очи мои и сердце мое будут там во все дни!»

Двенадцатилетний возраст был важной вехой в жизни еврейского мальчика: согласно Талмуду до двенадцати лет он считался юношей. Именно в этом возрасте в жизни некоторых ветхозаветных царей и судей — Моисея, Соломона — произошли важ-

ные события. Моисей покинул дворец фараона, где он жил как воспитанник дочери фараона. А Соломон впервые выступил в роли судьи и показал необыкновенную для ребенка мудрость.

Но не только у иудеев двенадцать лет считались возрастным порогом, за которым наступала зрелость. Римлянин с этого возраста надевал тогу мужчины. У некоторых народов этот возраст даже был брачным. А молодой израильтянин становился «сыном Закона», и с ним обращались, как со взрослым. По закону грехи, совершенные детьми до двенадцати лет, ложатся на их отцов, а с двенадцатилетнего возраста они сами отвечают за себя.

В двенадцать лет Иоанн, как и все его сверстники, освободился от родительской опеки и должен был трижды в год ходить в Иерусалимский храм, молиться, поститься и приносить жертвы.

Когда Иоанн впервые увидел с высокого холма этот величественный город, то был потрясен. В Иерусалиме находилось много прекрасных зданий — роскошный дворец Ирода с прекрасными статуями и картинами, дома первосвященников и три знаменитые крепости — Гиппика, Фасаила и Мариамны. Над всем многолюдным Иерусалимом, над его величественными зданиями возвышался главный храм — храм Соломона, построенный из белого мрамора, с мраморными колоннами и воротами, отделанными золотом и серебром. Этим храмом восхищались даже римляне, которых трудно было удивить.

На праздники в Иерусалим собирались до трех миллионов человек со всего света — иудеев

и римлян, египтян и критян. Праздничные богослужения отличались торжественными процессиями и богатыми обрядами. До двухсот пятидесяти пасхальных агнцев закалывали и приносили в жертву на алтаре. Дым с жертвенного алтаря весь день густым облаком поднимался к небу и растворялся там, как бы давая знак, что жертва принята.

Играл оркестр музыкантов на струнных и духовых инструментах. Богатые и знатные иудеи и римляне в роскошных одеждах мешались с толпой простолюдинов. Знаменитые ораторы и проповедники произносили свои вдохновенные речи под одобрительные крики слушающих.

Все эти новые впечатления поразили чувствительную душу Иоанна. Раньше, в тиши провинциальной Галилеи, его воображение питали образы Священного Писания и рассказы родителей и наставников о полном страданий и злоключений прошлом его народа. Теперь история предков словно воплотилась для Иоанна в чувственных, осязаемых картинах и звуках.

Иерусалимский храм был частью той истории, которую Иоанн изучал до того дня по чужим рассказам. За тысячу лет до рождества Христова царь Соломон, сын Давида, построил этот храм. «И начал Соломон строить дом Господень в Иерусалиме на горе Мориа, которая была указана Давиду, отцу его» (2 Паралип, II). В храм был перенесен Ковчег Завета, святыня иудеев. В Ковчеге хранились скрижали с заповедями, которые передал Бог Моисею на горе Синай.

После Соломона Иерусалим неоднократно завоевывался и разрушался — вавилонским царем Навуходоносором Вторым, персидским царем Киром, египетским царем Птолемеем и римлянами. Подсчитано, что город переходил из рук в руки тридцать семь раз.

В 587 году до н. э. Навуходоносор разорил Иерусалим, а еврейский народ увел в плен. Спустя шестьдесят лет евреи вернулись в Иерусалим и отстроили новый храм. Город переживал как лучшие, так и худшие времена. Наивысшего расцвета Иерусалим достиг при Ироде Великом, который получил такой титул за то, что пролил море крови.

Ирод Великий любил пышность и великолепие. В годы его царствования Иерусалимский храм поражал своей роскошью и внутри, и снаружи. Даже стены и крыши его строений были выложены золотыми плитками. На закате солнца храм Соломона высился над городом, словно охваченный пламенем золотого пожара. При виде этого неземного зрелища бедных паломников из далеких провинций охватывал восторг, и они падали на колени и возносили горячие молитвы благодарности за то, что сподобились лицезреть такое чудо.

Таким храм Соломона оставался до римско-иудейской войны. Таким его увидел юноша Иоанн. Пройдет много лет, и, будучи глубоким стариком, Иоанн опишет величие Иерусалима в своем «Откровении». К тому времени пророчества Спасителя сбудутся: в 70 году н. э. войска

римского императора Тита Флавия завоевали город и не оставили от него камня на камне.

Величественный храм Соломона тоже разрушили варвары, но в памяти Иоанна он остался нетленным. Автору «Откровения» и не нужен был земной Иерусалим и видимый храм. Он видел небесный град и чудный храм в нем. В этом граде тихо течет блаженная жизнь, в которой нет ни слез, ни болезней, ни воздыханий.

«И я, Иоанн, увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего... Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями... А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин... И город не имел нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его» («Откровение», XXI).

В жизни Иоанна Заведеева от двенадцати до двадцати лет ничего знаменательного и важного не произошло, кроме духовного роста, невидимого глазу. После праздника он возвращался в тихую провинциальную Галилею, ловил с отцом и братом рыбу в озере, читал священные книги и молился в синагоге.

В это время он подружился с Симоном-Петром и Андреем, тоже будущими учениками Христа. Между ними было много общего. Петр, до призвания в ученики Спасителем, носил имя Симон, был сыном галилейского рыбака и жил в

Вифсаиде. Лука в своем Евангелии называет Иоанна и Симона-Петра «товарищами».

В то время иудеи жили ожиданием прихода Мессии, или Избавителя, которое было предсказано в Священном Писании. С нетерпением ждали его еще в царствование Ирода — верного слуги Рима, задушившего иудеев налогами. Но вот умер Ирод, разделив Палестину на три части для своих троих сыновей, а Мессия, по-гречески Христос, все не появлялся.

Иоанн и Симон-Петр, часто беседуя друг с другом о долгожданном Избавителе, в душе опасались, что могут не увидеть его на своем веку. Ведь жизнь человеческая так коротка.

Иудеи мечтали, что в первую очередь Мессия избавит их от ненавистных римлян и принесет с собой Царство Божие. Это царство каждый видел по-своему, в меру своих представлений о счастье, благополучии и свободе.

Для соседей и родных Иоанн и Симон-Петр с братьями были обычными мирянами, трудолюбивыми и зажиточными, сыновьями почтенных родителей. Но мир с его суетными заботами мало прельщал юношей. Царство Божие они понимали не как сытую жизнь без бедных и богатых, а как торжество любви и справедливости на земле. И ради Царства Божия они готовы были оставить благополучную жизнь на берегу озера и отправиться на край света, терпеть лишения и муки.

Так они и поступили без колебаний, когда услышали, что на Иордане появился пророк, который призывает людей покаяться, ибо приблизилось Царство Божие.

Предтеча

Иоанн Креститель родился на полгода раньше Спасителя от священника Захарии и его жены Елизаветы, людей очень праведной жизни. Оба они были в преклонных летах и давно потеряли надежду иметь детей. И вот однажды, когда Захария был один в храме, возле жертвенника явился ему ангел Гавриил и благовестил, что скоро родится у них с женой сын и назовут они его Иоанном. И много радости не только родителям, но и всем людям принесет этот ребенок, потому что исполнится Духа Святого еще во чреве матери, и многих сынов израилевых обратит к Богу. И будет он в духе и силе, как Илия. А по предсказаниям, о приходе Мессии должен провозгласить пророк Илия.

Захария очень оробел и слушал ангела со страхом и недоверием. И даже позволил себе ему противоречить:

— По чему я узнаю это? Ибо я стар и жена моя в летах преклонных.

За эти сомнения и страхи Захария был наказан — ангел замкнул его уста, и он надолго онемел.

А Елизавета всем на удивление понесла. Когда она шестой месяц носила ребенка, а Дева Мария только зачала от Духа Святого, то пришла Пресвятая Дева в Иудею, в гости к Захарии и Елизавете, которым приходилась родственницей. И едва прозвучал ее голос в доме Захарии, как ребенок радостно взыграл во чреве у Елизаветы. И воскликнула Елизавета:

— Благословенна ты между женами и благословенен плод чрева твоего! И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?

В свое время Елизавета родила сына, и назвали его Иоанном, хотя ближайших родственников с этим именем у них не было. По обычаям иудеев младенец должен был наречься Захарией, но отец его, взяв дощечку, написал — Иоанн. И тотчас разрешились уста его, и он снова стал говорить.

О младенческих годах Иоанна Предтечи Евангелие больше ничего не сообщает, кроме того, что он «возрастал и укреплялся духом и был в пустынях до дня явления своего Израилю» (Лк., I). Много интересных легенд и преданий о жизни и подвигах Предтечи рассказывают апокрифы.

В переводе с греческого «апокриф» означает «тайный, секретный». Это произведения религиозного содержания, по каким-то причинам не признанные церковью священными и не разрешенные к использованию при богослужении. Кроме четырех канонических Евангелий существуют, например, еще несколько — от Фомы, от Петра. Некоторые Откровения, Заветы, рассказы о жизни святых, Марии и младенца Иисуса церковь разрешала читать, если они не противоречили догме. Другие же апокрифические легенды и предания были запрещены, потому что рисовали апостолов, пророков и святых слишком живыми, обыкновенными людьми и снижали, опрощали их образы.

Но даже христианские писатели и историки

никогда не пренебрегали апокрифами, изучая жизнь и подвиги великих людей. И не боялись ссылаться на них, поэтому многие предания и легенды дошли и до нас. Порой церковные жития дают скудные, сухие сведения, все время с опаской оглядываясь на канон. И пусть апокрифические предания слишком сказочны и фантастичны, зато сколько в них поэзии и красоты!

Так, по одной из легенд, Елизавета с младенцем бежала в пустыню, скрываясь от воинов Ирода. Ирод, проведав от волхвов, что родился царь Иудейский, приказал избить всех младенцев в Иудее до двух лет. Воины уже настигали несчастную женщину, и вдруг скалы расступились перед Елизаветой, а потом сомкнулись за ее спиной, избавив от преследователей.

По другой легенде, когда младенцу исполнилось пять месяцев, Елизавете снова явился ангел, велел отнять мальчика от груди и приучать отныне к дикому меду и акридам. Иоанн Предтеча стал олицетворением сурового и непреклонного аскета, который с младенчества не знал другой пищи. Акриды — род саранчи, а диким медом называли не только пчелиный мед, но и древесный сок. Одеждой Иоанну служили власяницы из грубой верблюжьей шерсти.

В посте и молитве он приготовлялся к своему служению, чтобы объявить миру о скором пришествии Мессии. Когда ему исполнилось тридцать лет, Иоанн начал проповедовать в пустыне Иудейской, призывая народ к покаянию. И так «сильно подействовало явление пророка, заставив весь народ встрепенуться и прийти в сознание

грехов своих», — писал Иоанн Златоуст о Предтече («Беседы на Евангелие Матфея»).

Иоанн не блистал красноречием. Но его слова пробуждали и трогали самые черствые сердца. В чем было могущество этих слов? В отличие от многих других проповедников он не прельщал людей обещаниями светлого будущего и рая на земле. Наоборот, он был суровым обличителем пороков, призывал к аскетизму и ограничениям желаний и потребностей. Таких пророков не любили и часто побивали камнями.

В искренних и страстных проповедях Иоанна была скрытая магия, завораживающая толпу. Эта магия необъяснима и непонятна обыкновенным людям. Мало ли примеров в истории, когда горячее слово, идущее из души, увлекало за собой народы!

Со всех концов Палестины стекались иудеи на Иордан к новоявленному пророку, чтобы послушать его.

— Порождения ехидны! Кто внушал вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойные плоды покаяния! Дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь! — громогласно взывал Иоанн к грешникам.

— Что же нам делать? — с робостью вопрошали люди.

Иоанн давал ясные и точные ответы:

— У кого есть две одежды, тот отдай одну неимущему, у кого есть пища, делай то же. Никого не обижайте, не клевещите и довольствуйтесь своим жалованьем. Ничего не требуйте более определенного вам (Лк., III).

Паломники крестились у Иоанна и оставались на берегу Иордана по нескольку дней или недель. Потом они возвращались в свои города и селения и рассказывали землякам о пророке. И новые толпы жаждущих поскорее увидеть Царство Божие устремлялись на Иордан. А чтобы попасть в это царство, необходимо было поскорее очиститься от грехов и креститься у пророка.

Не только Иоанн с Симоном-Петром и их братья отправились к Иоанну Крестителю. С ними вместе шли Филипп с Нафанаилом, тоже жители Вифсаиды. И многие галилеяне поспешили на Иордан, они были людьми очень впечатлительными, религиозными и простосердечными. И как и все иудеи, давно ждали Мессию.

«Народ был в ожидании, и все помышляли в сердцах своих об Иоанне, не Христос ли он» (Лк., III). И братья Заведеевы, и Симон-Петр с Андреем тоже надеялись, что Иоанн Креститель и есть Мессия, просто до поры до времени скрывает это. Хотя сам суровый пророк не раз повторял, что он — Предтеча и послан вперед, чтобы объявить о скором приходе Мессии, или по-гречески Христа.

По многочисленным свидетельствам, Иоанн был некоторое время учеником Крестителя и прожил у него на Иордане несколько месяцев. После тихой благодатной Галилеи новая жизнь в пустыне, в строгих постах и молитве, много дала душе Иоанна. Огромное впечатление произвели на него проповеди Учителя и вся его могучая личность. Таких людей ему еще не приходилось встречать в жизни. Иоанн не сомневался, что

Учитель не мог быть обыкновенным грешным человеком из плоти и крови.

«Природную склонность к самоуглубленному созерцанию и мистицизму еще больше развил в нем Предтеча», — писал иеромонах Евдоким, которого интересовала не столько внешняя канва жизни Иоанна, сколько его духовное самоусовершенствование.

Внутреннее созерцание и мистицизм — качества, необходимые для пророка, способного видеть будущее так же ясно, как настоящее. Хотя многие церковные авторитеты полагали, что эта способность дается людям праведной жизни, чистым душой и телом. Но мало ли было христианских праведников и непорочных девственников, и только единицы из них могли отдернуть таинственную завесу в будущее, за которой для простых смертных зияла лишь черная бездна.

Без сомнения, будучи учеником Предтечи, Иоанн поднялся еще на одну ступеньку вверх по лестнице, которая через несколько десятилетий приведет его к небесным высотам пророчества.

В Палестине время от времени появлялись самозванцы, объявлявшие себя мессиями. Они бродили по городам и селениям, увлекая за собой толпы доверчивого народа, и обещали иудеям скорое освобождение от ига язычников и наступление Царства Божия.

Многих из них вскоре разоблачали как мошенников, других отлавливала стража. Но Иоанн Креститель вовсе не походил на бродягу. За ко-

роткое время он сумел всколыхнуть всю Иудею и ближние провинции. Это очень тревожило фарисеев и Ирода Антипу. Ревнивые фарисеи понимали, что их авторитет среди народа падает, а слава нового пророка растет день ото дня. Ирод больше боялся беспорядков и бунтов.

Посланы были к Иоанну Крестителю священники и левиты из Иерусалима, для того чтобы разузнать, кто он, за кого себя выдает? Иоанн Заведеев присутствовал при этой встрече и рассказал о ней в своем Евангелии. Креститель прямо объявил посланникам, что он не Христос.

— Кто же ты, Илия, пророк? — допытывались они.

Он отвечал:

— Нет!

Но фарисеи настаивали, потому что им нужно было дать ответ пославшим их.

— Я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу! — сказал Креститель.

Высокомерные фарисеи слушали недоверчиво: о ком это он говорит? Кто этот таинственный Некто, Которого никто не знает, хотя Он уже среди нас?

— Он-то идущий за мной, но Который стал впереди меня, я недостоин развязать ремень у обуви его. — Сколько смирения и кротости было в словах сурового пророка и обличителя, когда он говорил о Божьем посланце.

Но фарисеи так ничего и не поняли и вернулись в Иерусалим очень недовольные невразумительными ответами Иоанна. С этого времени они

стали искать случая, как бы расправиться с ним. Но поскольку слишком громкую славу приобрел он у народа, его убийство или заточение в тюрьму могло вызвать недовольство и ропот иудеев.

После этого визита на Иордан знатных первосвященников и левитов Иоанн с Симоном-Петром поверили, что Учитель ничего не скрывает, что он действительно не Мессия, а только Предтеча Его. И предстоит снова ждать, может быть, долгое время. Но Спаситель вскоре сам пришел на Иордан к Крестителю. И как раз в то время, когда Иоанна Заведеева не было рядом с Учителем!

Евангелие Иоанна — это повествование очевидца. Он пишет только о том, что сам видел и слышал. Поэтому о крещении Иисуса в водах Иордана, совершенном Предтечей, он только упоминает, а подробнее рассказывает об этом Матфей.

Креститель удерживал Иисуса и восклицал:

— Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?

Но Иисус сказал ему в ответ:

— Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду (Мф., III).

Об этом Иоанн Креститель рассказывал своим ученикам. И больше всего поразило Иоанна Заведеева то, что случилось после обряда, когда Христос вышел из воды. Возле реки в ту минуту стояли паломники и ученики, но только Креститель видел, как вдруг отверзлись небеса у них над головами и спустился Дух Божий в виде

голубя прямо на Иисуса. И раздался глас с неба: сей есть Сын мой Возлюбленный!

И в такой важный день Иоанна Заведеева и Симона-Петра не было рядом с Крестителем!

Первая встреча Иоанна Заведеева со Спасителем

Мечта Иоанна видеть своими глазами долгожданного Мессию и говорить с Ним осуществилась раньше, чем он предполагал. Спустя какое-то время они с Андреем, братом Симона-Петра, стояли рядом с Учителем у воды. Может быть, ученики крестили паломников или слушали вдохновенные проповеди Крестителя, с которыми он обращался к народу.

В этот день Иисус снова навестил Иоанна Крестителя. И тот, еще издалека завидев Христа, указал на Него ученикам:

— Вот Агнец Божий, Который берет на себя грехи мира.

Эти слова как гром прогремели в ушах Иоанна Заведеева. Он не описывает облик Христа и впечатление, которое Спаситель произвел на него при первой встрече, словно давая понять, как это маловажно — в прекрасном или самом заурядном человеческом обличье воплотился Сын Божий.

Между тем даже ранние христиане, люди, которых отделяли от живого Христа всего два-три поколения, яростно спорили на эту тему. Одни

уверяли, что Иисус был прекрасен, потому что божество не может воплотиться в другом облике. А философ Ориген и его последователи считали, что именно заурядная внешность Спасителя является доказательством Его божественной сущности, как символ превосходства души над бренным телом.

Ведь Иисус пришел в этот мир утешить и обогреть надеждой миллионы обездоленных, бесправных и нищих. Они любили и поклонялись Ему, потому что Он был их Богом, созданным по их образу и подобию и символизирующим их собственную жалкую судьбу.

Но попробуем представить себе, каким явился Христос Иоанну Заведееву, впечатлительному юноше с чистой душой, который уже несколько лет с нетерпением ждал этой встречи. Иоанн увидел «человека среднего роста с хорошей осанкой и великолепным благородным лицом. Его вид внушал и любовь, и страх одновременно. Волосы цвета спелого ореха ниспадали гладко до ушей, а дальше до самых плеч вились колечками, чуть более светлыми и блестящими; посередине головы они разделены пробором, как это принято у назореев; лоб ясен и чист, лицо без морщин и пятен дышало силой и спокойствием; линии носа и рта безукоризненны, борода густая, того же цвета, что и волосы, не очень длинная, разделенная посередине. Взгляд прямой, проницательный, глаза сине-зеленые, яркие и живые. В гневе он был страшен, а поучал дружески и нежно, с радостной серьезностью. Иной раз он плакал, но не смеялся никогда. Держался гордо и прямо, руки и плечи

его полны изящества. В разговоре был серьезен, скромен, сдержан, и к нему по праву можно было отнести слова пророка: «Вот самый прекрасный обликом из всех сынов человеческих» (Послание Лентулла).

Это послание — отчет римскому сенату от проконсула Палестины, в котором он живописал облик Иисуса. И пускай подлинность его не раз опровергали, доказывали, что это всего лишь апокриф, подделка, чьи-то досужие выдумки. Но уже много веков христиане верят, что это и есть словесный портрет Христа.

Представления о красоте и благообразии временами менялись. Каким бы ни был человеческий облик Иисуса, Он всегда производил сильное впечатление на людей. От Него словно исходил свет. И все понимали, что перед ними необыкновенный, великий человек.

Стоя почтительно в стороне, как и полагалось ученику, пока Христос разговаривал с Предтечей, Иоанн жадно смотрел и слушал. Или сговорившись заранее, или повинуясь какому-то безотчетному чувству, они с Андреем пошли за Иисусом вослед, когда Он простился с Крестителем. Это было в Вифаваре при Иордане, где тогда крестил пророк.

Иисус вскоре заметил, что двое учеников Иоанна сопровождают его на расстоянии, не смея приблизиться и заговорить. Он сам обратился к ним:

— Что вам надобно?

Они смутились и отвечали:

— Учитель, где ты живешь?

Иисус позволил им идти рядом с собой:

— Пойдете и увидите.

Они пришли в дом, где в то время жил Спаситель, и пробыли с ним целый день. «Было около десятого часа», — читаем мы в Евангелии Иоанна о дне, промелькнувшем около двух тысяч лет назад. Повествование Иоанна отличается замечательной точностью: в нем всегда указано место, где происходит событие, и время, когда оно происходит.

«Пришедши ко Христу и послушав Его один вечер, они уже не возвращались к Иоанну, но так предались Христу, что приняли на себя служение Иоанна и сами стали проповедовать о Христе», — писал Иоанн Златоуст («Беседы на Евангелие Иоанна»).

Но это не значило, что Иоанн Заведеев и Андрей стали учениками Христа и судьба их окончательно решилась. Спаситель никому не отказывал в беседе, даже враждебно настроенным против него фарисеям и книжникам. Иисус еще только начинал свое служение, но за Ним уже следовали жаждавшие послушать Его слово. Некоторые предлагали себя в ученики, но Спаситель многих отвергал, видя слабость или неискренность побуждений.

Иисус не препятствовал галилеянам следовать за Ним. Первыми поверили в него и стали его верными спутниками Иоанн Заведеев и Андрей. Сам Креститель указал им на Христа со словами: «Вот Агнец Божий!», как бы передавая с рук на руки двоих своих учеников Спасителю. Потом настала очередь Симона-Петра...

Первая встреча и беседа со Спасителем так поразила Андрея, что он поспешил отыскать брата и радостно сообщил ему:

— Мы нашли Мессию, что значит Христос.

И вскоре привел Симона-Петра к Иисусу. Иисус же, взглянув на него, сказал:

— Симон, сын Ионин, ты наречешься Кифа, что значит «камень».

С этой минуты Симон стал называться Петром, по-гречески «камень». И Петр тут же поддался могучему влиянию личности Иисуса и уверовал в него с первой встречи, как Иоанн и Андрей. Здесь впервые проявилась прозорливость Иисуса, ведь Он не знал имени Петра и тем более не мог знать имени его отца.

Апокрифы рассказывают о чудесах и пророчествах, якобы явленных Христом еще с младенчества. Но евангелисты это опровергают. Лука повествует о том, каким разумным и знающим был двенадцатилетний Иисус, как равный беседующий со священниками в Иерусалимском храме. Но сам автор не считал это чудом.

Для евангелистов Христос до тридцатилетнего возраста был никому не ведомым плотником из Назарета, пока не пришло Его время. И только с этого момента Божественная сущность Иисуса стала проявляться в Его изречениях и беседах с Петром, Нафанаилом и самарянкою. Вскоре не только ученики, но и целые толпы народа стали свидетелями невиданных чудес, исцелений, воскрешений из мертвых.

Приближалось время Его служения, Иисус выбирал себе учеников. Ему нравились галилеяне

своей искренностью и простодушием. Именно эти качества высокодумные фарисеи из Иерусалима почитали за глупость и невежество. Еще двое галилеян из Вифсаиды были отмечены Христом. Филипп и Нафанаил тоже приходили к Иоанну креститься и какое-то время оставались у него в Вифаваре при Иордане. Здесь Иисус встретил Филиппа и говорил с ним. Филипп поспешил оповестить своего земляка Нафанаила:

— Мы нашли того, о ком писал Моисей в Законе и пророки, — Иисуса, сына Иосифова из Назарета.

Беседа с Иисусом настолько поразила Филиппа, что он позабыл, что этот человек — всего лишь сын плотника из Назарета. Но недоверчивый Нафанаил тут же усомнился:

— Из Назарета может ли быть чего доброе?

— Пойди и посмотри, — обиженно отвечал на это Филипп.

Здесь в повествовании Иоанна явно проскальзывают юмористические нотки. Может быть, кому-то это покажется кощунственным. Евангелие и юмор, совместимо ли это?

Нафанаил тут же отправился к Иисусу, чтобы убедиться собственными глазами в том, что сын плотника из Назарета не может быть Мессией. А собственным глазам Нафанаил очень доверял, поэтому и не слишком надеялся на чудо. Иисус издалека заметил решительно шагающего Нафанаила и поджидал его.

По «Посланию Лентулла», Спаситель иногда плакал и никогда не смеялся. Об улыбке Иисуса никто из очевидцев никогда не упоминал. Иоанн

так живо описывает встречу Спасителя с Нафанаилом, что мы как будто видим мягкую, насмешливую улыбку, с которой Иисус приветствовал галилеянина:

— Вот подлинно израильтянин, в котором нет ни капли лукавства и лицемерия.

Поистине лукавства в Нафанаиле не было ни капли, он не понимал ни добрых шуток, ни иронии. Природа лишила его столь тонких струн, зато с лихвой наградила честностью, прямотой и решительностью. Нафанаил удивился и спросил подозрительно:

— Почему ты знаешь меня?

— Я видел тебя под смоковницей, прежде чем Филипп позвал тебя, — отвечал Иисус.

Нафанаил был потрясен: ведь их разговор с Филиппом происходил за несколько миль от этого места, и вокруг не было ни души. До этого ему приходилось слышать о чуде ясновиденья только из чужих уст, а теперь он сам стал свидетелем чуда. И Нафанаил поверил и воскликнул:

— Равви! Ты воистину Сын Божий, ты царь Израилев!

— Ты поверил только тогда, когда я рассказал, что видел тебя под смоковницей, — не без горечи упрекнул Иисус галилеянина и добавил: — Увидишь больше сего.

Видя так ясно тайные мысли, слабости и пороки людей, Спаситель понимает, что «род лукавый» верит только тогда, когда видит чудеса и знамения. И отныне Он стал являть им эти чудеса и знамения, потому что время Его пришло.

Иисус собрал возле себя шестерых учеников и объявил им, что идет в Галилею на свадебный пир. Все шестеро без колебаний последовали за Ним.

Первые чудеса

Евангелие Иоанна заметно отличается от трех других Евангелий. Это повествование очевидца и свидетеля, в то время как Матфей, Лука и Марк просто пересказывают другие источники, возможно, одни и те же. Вот почему в первых трех Евангелиях так много общего — в рассказах о событиях, в трактовке образа Христа, даже в самой манере повествования. Исследователи стали называть первые три Евангелия синоптическими, а их авторов синоптиками, от греческого слова «синопсис», что значит «общий взгляд».

Евангелие Иоанна — торжественная, возвышенная и полная драматизма история земной жизни и страданий Сына Божьего. Жизнеописания Христа у синоптиков более прозаичны и даже претендуют на историчность и подлинность. Христос у синоптиков — пророк, который из любви к ближнему исцеляет, утешает, проповедует. В то время подобных пророков и чудотворцев немало бродило по Галилее и Иудее.

У Иоанна нет сомнений в божественном происхождении Иисуса из Назарета. В начале Предтеча явил Его миру и людям как Сына Божьего. И сам Иисус не раз говорит о себе: «Я

свет миру», «Я хлеб жизни». В то время как в синоптических евангелиях Его происхождение окутано тайной, а сам Он никогда не говорит о себе как о Мессии.

Чудеса — очень важная часть жизнеописания Христа. Синоптики и Иоанн рассказывают о них каждый по-своему. Для Иоанна чудеса — прежде всего доказательства божественности Спасителя. Слепой, которого исцелил Иисус, воскликнул: «Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего!»

У Матфея, Марка и Луки исцеления совершаются как-то просто и буднично. Словно приходит врач, дает лекарство и поднимает болящего на ноги. Исцеляя дочь начальника синагоги, Иисус сказал: «Не бойтесь, она не умерла, а спит». Это дало повод толкователям-материалистам говорить об обычном случае летаргии.

Иоанн повествует о восьми главных чудесах, не считая множества других, которые являл Спаситель в Галилее и Иудее и которым Иоанн не был свидетель. Из восьми чудес два описаны и синоптиками, а шесть известны только Иоанну и происходили на его глазах. Одно из них — чудо в Кане Галилейской.

Мария, мать Иисуса, была родом из Каны. По-видимому, родственники пригласили на брачный пир всю семью. Был зван и Иисус со своими учениками.

У богатых иудеев свадебный пир мог продолжаться семь дней, бедные праздновали два-три дня. Наверное, эта свадьба не была богатой и

изобильной, потому что вина не хватило. Мать Иисуса тихо сказала ему:

— Вина нет у них.

Во дворе дома стояли шесть каменных водоносов, вмещавших по две-три меры каждый. Иудеи запасали чистую воду, потому что не всегда поблизости были колодцы и ручьи. Если учесть, что мера равна примерно тридцати восьми литрам, то Иисус претворил из воды около шестисот литров вина. Иоанн Златоуст особо подчеркивает, что ошибки или обмана быть не могло, потому что в этих водоносах «по обычаю очищения» никогда не хранилось вино, только вода!

Иисус велел служителям почерпнуть из водоноса и отнести распорядителю пира. Распорядитель отведал вина, не зная, откуда оно взялось, и попенял жениху:

— Всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее, а ты хорошее вино сберег доселе.

«Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в него ученики Его!» — торжественно заключает Иоанн свой рассказ о свадебном пире.

Значит, он не считал первыми чудесами случаи прозорливости и ясновиденья, которые Иисус явил Петру, а потом Нафанаилу. Может быть потому, что свидетелями этих маленьких чудес стали двое учеников Спасителя, а на пиру присутствовало множество народу. И слухи об этом невиданном чуде мгновенно разлетелись по Галилее.

...Толкователи Нового Завета долго спорили между собой о том, был ли женат Иоанн Заведеев? Мнения разделились. По некоторым преданиям, именно на свадьбу Иоанна пришел в Кану Галилейскую Спаситель со своей Матерью. Ведь они были родственниками. И будто бы Иоанн так был потрясен чудом с претворением воды, всем обликом и словами Иисуса, что решил отказаться от невесты и последовал за Мессией.

Иудейский народ жил по строгим законам, а законы требовали, чтобы «пятилетний сын начинал читать Священное Писание, десяти лет принимался за изучение мишны, тринадцати — за изучение заповедей, пятнадцати — Талмуда, а восемнадцати — вступал в брак».

Родители Иоанна не раз просили его выбрать себе невесту, но он почему-то медлил, может быть, чувствуя, что призвание его не в семейной жизни, а в чем-то другом. Уступив настояниям близких, женился его друг Симон-Петр. По одной из легенд, и Иоанн собрался вступить в брак. Но тут явился ему Спаситель и удержал от опрометчивого шага. Это случилось задолго до встречи с Иисусом в Вифаваре. И всегда в минуты колебаний и тяжких раздумий Спаситель незримо поддерживал Иоанна, вразумляя и наставляя его.

Евдоким решительно отвергает предположение о женитьбе Иоанна: «Его юная горячая душа была полна другими интересами. Пылкий от природы, при первой молве о появлении Крестителя он отправился на Иордан и стал его учеником. Здесь перед его взором открылось совершенно

другое. Здесь было некогда и неуместно думать о мирском. Все приходившие сюда забывали свою житейскую суету и начинали жить иной жизнью. Многие даже не хотели уже возвращаться и становились учениками Крестителя, желая отдать себя на служение великому делу».

Вопрос этот не такой маловажный, как может показаться на первый взгляд. Потому что от чистоты душевной и телесной зависела сила пророческого дара, ниспосланного Иоанну. Евдоким ссылается на непререкаемый авторитет Иоанна Златоуста, который тоже не допускал такой возможности. Иоанн Заведеев никогда не был женат. Акафист святому апостолу и евангелисту Иоанну Богослову гласит: «Видя Христос Господь непорочную чистоту твоего сердца, плотскими сластьми не омраченную, суди тебе достойна быти зрения таинственных откровений». Непорочность Иоанна для церкви несомненна: «Ради твоего незлобия и девственного целомудрия был еси возлюблен Христом Господом твоим».

Трудно проследить все пути-дороги, которые исходил Спаситель по городам и селам Галилеи и Иудеи. Иоанн довольно подробно освещает часть жизни Учителя, его странствия, проповеди, знаменательные встречи. Но время от времени Спаситель словно исчезал с глаз учеников, родных и сопровождавших Его людей. Ему необходимо было уединение и покой для молитвы и размышлений. Особенно любил Христос пустынные и живописные берега Галилейского озера.

Скрываясь от людей для уединенной молитвы, Иисус иногда брал с собой двух-трех самых близких учеников, в числе которых всегда находился Иоанн. Поэтому никто из евангелистов так старательно и точно не описывает хождения Спасителя и места его пребывания, как он.

Из Каны Галилейской, сообщает Иоанн, Иисус вместе с Матерью и братьями отправился в Капернаум, где пробыл всего несколько дней. Приближалась иудейская Пасха, и все галилеяне, как обычно, стекались в Иерусалим на праздничное богослужение. Христос тоже был там.

И войдя в храм, Он увидел, что там «продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег». Иисус сделал бич из веревок и выгнал из храма продавцов со скотиной, опрокинул столы и деньги рассыпал у меновщиков.

— Из дома Отца Моего не делайте дома торговли, — говорил Он при этом.

И продавцы не оказали Ему сопротивления и подчинились. А ведь их было множество, и они без труда могли бы справиться с каким-то галилеянином. Зато возмутились священники и фарисеи, которые считали себя хозяевами в храме. И потребовали у сына плотника из Назарета объяснений:

— Каким знамением докажешь ты нам, что имеешь власть так поступать?

Спаситель мог бы совершить какое-нибудь чудо в Иерусалимском храме, но не стал этого делать в угоду фарисеям. Почему? Потому что они только искушали Его по злобе своей. И даже

увидев знамение, они не оставили бы свое неверие, а еще больше возненавидели бы Иисуса.

Он подарил чудо своим добросердечным и наивным землякам в Кане Галилейской. Эти «простые и некнижные» люди с детской радостью и восторгом приняли чудо и тут же уверовали во Христа, одни глубоко и твердо, другие — пылко и недолговечно, в зависимости от своих душевных способностей.

Иоанн не раз повторяет, что Спаситель знал цену вере людей, привлеченных только знамениями. В своей притче Он уподобил их семенам, упавшим на самой поверхности земли и скоро взошедшим, но погибшим через несколько дней от засухи, потому что не имели глубоких корней.

— Блаженны не видевшие и уверовавшие, — говорил Иисус.

То есть блаженны те, кто уверовал, слушая Его учения и пророчества, а не видевшие своими глазами чудеса, Им творимые. Но милосердие Спасителя к человеческим слабостям было поистине безграничным. Он прощал падения и даже предательства близких людей, если эти поступки были вызваны малодушием, страхом, а не корыстью и злобой. Так Иисус заранее простил Петра, предсказав ему, что тот трижды за ночь отречется от Него.

Тему безграничного снисхождения Спасителя к слабостям и суете людей Иоанн продолжает в следующей главе, где рассказывает о Никодиме. В праздничные дни Христос проповедовал и собирал вокруг себя много людей, с интересом слушавших Его. И слова Спасителя были так вдох-

новенны и убедительны, что заражали даже чуждых по духу. Никодим, один из начальников иудейских, член синедриона, тайно приходил к Иисусу ночью, чтобы поговорить с Ним.

— Равви! Мы знаем, что ты Учитель, пришедший от Бога, ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог.

Никодим уже поверил в Христа и готов был стать его тайным учеником. Но он слишком слаб духом, чтобы ходить к Спасителю днем и открыто слушать его проповеди. Он слишком человек своего клана и боится, что его отлучат от синагоги. И Спаситель не укоряет его за то, не прогоняет прочь, а беседует с ним всю ночь. И даже открывает Никодиму многие высокие истины:

— Ибо не послал Бог Сына своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через него.

И Никодим оказался достоин снисхождения. Иоанн еще несколько раз упоминает о нем в своем Евангелии. Однажды Никодим даже осмелился возвысить свой голос за Христа, когда фарисеи решили схватить Его и судить. Он напомнил, что по закону нельзя судить человека, не выслушав его прежде и не узнав, что он делает. Но фарисеи со злобой набросились на него и заставили умолкнуть.

Тот же Никодим с другим тайным учеником Аримафеем уже не побоялись снять тело умершего Иисуса с креста, обвить Его пеленами с благовониями и похоронить по обычаям иудеев.

Кому нести «воду живую»?

Далее Иоанн повествует, как после праздника Пасхи Спаситель еще долгое время ходил по городам и селам Иудеи и проповедовал. Потом они остановились на Иордане, где Христос учил народ, а ученики его крестили приходящих. Фарисеи еще больше встревожились: теперь уже два новых пророка воссияли на Иордане, затмевая их своею славою.

В Иудее Христос с учениками пробыл с Пасхи до посева, то есть примерно с марта по декабрь. Доброжелатели давно советовали им уйти с Иордана, потому что фарисеи только ждали удобного случая, чтобы убить ненавистных пророков или заточить в тюрьму. Но Иисуса не пугали эти угрозы. Он вновь собрался в Галилею только тогда, когда Его скитальческий жребий снова позвал в дорогу.

Вскоре после того, как Спаситель с учениками покинули Иудею, фарисеи уговорили Ирода Антипу схватить Иоанна Крестителя. Ирод был хитрым и осторожным правителем и вовсе не собирался убивать пророка, как ни подстрекали его к тому священники. Он понимал, какую бурю ненависти вызовет у простонародья казнь любимого проповедника. Ирод и сам любил беседовать с Крестителем и даже с удовольствием слушал его обличения.

В это время Иисус на пути в Галилею остановился в маленьком самарийском городке Сихар. Иоанн не раз подчеркивает в своем повествовании, что Учитель, Существо высшего по-

рядка, не из плоти и крови, как обычные люди, никогда не испытывал жажду или голод, не уставал и не жаловался на тяготы странствий.

Иисус не разрешал ученикам брать с собой большую поклажу, чтобы шагать налегке. И, войдя в город, Иоанн с другими учениками сразу же начали искать пищу, потому что очень проголодались. А Иисус присел в тени у колодца. Пришла женщина-самарянка почерпнуть воды. И Спаситель попросил у нее:

— Дай мне пить.

Женщина очень удивилась:

— Как ты, иудей, просишь пить у меня, самарянки? Ведь иудеи с самарянами не сообщаются.

Иудеи давно враждовали с соседями, несмотря на то что были с самарянами одних корней. Самаряне тоже вели свой род от Авраама и считали его своим предком, но из Священного Писания они принимали только книги Моисеевы и не читали пророков. По этой причине иудеи их ненавидели. Самаряне были более миролюбивыми, и чаще всего зачинщиками ссор становились заносчивые иудеи. И тогда, в отместку, самаряне не пускали соседей через свою территорию.

Давняя и застарелая вражда разъединяла два близких народа, и тем не менее Иисус и самарянка мирно беседовали у колодца.

— Всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять. А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек, — говорил Спаситель женщине.

Но самарянка по своей простоте и неискушен-

ности не понимает столь высоких истин. Она просит путника:

— Господин! Дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать.

Едва ли эта невежественная женщина могла бы постигнуть смысл сказанного Иисусом, но она многое чувствовала сердцем. И почему именно ей, убогой и неученой самарянке, Христос прямо говорит о себе, что Он и есть долгожданный Мессия? А фарисеям и книжникам в Иерусалимском храме Он не дал ясного ответа, когда они спрашивали, кто он такой. Потому что она внимала Ему доверчиво, без злого умысла и насмешки.

Вернулись ученики и были очень удивлены, увидев, что Учитель снизошел до разговора с бедной женщиной, да еще самарянкой. Все они были иудеи и строго придерживались иудейских обычаев, не позволявших общаться с язычниками. Но никто из них ничего не сказал Учителю.

Когда самарянка призналась, что у нее нет мужа, Иисус, явив в который раз свою прозорливость, добавил, что у нее в прошлом было пять мужей и тот, которого нынче имеет, не муж ей. Как и Нафанаил, и Петр, женщина была потрясена этим чудом и воскликнула:

— Господи, вижу, что ты пророк!

Она даже забыла у колодца свой водонос и поспешила домой, чтобы рассказать соседям и родным о пророке. И самаряне пришли к колодцу послушать Христа. И, послушав, уверовали в Него уже не по слову женщины.

— Мы сами узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос! — говорили самаряне.

Они упросили Иисуса с учениками побыть у них в городе несколько дней. Так невежественные и грубые язычники приняли слово Божие и уверовали в Него, а высокоумные фарисеи с самого начала возненавидели Христа и гнали Его, хотя читали в пророчествах о том, что Мессия должен явиться.

Этим обращением язычников из Сихара Спаситель преподал своим ученикам большой урок. Он навсегда излечил их от высокомерия и презрения к другим народам, привитого раввинами.

В Евангелии Матфея Христос, посылая своих учеников проповедовать, говорит им:

— На путь к язычникам не ходите, и в город самарянский не входите, а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева.

В повествовании Иоанна Спаситель на Своем примере заповедует ученикам нести слово Божие всему миру и всем, кто хочет ему внимать и уверовать.

До конца своей долгой жизни Иоанн Богослов станет проповедовать учение Христа «перед парфянами, перед мидянами, перед эламптянами, и в Индии, и повсюду на земле до последних пределов вселенной». Всему миру он с готовностью нес «воду живую», которой когда-то обещал напоить Христос бедную самарянку.

Из Самарии Иисус снова пришел в Кану Галилейскую. Здесь Его помнили и знали не только потому, что несколько месяцев назад на брачном пиру Он претворил воду в вино. Галилеяне слы-

шали, что и в Иудее Иисус прославился как проповедник и целитель. И устремились в Кану больные, немощные с надеждою испросить помощь у новоявленного пророка. По своему невежеству и маловерию они считали Христа какимто пророком.

Из Капернаума пришел к Иисусу царедворец Ирода Антипы, у которого был опасно болен сын. Ни лекари, ни знахари не смогли помочь ребенку, и несчастный отец готов был прибегнуть к любому средству. И тут ему рассказали о чудесном целителе, который как раз появился в Кане.

Царедворец отыскал Иисуса и умолял Его поскорее пойти в Капернаум, потому что мальчик умирал. С грустью смотрел Христос на толпу людей, следующих за Ним. Среди них было немало таких, как царедворец из Капернаума, — не верующих в Него и не внимающих Его словам. Они требовали только исцеления или чудес...

Насколько выше оказались простые и невежественные язычники самаряне, которые уверовали в Христа без чудес, только слушая Его учение! Царедворец торопил, и тогда Иисус сказал ему:

— Пойди, сын твой здоров.

Именно в седьмом часу, когда Христос произнес эти слова, умирающему вдруг стало лучше. Домашние и слуги были в изумлении от этого чуда. Когда рассказали об этом царедворцу по его возвращении из Каны, он уверовал в Христа и убедил своих родных в божественной силе целителя.

Так Христос не только избавил от смерти дитя, но и исцелил немощную душу его отца, который просил помощи без веры, а только от отчаяния.

— Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес, — повторяет Спаситель галилеянам и иудеям.

Но все-таки творит чудеса ради их слабых душ, чтобы укрепить их веру, потому что сильных духом увлекало само учение Спасителя и Его божественное Слово.

Иоанн — любимый ученик Спасителя

«Окончательное призвание» Иоанна

Евдоким пишет, опираясь на многочисленные древнейшие источники, что после Каны Галилейской Иисус отпустил учеников домой, а сам в одиночестве продолжал ходить и проповедовать по городам и селам Галилеи. Зачем Он это сделал? Не только для того, чтобы побыть и помолиться в одиночестве. Спаситель словно дал время ученикам, для того чтобы подумать и решить окончательно: готовы ли они оставить навсегда свои прежние занятия, дом, родных и повсюду следовать за Ним, не боясь трудов и лишений.

Иоанн Заведеев снова стал выходить в море с отцом и братом, ловить рыбу, чинить сети. Но он чувствовал, что вернуться к прежней жизни уже не может после всего, что видел и слышал.

Больше года он не был дома, несколько месяцев проведя с Крестителем на Иордане, потом стал учеником Христа.

И теперь в тишине и уединении на берегу Галилейского моря Иоанн заново переживал и перечувствовал все события этого года. Он поверил в Спасителя безгранично, столько раз став свидетелем чудес, пророчеств и ясновидения. Но даже если бы Христос не явил чудес, Иоанн поверил бы в истину Его учения и поддался магии Его обаяния.

И все же Учитель позволил ему выбирать: или тихую мирную жизнь в маленьком провинциальном городке, семейное счастье — или подвижничество и скитания. Поддался ли Иоанн хоть раз соблазну, забрасывая сети в море? Едва ли. Ему чужды были колебания и нерешительность. При всей своей мягкости Иоанн Заведеев был очень цельным и решительным человеком.

В повествовании Иоанн по скромности никогда не называет своего имени. Если нужно упомянуть, что он присутствовал при каком-то событии, он называет себя «другим учеником», «любимым учеником Христа», «учеником, которого любил Христос».

А как рисуют Иоанна и учеников Христа другие евангелисты? Лука иначе представлял себе избрание учеников Спасителем. Биограф Иоанна Богослова Евдоким полагал, что это было второе, окончательное призвание, после которого рыбаки с Галилейского моря уже не возвращались к прежним занятиям, а стали апостолами.

Пока Иоанн с Петром ловили рыбу и жили среди родных, Христос проповедовал в синагогах Назарета, Капернаума и других городов, изгонял бесов, исцелял от горячки и творил многие чудеса. Но в родном городе Он не был понят, потому что назаретяне говорили:

— Не Иосифа ли это сын?

— Истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве, — отвечал Иисус, покидая Назарет.

Он удалился на берег Галилейского моря, которое в Евангелии называется Геннисаретским озером. На его берегах много было городов и селений, и в каждое заходил Спаситель, проповедуя Свое учение. А после захода солнца приводили к Нему больных, и Христос, возлагая на каждого руки, исцелял их.

Когда Он покидал очередной город или селение, жители удерживали Его, прося остаться с ними. Но Иисус говорил:

— И другим городам благовествовать Я должен Царствие Божие, ибо на то Я послан.

И вот пришел Спаситель в окрестности Вифсаиды, где жили Его ученики. В это утро Иоанн и Петр с братьями напрасно забрасывали сети и ничего не поймали. Они уже вытащили лодки на берег и собирались разойтись по домам, когда увидели своего Учителя.

«Народ теснился к Нему», — пишет Лука. Иисусу почти не удавалось побыть в одиночестве, потому что люди ходили за Ним повсюду, искали Его, передавали из города в город известия о том, куда пришел Мессия, где Он учит.

И народу было так много, что Иисус вошел в лодку Петра и попросил его отплыть от берега, для того чтобы люди смогли видеть и слышать Его проповедь. Так Христос учил из лодки, и толпа на берегу внимала с огромным интересом.

— Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда объяснял нам Писание? — спрашивали себя ученики Спасителя (Лк., XXIV).

Так почему же Христос, зажигающий своими словами сердца простых людей, был непонят и гоним учеными фарисеями и священниками из синагоги и некоторыми земляками из Назарета, которые не верили, что сын плотника может быть Мессией? Только некоторые из крупных иудейских начальников — Никодим, царедворец из Капернаума, Аримафей уверовали в Христа и сделались его тайными приверженцами. Только тайными, потому что по малодушию боялись злобных фарисеев.

Когда ученики спрашивали об этом Иисуса, Он отвечал:

— Для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано. И сбывается над ними пророчество Исайи, которое гласит: «Слухом услышите и не уразумеете, и глазами смотреть будете, и не увидите.

Ибо ожесточились сердца сих людей, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Исайя, VI).

...Иисус закончил свою проповедь, вышел из лодки и велел рыбакам снова закинуть сети на самом глубоком месте. Петр сказал:

— Наставник! Мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закинем вновь сети.

На этот раз они поймали столько рыбы, что даже сети у них порвались. Ужас объял всех присутствующих при виде этого необычного зрелища. Петр в страхе даже припал к коленям Спасителя. Иисус сказал ему:

— Не бойся, отныне будешь ловить человеков.

На этот раз Христос призвал своих учеников не на время следовать за Собой, а навсегда. И все четверо, не раздумывая, оставили свои лодки, сети и, не простившись с родными, пошли со Спасителем. А ведь Петр был уже женат. Он оставил свое семейство, когда Учитель сказал ему:

— Следуй за Мной!

Не все ученики выдерживали испытание. Один из них на призыв Христа идти за ним сказал:

— Я пойду за Тобой, Господи, но прежде позволь мне проститься с домашними моими.

— Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия, — ответил ему Спаситель.

Он чувствовал, когда у желающего стать Его учеником, было мало душевных сил для перенесения страданий, трудов и унижений. По свидетельствам евангелистов, у Христа было много

учеников. Но из них Он выбрал только двенадцать и наделил их властью над нечистыми духами, умением врачевать болезни и немощи. Имена этих апостолов: Иоанн и Иаков Заведеевы, Петр и его брат Андрей, Филипп и Варфоломей (Нафанаил), Фома и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Симон, прозываемый Зилотом, Иуда Иаковлев и Иуда Искариот. Христос с самого начала знал, что последний предаст Его, но избрал Иуду в апостолы, чтобы случилось предназначенное.

Кроме двенадцати учеников, которых Спаситель назвал апостолами, Он выбрал еще семьдесят и их послал во все пределы проповедовать Царство Божие и призывать народ к покаянию. И учил их в дороге не заботиться о пропитании, не брать с собой двух одежд, обуви и посоха. Никакие суетные заботы не должны отягощать истинного проповедника. Так путешествовал всегда сам Христос.

Иногда Он отправлялся по городам и селам в полном одиночестве. Иногда Иисус брал с собой двух-трех апостолов, обычно Иоанна и Петра с братьями. Так Иоанн удостоился чести быть свидетелем таинственных и знаменательных событий в земной жизни Христа — Преображения на Фаворе и моления в Гефсиманском саду.

Иоанн Заведеев был самым молодым апостолом. Судя по тому, что он дожил до глубокой старости и в возрасте девяноста лет написал свое Евангелие, в пору призвания ему едва минуло двадцать лет, по другим свидетельствам — не более двадцати пяти.

Что-то было в облике и характере Иоанна, заметно отличающее его от других учеников Христа. Возможно, эти особенные черты сделали его любимым учеником, избранником и наперсником. Из всех апостолов он один назывался наперсником Христовым.

— Христос любил его особенною, великою любовью, это всем очевидно, — говорил Иоанн Златоуст.

Но за что любил, невольно зададимся мы вопросом. Для Блаженного Феофилакта ответ на этот вопрос очевиден: «Иоанн был незлобивее, проще и кротче всех, и за это был любим».

Но почему же тогда Иисус дал Иоанну и Иакову Заведееву прозвища «во анергес» — «сыны грома»? Нежный, скромный, добрый юноша и вдруг «сын грома»? Очевидно, характер Иоанна Заведеева намного богаче и сложнее того бестелесного, идеального образа, который нарисовали отцы церкви и христианские писатели. Каким же был на самом деле Иоанн Богослов?

Начнем с портрета, ведь портрет — зеркало души. На лице, в глазах человека обязательно остается отблеск каких-то душевных качеств, даже самых затаенных, редко проявляемых. Евангельские сюжеты издавна воодушевляли знаменитых художников. Художники создавали образы Спасителя и Его апостолов так, как себе их представляли. Церковь, конечно, старалась направлять творческую фантазию живописцев в нужное русло, не противоречащее догме, ведь она была самым крупным заказчиком и меценатом.

Евдоким воссоздает словесный портрет

юноши Иоанна, очень точно перенесенный с живописных полотен и икон:

«По мнению одних, это был юноша неземной красоты. Черты его лица отличались замечательной мягкостью и почти женственной нежностью. Он имел вдумчивые, прекрасные, большие глаза. Светлые, длинные, вьющиеся локоны обильно ниспадали на его плечи. Внутренний покой просвечивался в каждой черте его лица. Глубоким миром веяло от него. Что-то необыкновенное было в этом замечательном лице. Достаточно было несколько раз видеть Иоанна, чтобы почувствовать глубочайшую привязанность и симпатию к нему. Это юноша вечно тихий, кроткий и спокойный. Ни одно самое легкое дыхание бурь земных не касалось его. Полный глубокой, бесконечно нежной привязанности к Спасителю, он всегда следовал за Ним. С искренним вниманием, не сводя глаз с небесного Наставника, боясь пропустить хоть одно Его слово, он слушал Его беседы и речи».

И все же Евдоким полагал, что, изображая Иоанна только кротким, нежным и послушным агнцем, живописцы очень обедняли его облик. Немногим из них удалось создать правдивый образ Иоанна Богослова в юности и старости. Очень важными чертами его характера, помимо незлобивости и мягкости, были глубокая созерцательность, аскетизм, отрешенность от всего земного.

Рафаэль изобразил Иоанна Богослова мудрецом, покоящимся на крыльях орла. Туда, в недосягаемые высоты, взлетала над суетным миром его чистая душа. Святые отцы и учителя Церкви

тоже часто сравнивали апостола Иоанна с орлом. Блаженный Августин говорил: «Иоанн есть как бы сам орел, проповедник возвышенного и острый созерцатель света внешнего и внутреннего». Орел стал символом святого апостола Иоанна в церковной живописи.

Самым удачным портретом Иоанна Евдоким считает работу художника Доминичино. Апостол изображен за столом с пером в руке. Он пишет, возможно, свое Евангелие или «Откровение». Взгляд Иоанна устремлен вдаль. В такую таинственную даль, куда обыкновенному смертному не дано залетать даже мыслью. Это взгляд пророка, ясновидца и прорицателя.

Так же ясно, как настоящее, Иоанн видел прошлое. Прошлое для него не умирало, он продолжал жить в нем словно наяву. Любовался Иерусалимом своей молодости, стоял вместе с Богоматерью у креста, на котором распяли Спасителя. И всякий раз страдал невыносимо, вспоминая, как копье стражника вонзалось в грудь любимого Учителя.

«Если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя»

Толкователи и исследователи Нового Завета изображали апостолов мелочными, тщеславными, слабыми людьми. Они действительно не без греха. Они просто люди и с немалыми трудами избавлялись от недостатков и заблуждений.

Все трое синоптиков рассказывают о споре между учениками. Словно затмение нашло на их разум — они стали рассуждать о том, кто из них выше, кто ниже, кто первый, кто последний? Спаситель не присутствовал при этом споре и не мог его слышать, тем не менее Он призвал апостолов, чтобы вразумить их:

— Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою (Мк., IX).

Без сомнения, Иоанн не принимал участия в этом споре, потому что был лишен тщеславия. Но сам он не раз корил себя и своих братьев-апостолов за неразумие и маловерие. А неразумие учеников заключалось в том, что они часто не понимали Учителя.

Не могли они постигнуть, как может «сын человеческий предан бысть в руки человеческие и убьют Его, и по убиении в третий день воскреснет». И сам Иоанн уверовал только тогда, когда вошел в пещеру и не нашел там тело Христа.

Можно ли упрекать человеческий ум за его естественную ограниченность? Вот и Царство Божие, о котором мечтали Иоанн с Петром, они могли представить себе только чувственно, зримо. Вот Оно придет, откроется — и все люди его увидят.

Способны ли были ученики сами дойти до таких глубоких истин? В последней главе своего Евангелия Лука повествует о том, как Христос, явившись ученикам после своего воскресения, «отверз им ум к уразумению Писания и сказал им:

— Так написано и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день».

Значит, не в состоянии человеческий ум постигнуть эти истины без благодати Божьей. Но Иоанн тем не менее скорбит о том, что они так долго не понимали Учителя. Он рассказывает в своем повествовании, что некоторые ученики даже возроптали, когда Учитель произнес эти странные и непонятные слова:

— Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную... и пребывает во Мне, а Я в нем.

Иудеи, каждый праздник приносившие в жертву Богу овец и голубей, не могли постигнуть таинства Причастия.

— Кто может это слушать! — возмутились некоторые из учеников и отошли от Спасителя и больше не ходили за Ним.

Тогда Иисус спросил у двенадцати своих апостолов:

— Не хотите ли и вы отойти от Меня?

Но все двенадцать остались. Они не понимали многое из слышанного, но верили, что Учитель их — Христос и Сын Бога живого.

Почему же Христос назвал братьев Заведеевых «сынами грома»? Он как никто другой сумел разгадать душу и характер любимого ученика. В Иоанне уживались, казалось бы, противоположные черты — безмятежное спокойствие и сдержанность с пылкостью и стремительностью.

Иисус предсказал этим прозвищем славу проповедников Иоанну и Иакову. Только пылкий человек может загораться идеей и преданно ей служить, презирая все выгоды и удобства жизни.

Только если в груди проповедника горит огонь, его слова могут зажечь и другие сердца. Иоанн с братом обратили в христианство тысячи язычников не только в Палестине, но и в Малой Азии и в других странах.

Но в молодые годы пылкая душа Иоанна иногда заставляла его совершать необдуманные поступки. Порой он грешил раздражительностью и нетерпеливостью, за что его мягко, отечески вразумлял Учитель.

Временами отношения иудеев с самарянами обострялись настолько, что жители Самарии не пропускали через свои села паломников, идущих в Иерусалим на праздник, или отказывали им в ночлеге и прогоняли прочь. И вот однажды Иисус с учениками направлялся в Иерусалим, потому что приближались дни взятия Его от мира. Прошло почти два года с тех пор, как Спаситель разговаривал у колодца с самарянкой, а потом пробыл несколько дней в городе Сихаре, проповедуя его жителям.

Иисус с учениками вошли в какое-то селение, но самаряне, настроенные враждебно, не приняли паломников. Иоанн с братом пришли в такое негодование, что предложили Учителю:

— Господи! Хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как Илия сделал.

Иоанн с полной уверенностью ссылался на Священное Писание — Книга Царств повествует о том, как Охозия послал стражников схватить пророка Илию, а Илия низвел огонь с неба и попалил стражников.

Припомнил Иоанн и еще одну легенду из Пи-

сания, когда Господь пролил огонь и серу на нечестивые города Содом и Гоморру.

Но Иисус запретил им делать это и сказал:

— Не знаете, какого вы духа! Ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать!

И повел Христос своих учеников в другое селение, где их приняли на ночлег. А по дороге Спаситель, может быть, напомнил Иоанну, как Господь обещал патриарху Аврааму пощадить город, в котором не менее десяти праведников (Бытие, XVIII). А Ниневию Господь пощадил ради ни в чем не повинного скота. Как же мог Иоанн не подумать о том, что в этом селении могли погибнуть дети и женщины и бессловесный скот!

Это был урок любви и всепрощения, преподанный Спасителем своим ученикам. Иоанн сумел быстро изжить в себе раздражительность и нетерпимость. С тех пор он призывал только к любви и терпению, к прозрению своих грехов и раскаянию. Спустя несколько лет после Воскресения Учителя они идут с Петром в Самарию как проповедники помолиться за самарян о низведении на них Святого Духа! (Деяния, VIII.)

По своей пылкой любви к Иисусу Иоанн иной раз загорался ревностью: никто не мог стать рядом с Учителем, никакой смертный по своему ничтожеству не мог соперничать с Ним. Однажды он пожаловался Спасителю:

— Наставник! Мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему, потому что он не ходит с нами.

И снова Иисус терпеливо учил своего ревнивого ученика:

— Не запрещайте, ибо кто не против вас, тот за вас (Лк., IX).

И снова Иоанн смирил свою гордость и заставил себя понять слова Учителя. Человек, обладающий сверхъестественной силой, изгоняющий бесов именем Христа, не соперник и не враг им, а соратник, даже если он не ходит за Спасителем и не считается Его учеником.

Порой укоряют учеников Христа и за чисто человеческие слабости. В повествовании Иоанна Учитель — высшее, неземное существо, не знающее усталости в дороге, не страдающее от холода и голода. Но ученики Его — всего лишь люди из плоти и крови. Когда Спаситель молится на горе Елеонской, перед тем как отдаться в руки стражников, Его ученики — засыпают! (Лк., XXII.)

Едва ли можно назвать Иоанна грешным, но он — несовершенный человек, потому что совершенных людей не бывает. И сам он не раз предостерегал от греха гордыни: «Если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя, и истины нет в нас» (Иоанн, 1 Послание, I).

Три года странствий и трудов рядом со Спасителем стали для Иоанна большой школой, преобразившей его. Учитель своим примером и отеческими наставлениями помог ему избавиться от заблуждений и слабостей и в то же время развил добрые качества, которыми Иоанна щедро наделила природа.

«Я говорю не о чести и венцах, а о подвигах и трудах, вам предлежащих»

В то время как Иисус с учениками проповедовал в Галилее и Иудее, крестил людей и исцелял больных, дошли до Него вести о гибели Иоанна Крестителя.

Ирод Антиппа заключил его в темницу не только по настоянию фарисеев. Иоанн без боязни изобличал царя в народе за то, что Ирод женился на Иродиаде, жене своего брата Филиппа. Но убивать пророка царь не собирался. Наоборот, он боялся и почитал этого «праведного и святого мужа, и берег его, многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его» (Мк., VI).

Но зато Иродиада возненавидела пророка всем своим злобным сердцем и ждала только подходящего случая, чтобы расправиться с ним. И вскоре дождалась... Ирод по случаю своего дня рождения устроил богатый пир, созвал множество гостей, вельмож, начальников и старейшин иудейских.

На этом пиру дочь Иродиады Саломея плясала перед гостями и так угодила Ироду, что он в порыве щедрости пообещал:

— Проси у меня, чего хочешь, и дам тебе!

Поклялся даже, что не пожалеет половины царства, вздумай она попросить у него. Девица не знала, чего просить. Но Иродиада приказала дочери:

— Проси голову Иоанна Крестителя!

И Саломея тут же поспешила к царю и сказала:

— Хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя.

Ирод опечалился. Но гости смотрели на него выжидательно: царь не мог нарушить свое обещание. И тогда Ирод послал стражников в темницу. И стражники вскоре принесли на блюде голову Крестителя и отдали девице. А девица отнесла блюдо матери...

Иисус говорил о Предтече ученикам:

— Из рожденных женами нет ни одного пророка больше Иоанна Крестителя.

О чем думал Иоанн, слушая эти слова Учителя? Вся жизнь Предтечи прошла перед его мысленным взором: полное лишений существование в пустыне, посты и молитва, проповедническое служение. Он был беспощаден к людям, обличая их грехи и призывая к покаянию. Но еще более беспощаден он был к себе.

И завершением этой жизни стала мученическая смерть, потрясшая Иоанна Заведеева. В его юношеских мечтах такой праведник, как Иоанн Креститель, должен был занять достойное место в Царстве Божием рядом с любимым Учителем. И для них, учеников и апостолов Христа, приготовлены места в этом царстве, где все будут счастливы и довольны.

Но истина уже забрезжила в душе Иоанна. Труды и лишения — это не преддверие Царства Божия. Учитель все чаще стал повторять, что Он скоро умрет от рук человеческих, прежде приняв чашу страданий и унижений. Может быть, и ученикам Его тоже придется достойно принять

смерть. Эта мысль не ужаснула Иоанна. Он уже достаточно окреп духом, чтобы испить любую чашу и всегда быть рядом с Учителем.

Апостолы были обыкновенными людьми со всеми человеческими слабостями, напоминают некоторые толкователи Нового Завета. Такими ли обыкновенными были эти великие труженики и подвижники? Они оставили семьи, родных, тихую благополучную жизнь и обрекли себя на скитания, лишения и опасности. Евангелия скупо повествуют о непомерных трудностях проповеднической деятельности апостолов. Но и по этим сведениям можно понять, что такую жизнь могли вынести только очень самоотверженные и закаленные люди.

Время от времени Спаситель посылал их по городам и селам поодиночке проповедовать, учить и исцелять. И, возвращаясь, они отчитывались перед Наставником о своих трудах.

«И собрались апостолы к Иисусу и рассказали Ему все, и что сделали, и чему научили» (Мк., VI).

Когда же апостолы сопровождали Иисуса, в каждом городе их уже ожидали толпы народа, прослышавшего о приближении Мессии. На площади перед синагогой терпеливо лежали и сидели слепые и хромые, расслабленные и одержимые бесом. Одни просили у Христа совета, другие требовали рассудить их с врагами.

Спаситель возлагал руки Свои на болящих и исцелял их, учил, вразумлял, проповедовал. Его

ученики крестили приходящих и лечили больных, потому что Учитель наделил их властью над бесами и искусством врачевать от болезней.

Так незаметно проходил день, и к вечеру апостолы едва держались на ногах от усталости. Иисус ходил с ними куда-нибудь в уединенное место, где всю ночь до утра молился. А ученики Его падали замертво и засыпали. Синоптики упоминают об этом с оттенком осуждения: как можно спать, когда Учитель горячо молится; как можно не внимать Христу, а предаваться такому непростительному малодушию! Но, к сожалению, обыкновенные смертные нуждаются в сне, пище и отдыхе. Только одни Небожители не ведают житейских забот и суеты.

Спаситель это понимал и при всей строгости к ученикам заботился о них, как добрый отец о своих чадах. Видя их немощь и усталость, говорил:

— Пойдите вы одни в пустынное место и отдохните немного. Ибо много было приходящих и отходящих, так что и есть вам было некогда (Мк., VI).

О чуде с пятью хлебами рассказывают и Иоанн и синоптики. Как обычно, Иоанн точно называет место, где произошло событие, — по ту сторону моря Галилейского, в окрестностях Тивериады. На этот раз за Христом ходили около пяти тысяч человек, «потому что видели чудеса, которые Он творил над больными».

Эти люди забыли о пище и отдыхе, а между тем приближалась ночь, и вокруг не было ни одного селения, где они могли бы купить себе

еду. Ученики давно уже напоминали Наставнику, что пора отпустить народ, чтобы паломники успели до темноты найти себе место для ночлега и пропитание. Но Христос медлил. Кто-то из учеников предложил сходить в ближайшее селение и купить хлеба для людей, ведь они следуют за Учителем давно и очень проголодались и ослабли. Бережливый Филипп запротестовал:

— Им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя бы понемногу!

У кого-то из толпы нашлись небольшие запасы еды. Мальчик принес и отдал ученикам пять ячменных хлебов и две рыбки. Вероятно, это было угощение, мальчик по доброте душевной хотел, чтобы Христос и Его ученики немного утолили голод. Но апостол Андрей, брат Петра, даже не подумал о себе и товарищах. Он протянул еду Учителю со словами:

— Что это для такого множества?

Иисус слушал и наблюдал за происходящим, но молчал, словно испытывая учеников. Наконец, когда стало ясно, что скоро стемнеет и никто из паломников не собирается уходить, Спаситель обратился к ученикам:

— Велите им возлечь.

Так начиналась трапеза у иудеев. В том месте было много травы, и пять тысяч человек послушно возлегли на огромном пространстве берега Галилейского моря. Никто из евангелистов не упоминает, что люди страдали от жажды, а ведь эти страдания гораздо мучительнее голода.

По одну сторону от лагеря паломников лежа-

ло тихое и мирное в этот час озеро с пресной холодной водой. Галилеяне называли его морем, потому что взор не мог охватить дальних берегов. И еще потому, что в ветреную погоду оно порой бушевало, как настоящее море.

По другую сторону простирались пологие горы, покрытые густыми лесами и благоухающими рощами из эвкалиптов и лавров. Луга пестрели белыми лилиями, о которых в Евангелии сказано, что они одеты роскошней причудливой модницы без всяких забот и затрат с их стороны.

В этой стране, «текущей млеком и медом», сама природа была чудом. Поэтому казалось, что настоящие чудеса могут случаться только здесь, в этом Божьем саду. Иисус взял у Андрея первый хлебец и разломил его...

Воздавая благодарение, Спаситель раздавал куски хлеба и рыбы ученикам, а ученики — возлежащим, сколько кто хотел. И ели все и насытились. «И когда насытились, сказал Иисус ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало. И собрали, и наполнили двенадцать коробов кусками от пяти ячменных хлебов, оставшимися у тех, которые ели» (Иоанн., VI).

Это чудо видели пять тысяч человек, и уже на другой день о нем узнала Галилея, а вскоре Иудея и Самария. Народ пришел в большое волнение. Повсюду говорили о том, что Пророка, пришедшего в мир, нужно сделать царем. Только Христос сумеет вернуть израильскому народу прежнее величие, прогнать римлян, потому что Он всемогущ.

Услышав о том, что Его хотят насильно взять и сделать царем, Иисус снова ушел в пустынное место, где некоторое время был один.

Бесспорно то, что апостолы жили три года в тяжких трудах, скитаниях и лишениях. Но они делали это не совсем бескорыстно, замечали некоторые критики, обвинявшие апостолов в тщеславии и гордыне. Они надеялись вскоре, когда Христос станет царем, стать его ближайшими вельможами и приближенными. И ссылаются при этом на Евангелия Матфея и Марка, которые невольно подтверждают мысль о честолюбии апостолов.

Когда Иисус шел в Иерусалим на праздник, по дороге снова стал говорить своим ученикам, что Его вскоре ожидает:

— И Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие, и в третий день воскреснет» (Мф., XX).

И Матфей, и Марк рассказывают об этом одними и теми же словами, с некоторыми разночтениями. Ученики Иисуса и сопровождающие Его жены-мироносицы слушают Его пророчества о страшной смерти и ужасаются.

И ТОГДА, то есть сразу после этого пророчества, приступила к Иисусу Саломия, мать Иоанна и Иакова Заведеевых, с такой просьбой:

— Скажи, чтобы сии два сына мои сели у

Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царствии Твоем.

В Евангелии Марка об этом просят сами Иоанн и Иаков. Чего больше в этой просьбе — корысти или любви и преданности? Ведь уже в то время Иисус остерегался ходить по Иудее, потому что фарисеи Его искали, чтобы убить. Встревожился и Ирод, узнав о славе и чудесах, творимых Мессией. Он был уверен, что это Иоанн Креститель воскрес и теперь отомстит за свою смерть, лишив его, Ирода, царства. Фарисеи посылали стражников схватить Иисуса, но стражники не смогли даже приступиться к Нему, потому что не пришло еще время Его.

Некоторые толкователи Нового Завета полагают, что Иоанн и Иаков соблазнились блеском, могуществом и славою Царства Божия. Видя чудеса, которые творил Учитель, они уверились, что это Царствие совсем близко. А на пророчества Спасителя о скорой мучительной гибели ученики якобы не обращали внимания. Ну кто в самом деле может причинить вред Сыну Божьему, обладающему такой громадной чудодейственной силой? Да Он целое войско может обратить в прах!

Так бы и рассудил мирской, обыденный человек. Но Иоанн не был обыденным человеком. Еще с отроческих лет родные замечали, что он не от мира сего, а после трех лет ученичества у Христа он полностью отрешился от житейских представлений и суеты. Мог ли он не доверять словам Наставника? Да он жадно внимал каждому Его слову. Иисус часто повторял ученикам:

— Не приидет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь или — вот там. Ибо Царствие Божие внутри вас есть (Лк., XVII).

Иоанн не мог постигнуть, каким образом Спаситель воскреснет после смерти, но он уже знал, что такое «Царство Божие внутри вас». И знал также, что Учитель никогда не покарает смертью Своих врагов, хотя сумел бы легко расправиться с ними. Он запретил им с Иаковом низвести огонь на язычников самарян и учил не губить грешников, а призывать к покаянию.

Спаситель, желая подготовить апостолов, снова и снова говорил им о Своей мучительной смерти. Апостолы ужасались и не понимали Его пророчества. Но вот Иоанн и Иаков, движимые жертвенностью и любовью, в иносказательной форме предлагают разделить Его участь — сесть по правую и левую сторону в Его Царстве. Они знают, что это Царство — Царство скорби и страдания.

Христос никогда не соблазнял Своих учеников обещаниями наград, чести и венцов. Он говорил им только «о подвигах и трудах, им предлежащих... Настоящее время есть время смерти, браней и опасности», — повторял им Христос (Иоанн Златоуст).

Это подтверждает и последующий разговор Иисуса о Царствии Божием. В ответ на просьбу Саломии и ее сыновей Спаситель сказал:

— Не знаете, чего просите; можете ли пить чашу, которую Я буду пить или креститься крещением, которым Я крещусь?

Иоанн и Иаков без колебаний ответили:

— Можем!

Неужели в эту минуту они видели себя в сиянии славы и блеска Царства Божия, сидящими на престоле рядом с Иисусом? Апостолы обещали — можем! И сдержали свое слово.

Петр поклялся Учителю, что душу свою готов положить за него. И вскоре предал Иисуса из страха. Падение его было страшным. Но Петр искупил свое предательство смертью: его распяли на кресте, как и Учителя. Иакова обезглавил очередной Иуда. И только Иоанн чудом избежал смерти, хотя его несколько раз пытались убить. И вся его жизнь до глубокой старости была наполнена скитаниями, подвигами и трудами во имя Христа.

О чем умолчал Иоанн

Как известно, Иоанн вместе с Петром и Иаковом был отличен Учителем и стал свидетелем событий, о которых не знали другие апостолы. Об этих событиях повествуют синоптики, а сам Иоанн не упоминает о них в своем Евангелии. По скромности он ни разу не назвал своего имени, ни имен матери и брата. Понятно, почему Иоанну трудно было рассказывать о своем исключительном положении при Спасителе и об оказанной ему великой чести.

Что же это за события? В воскрешении дочери Иаира самым примечательным было то, что Иаир — начальник синагоги — упал в ноги к

Иисусу и умолял его исцелить смертельно больную дочь. Спаситель много раз исцелял и даже воскрешал умерших. Но исцелял тех, кто в него веровал. И воскрешал по просьбе родных, уповающих на Него. А Иаир принадлежал к тем иудеям, которые ненавидели и гнали Иисуса, сына плотника из Назарета. И вдруг начальник синагоги рухнул ниц перед простолюдином из Галилеи! Это происходило в Десятиградии, в стране Гадаринской, лежащей по ту сторону Галилейского моря.

Иисус только собрался в дом к Иаиру, когда его слуга принес печальное известие, что девочка умерла. Но Иисус, услышав про это, велел Петру, Иакову и Иоанну следовать за собой, а начальнику синагоги сказал:

— Не бойся, только веруй!

Они вошли в дом, где родные уже принялись громко оплакивать покойницу. Каково им было слышать странные слова пришельца:

— Что смущаетесь и плачете? Девица не умерла, но спит.

Марк в своей лаконичной манере, просто и обыденно рассказывает об этом чуде. О том, как смеялись над Иисусом присутствующие. А убитые горем близкие, наверное, возмущались и хотели прогнать его. Но сам Иаир, уже поддавшийся власти Его слов, верил! А потому не позволил прогнать Иисуса.

Наоборот, Иисус велел всем удалиться. Только три его ученика, мать и отец девицы вошли с ним в комнату, где лежала покойница. Иисус взял ее за руку и сказал:

— Девица, тебе говорю, встань!

И девица тотчас встала и начала ходить. Видевшие «пришли в величайшее изумление. А Иисус сказал, чтобы дали ей есть». И запретил ученикам и Иаиру с супругой говорить кому-либо о том, что они видели. Присутствующие не посмели ослушаться. Может быть, поэтому все три чуда, которые видели только Петр, Иоанн и Иаков, окутаны какой-то тайной в отличие от других чудес, явленных при большом стечении народа.

Второе важное событие в земной жизни Христа — славное Преображение Его на горе Фавор. О нем повествуют все синоптики и умалчивает Иоанн. Спаситель решил «явить» себя только трем ученикам.

Он возвел их на высокую гору одних и преобразился перед ними: «и просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет». И при этом Петр, Иоанн и Иаков увидели наяву двух мужей — Моисея и Илию, которые беседовали с Учителем.

И вдруг светлое облако осенило апостолов, и глас из облака глаголил:

— Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение, Его слушайте!

Петр, Иоанн и Иаков в ужасе пали ниц, а когда все стихло и они поднялись, вокруг не было никого, кроме Учителя. Иисус их успокоил: не бойтесь. И когда они спускались с горы, Спаситель запретил им рассказывать о виденном, покуда Он не воскреснет из мертвых. И они молчали (Мф., XVII).

Почему Иоанн не рассказывал об этом чуде? Дело в том, что в Евангелиях синоптиков Иисус скрывает свою Божественную сущность, и только трем своим апостолам Он явил, кем является на самом деле и кто Его Отец. Для всех остальных Иисус оставался обыкновенным пророком, наделенным чудодейственным даром исцеления.

В Евангелии Иоанна уже Креститель называет Иисуса Сыном Божьим. И Нафанаил восклицает, пораженный Его пророчеством: «Равви, Ты Сын Божий!» И сам Христос часто повторяет ученикам, что Отец послал Его в мир, чтобы искупить грехи всех людей и даровать человечеству вечную жизнь. Поэтому Иоанн очень избирательно повествует о чудесах Учителя, Его чудеса должны были ярко подтверждать Божественность Христа.

Недаром Иоанн в отличие от синоптиков не упоминает о рождении и детстве Иисуса. В его Евангелии Христос является вдруг, словно с небес, и провозглашает, что послан Своим Отцом. Так и должно являться Божество, а не из маленького городка Назарета. Порой создается впечатление, что Иоанн умышленно забывает очевидные факты и хочет, чтобы читатели тоже забыли, что Сын Божий воплотился в образе бренного человека, сына плотника. Поэтому в его повествовании (специалисты не поленились подсчитать) более ста двадцати раз звучит: «Вот Агнец Божий», «Ты Сын Божий», «Я хлеб жизни», «Я свет миру», «Я есмь пастырь добрый», «Я дверь овцам».

...Третье событие, свидетелями которого стали только Петр и братья Заведеевы, — моление о чаше в Гефсиманском саду. По Матфею, за два дня до Пасхи Иисус снова напомнил ученикам, что скоро Он будет распят. Явилось и знамение тому. Когда Спаситель с учениками находился в Вифании в доме Симона прокаженного, «приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом миро драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову».

Ученики даже пороптали, что миро можно было продать за большую цену и раздать нищим. Особенно негодовал Иуда Искариот, который носил с собой денежный ящик и распоряжался общими деньгами. Но Иисус сказал им:

— Нищих всегда имеете с собой, а Меня не всегда имеете. Возливше миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению.

Спаситель знал, что все идет, как писано о Нем, знал, что в эту ночь стражники придут за Ним вместе с Иудой. Он удалился с тремя самыми близкими Ему апостолами в Гефсиманский сад и тут признался им:

— Душа Моя скорбит смертельно, побудьте здесь и бодрствуйте со Мной.

Он отошел немного, пал на лице Свое, молился и говорил: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия, впрочем, не так Я хочу, но как Ты» (Мф., XXVI).

Вернувшись, Иисус нашел учеников спящими и мягко упрекнул их за то, что даже часа не смогли бодрствовать с Ним. Почему Он так настойчиво призывал их к молитве? Потому что

молитва помогла бы им избежать искушения, а искушение приближалось — Иуда со стражниками уже искали Иисуса в саду.

И снова отошел Спаситель в сторону, пал на землю и молился о том, чтобы миновала Его чаша сия, если возможно. И так до трех раз. А ученики в это время спали! Словно неведомая сила смежила их веки.

«Гефсиманским борением» называют этот драматический эпизод из земной жизни Спасителя. Понятно, почему Иоанн никогда бы не включил его в свое Евангелие. Его Христос не мог скорбеть и тосковать. Он не боялся смерти, как все люди. Твердо и мужественно Он принес себя в жертву, чтобы спасти погрязшее в грехах человечество.

Сергий Булгаков, автор толкования Евангелия Иоанна, объясняет иначе отсутствие этих трех событий, или «чудес», в четвертом Евангелии. Как известно, оно было написано позже первых трех, примерно в конце первого тысячелетия или в самом начале второго. Значит, Иоанн был знаком с ним. Поэтому его повествование написано так, что не повторяет синоптиков. Они «как бы уже предполагаются известными и само собой разумеющимися». Евангелие Иоанна их дополняет и дает шесть новых чудес, неизвестных синоптикам.

Кроме того, Сергий Булгаков не отрицает избирательность Иоанна в рассказе о чудесах: «Общее отличие от синоптиков в том, что четвертое Евангелие преимущественно отражает божественную сторону происходящего в Богочело-

веке в сравнении с синоптиками, сосредоточенных на человечестве Христове. Этим определяется и выбор частностей» («Богословие Евангелия Иоанна Богослова»).

«Лучше одному человеку умереть за народ»

И самое потрясающее чудо в четвертом Евангелии, чудо из чудес — это воскресение Лазаря. Лазарь со своими сестрами Марфой и Марией жил в Вифании, небольшом селении недалеко от Иерусалима. Иисус очень любил эту семью и, будучи в Иудее, всегда навещал Лазаря и сестер.

И вот когда Он с учениками проповедовал в Галилее, Марфа и Мария прислали Ему весть из Иудеи, что брат их болен и просит Иисуса прийти навестить его. Ученики же очень боялись идти в Иудею и настойчиво отговаривали Учителя, потому что иудеи давно искали строптивого галилеянина, объявившего себя богом, чтобы его убить.

Но Учитель собрался в дорогу и сказал при этом странные слова:

— Это болезнь не ко смерти, но ко славе Божией.

Прошел день, другой, Иисус почему-то не торопился, а когда они уже были в дороге, Он сообщил ученикам, что Лазарь уснул, а Он идет разбудить Своего друга. Тогда ученики не поняли, что Наставник говорит о смерти Лазаря.

И придя, нашли они, что Лазарь уже четвертый день в гробу. В доме его собрались родные оплакивать покойника и утешать его сестер. Марфа сказала Иисусу:

— Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой.

— Воскреснет брат твой! — обещал ей Христос.

Но Марфа не поняла Его, думая, что он имеет в виду общее воскресение в последний день. И Мария, услышав, что пришел Иисус, встретила Его в слезах. Гости и родственники сестер при виде целителя из Галилеи зашептались между собой: «Не мог ли Сей, совершивший столько чудес, исцеливший стольких больных, сделать так, чтобы и Лазарь не умер? Наверное, мог бы, но опоздал».

У синоптиков Иисус не раз воскрешает умерших — сына вдовы из Наина, дочь Иаира. Но дочь начальника синагоги только что умерла, не прошло и часа, как Христос воскресил ее. Что дало повод впоследствии врагам Спасителя говорить о том, что это было всего лишь расслабление, летаргический сон, а не смерть.

Иоанн Златоуст полагает, что Иисус специально медлил, не спешил в Вифанию, для того чтобы Лазарь скончался, был погребен и даже началось бы тление. Только в таком случае чудо воскресения Его друга стало бы ошеломляющим и неоспоримым для всех. Спаситель так и сказал ученикам:

— Да прославится через эту смерть Сын Человеческий!

Иисус, увидев плачущих сестер и родственников, сам «возмутился духом и воскорбел». Так что гости с одобрением заметили: «Как Он любил Лазаря!» Впервые Иоанн рисует нам Христа со слезами на глазах, в печали по своему другу, словно в порыве чувств невольно отступая от своего замысла.

Замысел Иоанна-евангелиста — явить Христа как Божество, которое не знает слабостей. А слезы — чисто человеческая слабость, ведь небожители величественны и спокойны, земные радости и печали им неведомы.

Иисус попросил отвести Его к гробу Лазаря. Это была пещера. Так по обычаю хоронили иудеев и заваливали пещеру камнем. Когда Иисус велел отвалить камень, Марфа робко возразила: «Они уже четыре дня не входили в пещеру, молились у входа, потому что сильно ощущался запах тления».

— Не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию, — напомнил ей Иисус.

И тут только Марфа догадалась, что Спаситель говорил ей не о воскресении в последний день, а о воскресении ее брата, которое может произойти сейчас, у них на глазах! Камень был отвален, присутствующие, кто с трепетом, кто с недоумением — ждали...

Иисус возвел очи к небу, помолился и вдруг воззвал громовым голосом:

— Лазарь, иди вон!

И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам

погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком (Ин., XI).

При виде этого зрелища всех очевидцев охватил какой-то вселенский, космический ужас! Человеческому разуму нелегко было постигнуть подобное, кровь застывала в жилах, языки прилипали к гортани...

Вспомним, как описано воскрешение дочери Иаира у синоптиков: девица поднялась, стала ходить по комнате, и Иисус велел дать ей есть. Как-то просто и обыденно подано чудо. И с каким потрясающим драматизмом и силой явлено воскрешение Лазаря в Евангелии Иоанна. У него все чудеса — знамения. Даже самые маловерные и враждебные Спасителю люди не могли после всего увиденного не убедиться, что Он действительно Сын Божий, что только Божество может обладать такой сказочной властью.

Все пришедшие в тот час к могиле Лазаря уверовали во Христа и быстро разнесли весть о новом чуде по всей Иудее, так что множество народа приходили в Вифанию, чтобы своими глазами увидеть воскресшего.

До этого знаменательного события многие испытали на себе силу Слова Спасителя. Люди оставляли прибыльные занятия и ходили за Ним из города в селение, слушая Его вдохновенные проповеди. Так поступил Мытарь, занимавшийся сбором пошлин. А Закхей раздал все свое имение бедным, как учил делать Христос.

Мария, сестра Марфы, совсем позабыла об

угощении для гостя, когда Христос как-то навестил их. Она села у ног Его и жадно внимала... А Марфа сердилась и роптала, потому что сестра не помогала ей приготовить еду. И тогда Иисус учил ее:

— Марфа, Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее.

Слово Спасителя помогало пробудиться от мутного, тяжкого сна грешным душам. Иисус был Богом для всех, в том числе для бедных, отчаявшихся, отвергнутых всеми, презираемых. И только в фарисеях и книжниках слово Спасителя возбуждало злобу и зависть. Они тоже ходили за Спасителем вместе с толпами народа, слушали Его притчи и поучения, даже видели чудеса. Но сердца их были давно мертвы.

Фарисеи со страхом наблюдали растущую популярность ненавистного галилеянина и всеми средствами старались уронить Его в глазах людей. Они задавали Иисусу каверзные вопросы и искушали Его. Одним из таких искушений стала история с грешницей.

Однажды утром, когда Христос учил народ в Иерусалимском храме, книжники и фарисеи привели к Нему женщину, подозреваемую в прелюбодеянии, и спросили:

— Учитель, Моисей в Законе заповедал нам побивать таких камнями. Ты что скажешь?

Они давно искали, в чем бы обвинить галилеянина, и теперь со злорадством ждали ответа. Но

Иисус, наклонившись, писал что-то пальцем на земле и не обращал на них внимания. Но они настаивали и продолжали спрашивать Его. Тогда Иисус поднял голову и сказал:

— Кто из вас без греха, первым брось в нее камень.

Наступило тягостное молчание. Кто же первым швырнет в несчастную камнем? Ведь фарисеи были горды и почитали себя безгрешными. Но камни так и не полетели. Наоборот. Толпа, еще недавно кипевшая праведным гневом и жаждавшая крови, стала заметно редеть.

«Они же, услышавши то и будучи обличаемые совестию, — повествует Иоанн, — стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди» (Ин., VIII).

Иисус, подняв голову, не увидел никого, кроме грешницы, замершей от страха. Она чудом избежала смерти. Закон иудеев был суров и требовал публичной казни прелюбодейки.

— Женщина! Где твои обвинители? Никто не осудил тебя? — спросил у нее Иисус.

— Никто, Господи! — отвечала несчастная, все еще не веря в свое избавление.

— И Я не осуждаю тебя. Иди и впредь не греши! — на прощание напутствовал ее Иисус.

Пожалуй, это одна из самых трогательных историй в возвышенном, поэтическом, полном человеческой теплоты повествовании Иоанна. Десятки поколений, читая Евангелие, учились по нему милосердию и состраданию к падшим, сла-

бым, погрязшим во грехе собратьям. Милосердие — это тяжкий труд. Гораздо проще осудить или с презрением отвернуться от грешника. «Но если Сам безгрешный Иисус, Сын Божий, не осудил, то какое право имеете вы судить?» — напоминает нам Евангелие.

И на этот раз фарисеям не удалось уловить Христа каверзными вопросами. Они были посрамлены перед народом и поэтому еще больше ожесточились. Потеряв надежду победить галилеянина в честном споре, фарисеи стали искать случая убить Его...

Все четверо евангелистов говорят о «книжниках и фарисеях» как о гонителях и виновниках мучительной смерти Спасителя на кресте. Кто же такие фарисеи?

У иудеев были три основные религиозные группы — саддукеи, фарисеи и ессеи. В каждой группе главенствовали свои книжники или законники. Мы уже говорили о том, какую важную роль играл Закон Моисея в жизни евреев. Его изучали с ранних лет, часто толковали и понимали по-своему, на свой лад.

Саддукеи, например, признавали только Закон — пять книг Моисеевых. В отличие от них фарисеи принимали в качестве руководства в церковных делах не только Закон Моисея, но и пророков, и священные писания — псалмы и даже устные традиции, живущие со времен Моисеевых.

Саддукеи не верили в жизнь после смерти, а

фарисеи проповедовали воскрешение людей после смерти, потому что многие пророки говорили об этом.

Среди священников и начальников иудейских было много саддукеев, а фарисеи присвоили себе права толкователей закона и учителей. Вот почему они так возревновали, когда появились сразу два новых пророка — Иоанн Креститель и Христос, за которыми пошел народ.

Можно сказать, что саддукеи и фарисеи были двумя правящими сектами, а ессеи — сектой оппозиционной. Они критиковали священников, которые, по их мнению, неправильно толковали Закон Моисеев, неправильно вели службы в храме и приносили жертвоприношения. К тому же многих первосвященников назначали римляне, что было ненавистно ессеям.

Поэтому они удалились в пустыню, жили там закрытой общиной, в строгом посте и молитве, веря, что скоро Бог пошлет Мессию, который очистит храмы, прогонит нечестивых священников и римлян. По преданию, к секте ессеев принадлежал Иоанн Креститель.

Понятно, почему священники и фарисеи ненавидели Иисуса. Они обвиняли галилеянина в страшных грехах: в том, что Он исцелил слепорожденного в субботу, в то время как Моисей запретил работать в субботу; в том, что Он называет себя Сыном Божиим, будучи сыном простого плотника из Назарета.

Фарисеи упрекали учеников Христа за то, что те не моют руки перед трапезой, срывают в поле колосья в субботние дни, мало постятся. Фарисеи

славились своим чудовищным лицемерием и мелочностью в соблюдении Закона, мало заботясь о сути, но ревностно заставляя иудеев соблюдать все формальности.

Но особенно встревожила священников и фарисеев весть о чудесном воскресении Лазаря в Вифании. Они даже спешно собрали совет и говорили:

— Что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, — и придут римляне и овладеют и местом нашим, и народом.

Римляне давно правили в Палестине и собирали с нее большую дань. Но до сих пор они оставляли иудеям малую толику самостоятельности — назначали наместника из иудейских царей и высших должностных лиц из местной знати. Фарисеи очень боялись потерять свою власть.

Но так оно и случилось, когда они распяли Христа. Словно в наказание за их вероломство и жестокость римляне вторглись в Иудею и разрушили Иерусалим.

И тут выступил некто Каиафа, бывший в тот год первосвященником. Он славился своими предсказаниями и пророчествами. Якобы ему недавно было видение, что один человек должен умереть за весь народ, чтобы народ не погиб.

Так фарисеи хотели оправдать высокой целью задуманное ими убийство. Ибо с этого дня они решили убить Христа. Иоанн Златоуст заметил, что сам Бог вложил истину в скверные уста Каиафы, потому что Иисусу действительно надлежало умереть за всех людей.

И Лазаря тоже решили убить первосвященники и фарисеи. После его чудесного воскресения многие из иудеев уверовали во Христа и толпами ходили в Вифанию потрогать Лазаря собственными руками и собственными глазами убедиться в истинности происшедшего.

Несмотря на чудеса, которые явил Христос, многие продолжали сомневаться: ведь, по Писанию, Мессия должен был прийти от семени Давидова из Вифлеема, а не из Галилеи. Поэтому, пишет Иоанн, «произошла о Нем распря в народе».

Священники и фарисеи послали стражников разыскать и схватить Иисуса, а в храме объявили, что каждый, кому известно Его местонахождение, обязан сообщить им об этом. Найти Иисуса было не так уж трудно: громкая молва опережала его путь, и за Ним и Его учениками ходило много людей.

Стражники пытались схватить Иисуса, но не смогли «наложить на Него рук» и вернулись ни с чем. Когда фарисеи строго спросили с них, почему не привели Его, стражники отвечали:

— Никогда человек не говорил так, как этот Человек (Ин., VII).

И священникам, и фарисеям ничего не оставалось, как в бессильной ярости восклицать:

— Неужели и эти прельстились!

Стражники не смогли схватить Иисуса, потому что еще не пришел Его час. Но этот час приближался. Все свершалось по предназначенному.

Крестная страсть

Приближалась иудейская Пасха, и народ со всей Палестины потянулся в Иерусалим, чтобы очиститься перед праздником. Пошел Иисус со своими учениками, зная, что это Его последняя Пасха в земной жизни.

Народ, услышав, что Христос идет в Иерусалим, вышел Ему навстречу с пальмовыми ветками и приветствовал Его криками:

— Осанна! Благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!

Семь дней праздновали иудеи Пасху, отмечая счастливый исход из Египта. На праздничной вечери съедали мясо пасхального агнца и пили вино. Иисус тоже велел Своим ученикам приготовить праздничную трапезу.

Евангелисты по-разному указывают время вечери. У Иоанна она происходит накануне Пасхи, у синоптиков — в первый день Пасхи, которая начинается в шесть часов вечера пятнадцатого дня месяца нисана. Это не случайное несовпадение. Учитель Иоанна — Агнец Божий, и распяли Его в день приготовления к празднику, когда в храме закалывали жертвенных ягнят.

Во время тайной вечери Иисус, «зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их», — повествует Иоанн.

После трапезы Иисус снял с себя верхнюю одежду, препоясался полотенцем и, налив воду в умывальницу, вымыл ноги всем Своим ученикам по очереди, даже Иуде Искариоту, которому

дьявол уже вложил в сердце мысль предать Учителя. О том, кто Его предаст, а кто по слабости отречется от Него, Спаситель знал в этот час.

Эту возвышенную историю, символизирующую смирение и истинную любовь к ученикам, рассказывает только Иоанн. У синоптиков Иисус в последний вечер перед смертью молится в Гефсиманском саду и так невыносимо страдает, что нисходит ангел с небес утешить Его.

В Евангелии Иоанна Христос давно готов к Своей участи. Он прощается с учениками и готовит их к предстоящему событию. Омовение ног совершали в то время только рабы. И смерть на кресте считалась позорной, и подвергали ей только рабов. Иисус хотел, чтобы ученики Его не дрогнули, увидев Его распятым, и вера их не поколебалась.

Совершив омовение, Иисус говорит ученикам, что один из них сегодня предаст Его. Ученики в растерянности переглядываются друг с другом, гадая, кто же из них предатель. По наущению Петра любимый ученик, преклонив голову на грудь Учителя, тихо спрашивает у Него имя злодея. Вместо ответа Иисус, обмакнув кусок хлеба, подал Иуде.

— Что делаешь, делай скорей! — сказал он предателю, отсылая его прочь.

Ученики подумали, что Учитель велел Иуде купить что-то нужное к празднику или дать денег нищим. А Иуда тут же направился в дом первосвященника сообщить, где нынче ночью будет Иисус.

По Иоанну, в последние свои часы Спаситель

не молится и не плачет, прося Отца пронести мимо Него чашу страданий, а беседует со Своими учениками. В четвертом Евангелии много возвышенных и мистических бесед Спасителя, но несколько глав, посвященных прощанию с учениками, стали апофеозом поэтического повествования Иоанна.

О чем же говорит Спаситель ученикам на прощание? Прежде всего — о любви:

— Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих!

И заповедал им любить друг друга так же, как Он, их Господь и Учитель, возлюбил учеников Своих.

По свидетельству Иоанна, Христос не скорбел о своей чаше, а утешал и ободрял учеников! Он говорил, что покидает их на время: «Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, ибо Я иду к Отцу». Но в будущем, обещал Христос, они снова будут вместе, после того как Он возьмет их к Себе.

Об этом Спаситель просил Отца: «Хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мной, да видят славу Мою». А пока Его нет в мире, Христос обещал прислать ученикам Утешителя, Святого Духа, который «наставит их на всякую истину».

Ученики слушали Его и *некоторые* из них, как подчеркивает Иоанн, недоумевали: как это «вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня?»

— Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить, — говорил Спаситель.

Без всякого упрека Иисус предупредил уче-

ников о том, что вскоре они «соблазнятся» о нем. Петр не поверил в это. Со всем своим пылом он заверял Учителя:

— Я душу мою положу за Тебя!

— Душу твою за Меня положишь? — грустно усмехнулся Иисус. — Истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды.

Уже стемнело, когда Спаситель вышел с учениками Своими. Было уединенное и тихое место в саду, за потоком Кедрон, где Он любил молиться. Это место знал и Иуда, туда он привел целый отряд служителей первосвященников и фарисеев. И хотя стражники были с фонарями и светильниками, им трудно было разглядеть в темноте Иисуса Назорея, которого им приказали схватить.

У Иоанна нет поцелуя Иуды, ставшего символом лицемерного предательства. Иоанн не мог допустить, чтобы «поганые уста» злодея коснулись Божественного лица. Иисус сам выходит вперед и спрашивает у стражников:

— Кого ищете? Это Я.

И снова Он печется об учениках, просит стражников не трогать их, «пусть идут». Но Петр-Симон, порывистый и нетерпеливый, обнажил меч и ударил одного раба первосвященнического. Иоанн даже называет имя этого раба — Малх. И отсек рабу правое ухо.

Но Иисус тут же приказал Петру вложить меч в ножны:

— Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?

В Евангелии Луки Иисус приложил отсеченное ухо, и оно тут же приросло. Другие евангелисты больше не упоминают о Малхе.

Стражники связали Иисуса и повели Его сначала на двор к Анне, тестю первосвященника Каиафы. Из учеников только Петр и Иоанн последовали за Учителем, твердо решив разделить Его участь.

Иоанн вошел во двор, потому что был знаком с первосвященником, и придверница впустила его. Спустя некоторое время он вернулся, чтобы провести и Петра. И тут придверница, вглядевшись в Симона-Петра, спросила:

— Ты не из учеников ли этого человека?

И Петр покачал головой — нет. Было холодно, во дворе рабы и служители развели огонь и грелись возле него. Петр тоже стоял рядом с ними и грелся. Кто-то из рабов указал на него:

— Не его ли мы видели с Иисусом Назореем в саду?

— Нет! — поспешно отвечал Петр.

В это время Анна расспрашивал Иисуса об учениках Его и об учении Его. Иисус отвечал, что Он никогда не проповедовал ничего тайно, а учил в синагогах и храме, где всегда сходились иудеи для молитвы.

Иоанн не упоминает о «любимом ученике»: где он был — в доме или у костра. Возможно, он заходил в дом и слышал разговор Учителя со священником, потом вернулся во двор и стоял у костра. Стал ли он очевидцем трагедии своего

друга? Когда в третий раз один из служителей спросил у него:

— Не ты ли был с Ним в саду?

И в третий раз Петр отрекся — и тотчас запел петух. У синоптиков Петр, услыхав крик петуха, вспомнил пророчество Учителя, горько заплакал и убежал со двора. Иоанн, как может, щадит своего друга и умалчивает о его горе и унижении.

От Анны связанного Христа повели к первосвященнику Каиафе, где уже собрались книжники и старейшины, весь синедрион — верховное судилище иудеев. Иоанн ничего не говорит о суде синедриона, чтобы не повторяться. Священники предъявили Иисусу все те же обвинения в богохульстве, ибо он — сын плотника, а называет себя Сыном Божьим. Особенно возмущало их Его предсказание о том, что храм Иерусалимский вскоре будет разрушен.

Посовещавшись, синедрион решил, что эти грехи заслуживают смерти. Но иудеи не могли никого казнить без разрешения римского прокуратора. И тогда они повели Иисуса в преторию к Понтию Пилату. Но не вошли внутрь, чтобы не оскверниться перед Пасхой, а стояли у входа на улице.

Было уже утро. Пилат сам вышел к ним и спросил, в чем они обвиняют этого человека? Все четверо евангелистов, которых часто уличают в противоречиях, неисторичности и путанице, единодушно оправдывают римского прокуратора. Пилат действительно сделал все, чтобы спасти Иисуса. Он приказал ввести обвиняемого в пре-

торию и долго беседовал с ним. Как видно, беседа доставила Пилату большое удовольствие.

Три раза выходил прокуратор к священникам и фарисеям, ожидавшим у ворот, чтобы сказать:

— Я не нахожу никакой вины в Нем. Есть у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху: хотите ли отпущу вам Царя Иудейского?

Но они закричали хором:

— Не Его, а Варавву!

Варавва был разбойник, убийца. Повинных в крови не отпускали на Пасху. Но Пилат все же не потерял надежду сломить упрямство иудеев. Он приказал бить Христа. Зачем он это сделал? Чтобы смягчить сердца его соотечественников. Иоанн называет этих людей, пославших Учителя на смерть, «жестокосердными и неблагодарными». Разве можно было смягчить фарисеев? Синоптики повествуют о том, что Спасителя били стражники еще на суде синедриона. Каково же Иоанну было говорить о подобном святотатстве! Но он пошел на это, потому что Сам Учитель предсказывал, как будет унижен, избит и казнен своими врагами.

Итак, Пилат показал иудеям, что Иисус достаточно наказан, можно Его и помиловать. Но толпа, в которой было больше фарисеев, их служителей и приспешников, чем просто любопытных, не унималась.

— Распни Его, распни! — злобно вопили они. — Если ты Его отпустишь, ты не друг кесарю: всякий, делающий себя царем, противник кесарю.

И прокуратор испугался. Иудейские началь-

ники без конца посылали на него жалобы в Рим. И часто доставляли прокуратору неприятности, потому что имели высоких покровителей в окружении кесаря. В самом деле, почему он так упорствует, спасая жизнь какому-то иудейскому пророку, спросил себя Пилат. Он отнюдь не был человеколюбив, просто умные люди встречались все реже и реже на его пути. А в Иисусе прокуратор с первых минут почувствовал незаурядную личность.

Но все же угрозы фарисеев заставили его сдаться, прокуратор «умыл руки». Этот символический жест он совершает в Евангелии Матфея в знак того, что невиновен в смерти Царя Иудейского.

«И взяли Иисуса, и повели». Суд над Ним свершился удивительно скоро: ночью Его схватили в саду, а на другой день после полудня уже казнили. Священники и фарисеи до неприличия спешили, боясь, как бы не вспыхнула смута накануне праздника.

Иисус сам нес свой крест на место, называемое Лобным, по-еврейски Голгофа. «Там распяли Его и с ним двух других по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса». Из учеников только один Иоанн следовал за Учителем до места казни и стоял у креста рядом с Богородицей и преданными женами-мироносицами, следовавшими за Христом из Галилеи.

Понтий Пилат сумел выместить свою досаду на жестоких и тупых фарисеев. Он велел написать на дощечке по-еврейски, по-гречески и по-римски «Царь Иудейский» и прибить к кресту,

на котором распяли Иисуса. Священники, увидев надпись, вознегодовали и потребовали снять ее, но Пилат упрямо подтвердил:

— Что я написал, то написал!

Иоанн очень лаконичен в описании казни. У него нет, как у Луки, трогательного разговора Иисуса с одним из разбойников, который просит Его помолиться о его грешной душе, когда Он придет в Царствие Свое. И Христос обещает ему:

— Истинно говорю тебе, нынче же будешь со мной в раю.

И Марк с Матфеем рассказывают о разбойниках, распятых вместе со Спасителем, что доказывает истинность этого. Но Иоанн почти никогда не повторяет синоптиков, он дает описания новых, не известных другим евангелистам чудес и подробности бесед Иисуса, слышанных им самим.

Так, в последние минуты своей земной жизни Христос, глядя с креста на рыдающих женщин, Свою Мать и ученика, произнес:

— Жено, се сын Твой! Се Матерь твоя!

Спаситель завещал любимому ученику заботиться о Богородице, что Иоанн и исполнил. Много часов стояли они у креста, пока жизнь по капле вытекала из Иисуса. Смерть на кресте была самой мучительной казнью в то время. Иоанн, всегда подчеркивавший Божественность Учителя, не отрицал, что человеческое естество Спасителя, Его телесная оболочка испытывала боль, страдание и жажду. Иисус попросил пить.

Воин поднес Ему губку с уксусом, Он вкусил уксуса, сказал:

— Совершилось! — И преклонив голову, предал дух!

Все синоптики повествуют о страшных знамениях, которые последовали за смертью Спасителя:

«Было же около шестого часа дня, и сделалась тьма по всей земле до часа девятого. И померкло солнце, и завеса в храме раздралась посредине» (Лк., XXIII).

«И земля потряслась, и камни рассеялись, и гробы отверзлись, и многие тела усопших святых воскресли» (Мф., XXVII).

А Иоанн молчал. И его молчание было красноречивей и громче самых страшных знамений...

Воскресение

Почему Иоанн не рассказал о Воскресении любимого Учителя? Вспомним, с каким драматизмом и выразительностью он описал воскресение Лазаря, когда умерший, обвитый пеленами, выходит из пещеры и предстает перед глазами потрясенных зрителей!

Иоанн повествует только о погребении Христа. Тайные ученики Его, Аримафей и Никодим, испросив разрешение у Пилата, сняли тело Иисуса с креста, обвили его пеленами с благовониями и похоронили в пещере неподалеку от места казни.

Такое подробное описание похорон должно

было подтвердить истинность смерти Иисуса и опровергнуть мнение некоторых критиков христианства о том, что смерть Христа могла быть лишь видимостью смерти, так как Он был Божеством и имел лишь внешнюю человеческую оболочку.

Даже у Иоанна, свято оберегающего Божественную суть Учителя, Христос умер на кресте в муках и страданиях, чтобы искупить грехи людей. И похоронен был, как обычный человек, по иудейскому обряду.

В первый день недели и в первый же день после Пасхи жены-мироносицы пришли к гробу, чтобы поклониться ему и умастить тело умершего благовониями. Но камень был отвален и гроб пуст.

Мария Магдалина в тревоге прибежала к Петру и Иоанну, чтобы рассказать им, что «тело Господне унесли из гроба и не знаем, где положили Его».

Иоанн рассказывает, как он первый пришел к гробу, «и увидел, и уверовал». Он сразу же уверовал в то, что Учителя не унесли и не похоронили в другом месте, а Он воскрес из мертвых, как и пророчил им.

«Почему же нет повествования о самом Воскресении?» — задается вопросом Сергий Булгаков. И приходит к выводу, что такого повествования и не могло быть в Евангелии Иоанна. Пустой гроб — это выразительный жест пустоты, свидетельствующий о несказанности и неописуемости Воскресения Христова.

Отныне Иисус только является ученикам, а не живет с ними как раньше, не бродит по горо-

дам и селениям с проповедями и поучениями. В четвертом Евангелии Спаситель в первый раз явился Марии Магдалине в саду у гроба, а затем трижды Своим ученикам.

Вечером того же дня, когда воскрес Христос, ученики собрались в одном доме в Иерусалиме и заперли двери «из опасения от иудеев». Наверное Петр и Иоанн рассказывали своим собратьям об увиденном нынче днем: о пустом гробе, о брошенных пеленах и о плате, в которое было обвито тело Иисуса. И вдруг Учитель сам явился перед ними и стал посреди, и говорит им:

— Мир вам!

Иисус дважды повторил «мир вам» в знак того, что Он прощает ученикам их малодушие, маловерие и отступничество. И еще для того, чтобы рассеять их страх. Ведь они уже третий день сидели взаперти, боясь, что их схватят на улице стражники фарисеев.

«Ученики обрадовались, увидевши Господа», — сдержанно повествует Иоанн о великом потрясении, которое испытали апостолы. Это была не только великая радость о том, что Учитель действительно воскрес, как обещал им. А значит, Его распятие — вовсе не позорная смерть и поражение, а величайшая победа и искупление за грехи человечества.

Иисус даже показал ученикам свои руки и ноги, и ребра, чтобы они убедились в том, что Он действительно был распят и действительно воскрес.

Апостолы были счастливы и тем, что Наставник ни в чем не упрекнул их. Наоборот: Он явил-

ся для того, чтобы послать их проповедовать в мир, как когда-то послал Его Отец. Иисус дунул и сказал им:

— Примите Духа Святого!

И с этой минуты Святой Дух вселился в учеников и укрепил их. Они стали совсем другими людьми — бесстрашными, мудрыми и твердыми в вере. Отныне они без боязни ходили по Иерусалиму, Иудее и Галилее и учили народ. А вскоре отправились за пределы Иудеи — в Антиохию, Дамаск и Эфес. И повсюду их горячие проповеди привлекали людей. Так создавались ростки Церкви — первые христианские общины. И почти все апостолы Христовы умерли за Него мученической смертью.

Так случилось, что Фома, самый недоверчивый из учеников, не присутствовал при первом явлении Учителя. А когда товарищи рассказали ему о том, что видели воскресшего Христа, Фома заявил:

— Пока не вложу перста мои в раны от гвоздей и не вложу руки моей в ребра Его — не поверю!

После восьми дней снова явился к ним Иисус и первым делом сказал Фоме:

— Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои!

Фома поверил, увидев, и Христос напомнил ученикам о том, что «блаженны не видевшие и уверовавшие». Вскоре после второго явления Иисуса ученики отправились в Галилею, как повелел им Учитель. И там Он явился им в третий, последний раз.

Сорок дней Христос пробыл на земле после Своего Воскресения, значит, ученики видели Его в последний раз примерно на сороковой день. Произошло это так. Ученики ловили рыбу в озере всю ночь, а под утро кто-то окликнул их с берега. Но они не узнали Наставника. Иоанн Златоуст не видит в этом ничего удивительного: облик Христа после Воскресения и должен был измениться и «исполниться необыкновенного величия».

Иисус еще никогда не называл так Своих учеников. Он спросил у них:

— Дети! Есть ли у вас какая пища?

Рыбаки отвечали из лодки, что всю ночь забрасывали сети, но ничего не поймали. Тогда Иисус велел им еще раз закинуть сеть по правую сторону. Улов был так велик, что они с трудом вытащили сеть, наполненную большими рыбами, которых было сто пятьдесят три!

Несомненно, этот эпизод из четвертого Евангелия символичен. В свое последнее явление Христос предсказал ученикам их будущее проповедничество и богатый «улов человеков». Разве не чудо, что христианство за очень короткое время сумело овладеть умами тысяч людей?

Иоанн первый узнал Учителя и шепнул об этом Петру. Когда они вышли на берег, то увидели разложенный огонь и приготовленную для них трапезу — рыбу и хлеб.

У синоптиков Иисус «преломляет хлеб с учениками», ест и пьет с ними. Это дало повод толкователям спорить о воскресшем естестве Христа. Было ли тело Христово нетленным и вечным

до воскресения или Оно стало таковым перед тем, как вернуться к Отцу? — рассуждали въедливые исследователи.

Ученики видели Христа ходящим по водам или проникающим сквозь закрытые двери. «Каким было Его естество? — спрашивает у толкователей Иоанн Златоуст. — Так и после воскресения, видя на нем язвы, не станем называть Его тленным».

В четвертом Евангелии Христос не вкушает вместе с учениками, а разговаривает с ними, пока они обедают. И оробевшие ученики только по тому, *как* Он говорит с ними, постепенно убеждаются, что с ними действительно Наставник. Все это придает последним страницам повествования Иоанна какую-то таинственность и загадочность.

Христос поручает Петру «пасти овец Его» и в иносказательной форме предсказывает мученическую смерть его за веру. Петру уготована была роль устроителя Церкви Христовой, а Иоанну — вдохновителя и пророка.

— Если я захочу, чтобы он пребыл, пока я приду, — сказал Иисус о любимом ученике.

Остальные апостолы поняли из этих слов, что Иоанн не умрет. Возможно, так оно и случилось. Смерть и похороны Иоанна были очень загадочными, о чем будет сказано в свое время.

В заключение Иоанн пишет о том, что за сорок дней пребывания на земле после воскресения Спаситель сотворил много чудес. Но если подробно рассказывать о них, то получится еще одна книга.

У Луки Иисус, благословив учеников, на их глазах возносится на небо. Такое Вознесение быстро стало штампом в христианской литературе и живописи. Наверное, поэтому Иоанн избегает его. У него Христос, являясь ученикам, просто становится невидимым.

Так закончился самый краткий по времени, но самый важный период в жизни Иоанна Богослова — несколько лет странствий и ученичества у Самого Спасителя. Ему была дарована очень долгая жизнь или даже бессмертие, словно для того, чтобы он успел сделать все предназначенное ему — упокоить Богородицу, проповедовать Слово Божие и устраивать Церковь Христову в Иерусалиме и Малой Азии, написать историю земной жизни Спасителя и узреть на острове Патмос откровение страшных и неизреченных тайн.

Житие апостола Иоанна после Вознесения Христа

Первая христианская община в Иерусалиме

Когда Спаситель явился ученикам в последний раз в Галилее, то заповедал им сразу же после Своего Вознесения вернуться в Иерусалим и оставаться там двенадцать лет, проповедуя и строя первую христианскую общину в Иерусалиме. Что они и исполнили.

Но апостолов осталось только одиннадцать, и предстояло выбрать еще одного из числа учеников Христа, потому что число двенадцать считалось иудеями священным. Об участии Иуды-предателя Иоанн даже не поминает в своем Евангелии. А синоптики рассказывают, что Иуда раскаялся, когда увидел Иисуса на кресте, вернул тридцать серебреников фарисеям, а сам пошел и удавился.

В «Деяниях апостолов» несколько иначе повествуется о возмездии предателю. Иуда купил поле на деньги, полученные за свое преступление, но вскоре упал вниз головой и разбился. И поле его прозвали «кровавым», «и была земля его заброшена», ничего на ней не росло, и никто там не жил.

Вернувшись в Иерусалим, одиннадцать апостолов первым делом бросили жребий. И Богу было угодно, чтобы жребий выпал Матфею, так что он тоже стал святым апостолом, как и остальные. Матфей ходил за Иисусом Христом с первых дней, с того времени, когда Иоанн Предтеча начал крестить людей водой.

На праздник Пятидесятницы апостолы собрались все вместе, может быть, в той самой горнице, где проходила тайная вечеря и куда явился им в первый раз воскресший Христос. С ними была Богородица, жены-мироносицы и другие ученики Спасителя, всего около ста двадцати человек.

Иоанн и Иаков имели свой дом в Иерусалиме на горе Сион. В этот дом Иоанн сразу после казни Христа привел Богородицу и заботился о ней более десяти лет до ее Успения. Этот дом вскоре стал центром христианской общины в Иерусалиме, куда шли люди получить вразумление и помощь.

В этом доме конечно же и произошло знаменательное событие в день праздника Пятидесятницы. «Все собравшиеся молились, когда вдруг раздался с небес звук, похожий на шум неистового порыва ветра. И явилось апостолам нечто, похожее на языки пламени, и на каждого из апос-

толов пал такой огненный язык. И исполнились они все Духом Святым, и стали говорить на разных языках, ибо Святой Дух даровал им эту способность» (Деян., I).

На праздник Пятидесятницы собрались в Иерусалим евреи из разных стран, со всех концов света. И громоподобный звук, раздавшийся с небес, слышали не только апостолы и находившиеся с ними в доме люди, но и многие прохожие на улицах, и жители соседних домов.

Может быть, огненный сполох, похожий на молнию, промелькнул и над домом Иоанна. Потому что люди, словно влекомые неведомой силой, стали собираться возле этого дома. И все апостолы вышли к ним и заговорили с народом.

Когда Учитель посылал их проповедовать слово Божье и исцелять людей в городах и селах Галилеи и Иудеи, то говорил:

«Не заботьтесь, как или что сказать, ибо в тот час дано будет вам, что сказать» (Мф., X).

Никогда еще апостолам не приходилось вещать перед такой большой толпой народа. А толпа все росла. И в этой толпе были не только иудеи, но и парфяне, мидяне, римляне, критяне, жители Азии, Месопотамии и Египта. Все были поражены, потому что апостолы вдруг заговорили с ними на их родных языках!

— Что это значит? Разве эти люди, что говорят с нами, не галилеяне? Как же это каждому из нас слышится, что они говорят на его родном языке? — с недоумением спрашивали друг у друга паломники.

Но в толпе были и ненавистники Иисуса —

фарисеи и священники-саддукеи. Они сразу же узнали в проповедниках учеников Распятого и принялись насмехаться над апостолами:

— Они выпили слишком много сладкого вина, — говорили фарисеи паломникам.

Но тут Петр строго возвысил на них голос и сказал, что люди эти вовсе не пьяны, ибо был третий час дня, на них сошел Дух Святой по предсказаниям пророка. Петр и апостолы рассказывали паломникам об Иисусе из Назарета, который многими чудесами явил Свою Божественную власть.

В первые минуты, наверное, Иоанн робел. Он был тихим, молчаливым юношей и не считал себя хорошим оратором. Но вдруг он заговорил, словно помимо своей воли. Заговорил легко, вдохновенно и горячо о делах Божьих. О том, что Иисус Христос был послан людям, а люди убили Его, беззаконно пригвоздили к кресту. О том, как Иисус воскрес на третий день, и все они, апостолы, были тому свидетелями. О том, что Иисус был вознесен Богом на небо и, получив от Отца обетование Святого Духа, излил на них то, что они только что видели и слышали.

Люди были поражены в самое сердце этими словами и спрашивали Иоанна и других апостолов:

— Что же нам делать, мужи братия?

И апостолы отвечали им:

— Покайтесь! И каждый из вас должен креститься во имя Иисуса Христа во искупление грехов ваших — и получите в дар Святой Дух.

Проповеди апостолов вдохновили народ: в тот

день крестились более трех тысяч человек. С тех пор Иоанн никогда не знал робости. Он смело и горячо проповедовал не только в Иерусалиме, но и по всей Иудее.

Вскоре апостолы стали проповедовать в окрестных городах и селах. Иоанн и Петр несколько лет благовествовали вместе. Они были не только земляками, но и товарищами. Никто не удивлялся, что крепкая дружба связывает столь разных людей. Петр и Иоанн как бы удачно дополняли друг друга: один — деятельный, кипучий, другой — нежный и созерцательный.

Святой Дух, нисшедший на апостолов, наделил их не только красноречием и способностью говорить на многих языках, но и силой, и даром исцеления. Многие чудеса творили апостолы в Иерусалиме и окрестностях. «Деяния» повествуют об одном таком чуде, которое привело в неописуемое волнение жителей города.

Однажды Иоанн и Петр в час молитвы поднимались в храм. И у ворот храма, называемых Красными, увидели хромого от рождения калеку, которого каждый день родные приносили и сажали у ворот, чтобы он просил милостыню у входящих.

Увечный и к Петру и Иоанну протянул ладонь. Но апостолы не подали ему, как обычно, монетку, а велели:

— Посмотри на нас.

И нищий посмотрел, надеясь что-нибудь получить от них. Петр сказал ему:

— Нет у меня ни серебра, ни золота, но дам я тебе то, что имею: во имя Иисуса Христа из Назарета встань и иди!

И взяв его за правую руку, помог ему встать. И тотчас ступни и суставы хромого окрепли. Он встал и шагнул впервые в жизни.

Очевидцы этого чуда пришли в великое изумление и замешательство. Этот случай так сильно поразил иерусалимцев еще и потому, что к увечному все давно привыкли: ему было за сорок, и не менее тридцати лет он просидел у Красных ворот, прося милостыню. И вдруг хромой, подпрыгивая от радости, вошел вслед за Иоанном и Петром в храм, славя Бога!

В этот день крестилось более пяти тысяч уверовавших во Христа. Не только проповедями, но и многочисленными чудесами апостолы привлекали к себе сердца людей. Иерусалимская община быстро росла, вскоре она уже насчитывала несколько тысяч человек. Это вызывало тревогу и зависть фарисеев и священников. Им невыносимо было видеть, как прославляли учеников Распятого. Они теряли и уважение, и верующих. Иудейские начальники обсуждали, как им расправиться с ненавистными галилеянами.

Как жили первохристиане в иерусалимской общине? «Деяния апостолов» очень ярко живописуют это райское братство людей:

«Было же у всех уверовавших одно сердце и одна душа. И никто ничего из имущества своего не называл своим собственным».

Никто в общине не нуждался, потому что богатые отдавали все бедным. Братья по вере дер-

жались всегда вместе, вместе молились в храме, вместе преломляли хлеб. Люди, видя, как дружно и радостно живут в этой общине, сами хотели присоединиться к ним.

Каждый день у дома Иоанна собиралась большая толпа. Кто-то приходил получить вразумление, совет, другие просили о помощи. Община помогала не только своим сестрам и братьям, но и всем нищим, вдовам и сиротам.

Забот о братстве было так много, что апостолы уже не успевали проповедовать. Им пришлось позаботиться о помощниках. Среди семерых новых дьяков, которые занялись устройством дел в общине, был и Прохор, будущий ученик Иоанна.

Христианство восторжествовало в Палестине и быстро распространилось за ее пределы. Апостолы ходили в Антиохию, Лидду, Кесарию, Иоппию и Дамаск. Иоанн не мог отлучаться надолго, потому что не хотел оставлять Богородицу без своего попечения. Но они с Петром ходили на несколько дней в Самарию помолиться о сошествии святого духа на язычников.

Самаряне сами попросили их об этом, когда слава иерусалимской общины дошла и до них. Иоанн и Петр сотворили много чудес в Самарии, исцеляли немощных и калек, изгоняли нечистых духов. Даже колдун Симон уверовал во Христа и крестился вместе со всеми.

В первый раз стражники схватили Иоанна и Петра, когда они разговаривали с людьми в храме. Апостолов отвели в тюрьму, а на другой день они предстали перед судом синедриона. Среди судей были старейшины, священники и

Анна с Каиафой, которые отправили на Голгофу Иисуса Христа. Судьи неправедные строго допрашивали апостолов:

— Разве мы не приказывали вам не учить от имени этого человека, Иисуса из Назарета? Вы же наводнили Иерусалим своими учениками и хотите возложить на нас вину за смерть назарянина.

Петр и Иоанн отвечали старейшинам очень смело и твердо:

— Мы должны повиноваться Богу больше, чем людям. Вы убили Иисуса, распяв на кресте, но Бог воскресил Его из мертвых... И свидетели этому мы и Святой Дух, которого Бог дал тем, кто повинуется Ему!

Услышав это, члены синедриона пришли в ярость. Но убить апостолов они боялись, потому что слава их в Иерусалиме была очень велика после чудесного исцеления хромого и многих других чудес и благодеяний. Фарисеи и священники страшились, что народ, почитавший апостолов, закидает их камнями.

В первый раз судьи вынуждены были отпустить апостолов, потому что оказались бессильны доказать их вину. Но зависть и ненависть грызла фарисеев и саддукеев. В бессильной злобе наблюдали они за тем, как прославляет народ учеников Распятого, как растет христианская община, а у них становится все меньше верующих.

Они снова приказали своим служителям схватить Иоанна и Петра и заточить в тюрьму, пытались угрозами и увещеваниями запретить им

проповедовать во имя Иисуса Христа. Но апостолов невозможно было запугать. Так же твердо и непоколебимо отвечали они судьям. Тогда члены синедриона приказали бичевать непокорных. Это было тяжкое наказание. Но Иоанн и Петр претерпели его мужественно и, покидая синедрион, радовались, что удостоились подвергнуться бесчестию ради Христа.

Гонения — «чашу мою будете пить»

В 41 году первого тысячелетия царем Иудеи и Самарии стал Ирод Агриппа Первый, внук Ирода Великого и племянник того Ирода, который обезглавил Иоанна Крестителя. С его воцарением гонения на христиан усилились. Получив поддержку Ирода, осмелели иерусалимские священники и старейшины.

Первой жертвой, павшей от их рук, стал Стефан, христианин, «исполненный благодати и силы», творивший великие чудеса и знамения в народе. Его забили камнями по наущению фарисеев и саддукеев. В тот же день разъяренная толпа их сторонников убила около двух тысяч иерусалимских христиан. В великом страхе члены общины бежали из города, спасая свою жизнь. Многие продавали дома и навсегда покидали родные места.

Как повествуют «Деяния», многие христиане рассеялись по Иудее, Самарии и дальним землям. Но апостолы не покинули Иерусалим. Они

уходили из города только для того, чтобы проповедовать учение Христово, и возвращались. А Иоанн всегда оставался с Богородицей и руководил поредевшей иерусалимской общиной.

Его дом на горе Сионе оставался центром христианской жизни в городе. Этот дом однажды пытались поджечь, а Иоанна с Богородицей забросали камнями на улице. Борьба правоверных иудеев против христиан велась долго и жестоко. Это была борьба за власть и влияние на верующих. В Иерусалиме в то время насчитывалось около двадцати тысяч священников, не считая левитов, которые прислуживали в храмах. Притом, что в городе проживало, по разным сведениям, от ста двадцати до ста пятидесяти тысяч человек. Но на праздники приходило до миллиона паломников. Фарисеям и саддукеям было что терять.

Несмотря на их могущество и поддержку Ирода, христианская община сумела выстоять. Те же христиане, которые покинули Иерусалим, принесли с собой свою веру в другие страны и земли. В этом была положительная сторона гонений.

Иоанн с Богородицей тоже могли укрыться на время в тихой Галилее или другой стране, где не преследовали христиан. Но Иоанн полагал, что именно в тяжелые времена проповедник должен оставаться со своей паствой. К тому же он занимал высокое положение в общине вместе с Петром и своим братом Иаковом. Но Петр и Иаков должны были часто отлучаться для устройства дел в других христианских общинах, которых ста-

новилось все больше. Поэтому Иоанн до 44 года оставался в Иерусалиме.

Этот год принес Иоанну новые испытания и скорби. На 72 году жизни почила Пресвятая Богородица. Ее погребли в Гефсимании у Елеонской горы. Словно Промысл Божий собрал в этот день почти всех апостолов в Иерусалиме, хотя обычно они отсутствовали, проповедуя во всех концах земли. Не было только Фомы.

Он вернулся на третий день и очень скорбел о своем опоздании. Фома уговорил апостолов открыть гроб Богородицы, чтобы попрощаться с Ней. Апостолы, жалея Фому, посовещались и открыли гроб. Но тела Божьей Матери в нем не оказалось! В тот же день после трапезы и молитвы апостолы увидели Пресвятую Богородицу в окружении ангелов в сиянии небесной славы, возносившуюся к небу. Господь взял Ее к Себе.

В том же 44 году незадолго до Пасхи по приказу Ирода Агриппы был обезглавлен старший брат Иоанна Иаков. Он стал первым мучеником из двенадцати апостолов. Начали сбываться предсказания Спасителя о будущем Его учеников: «Чашу мою будете пить и крещением моим будете креститься».

После Успения Богородицы настали не менее тяжелые годы для Иоанна. Преследования христиан продолжались. Петр ходил проповедовать в Антиохию, Коринф, Понт, другие апостолы — в Египет и Индию. Иоанн тоже благовествовал у парфян и в Антиохии. Это было время рассеяния

для апостолов. Они уже не могли подолгу оставаться в Палестине, потому что христианские общины, возникающие по всему свету, требовали опеки и наставлений.

Об этом периоде жизни Иоанна мало сохранилось сведений в исторических источниках и апокрифах. Апостол Павел говорил об Иоанне: муж «знаменитый, особенно славнейший»! Эта высокая оценка позволяет предполагать, что любимый ученик Христа к тому времени занимал очень высокое положение не только в иерусалимской общине. Он был известен как проповедник и устроитель церквей далеко за пределами Палестины. Возможно, в эти годы, в середине первого тысячелетия от Рождества Христова, Иоанн взялся за перо...

По преданию, на одном из собраний старейшин Церкви или на Апостольском Соборе, проходившем в 49 году, Иоанн встал и вдруг произнес, словно помимо своей воли, а только по Божественному вдохновению и произволению, первые слова своего Евангелия:

— В начале было Слово!

Иоанн Златоуст призывал верующих не слушать сына рыбака, а внимать Слову Божию, которое Господь вкладывал в уста Иоанна, «так как не он, а Сам Бог через него вещал роду человеческому». «Евангелие было не собственно его произведением, но делом божественной силы, которая действовала в душе его», — писал Иоанн Златоуст. Тогда «Откровение» тем более было Божиим пророчеством, которое Господь явил Иоанну Богослову.

Не так уж важно, написано ли четвертое Евангелие в конце шестидесятых или в начале девяностых годов, о чем продолжают спорить ученые. Важно, что Божественное вдохновение посещало Иоанна еще в пору его пребывания в Иерусалиме.

Невозможно с точностью установить, когда он навсегда покинул город своей юности, в котором произошли такие важные события его жизни. В 66 году началась римско-иудейская война, а вместе с ней на страну обрушились величайшие бедствия — голод, мор, разруха. Вскоре Иерусалим с его чудесными храмами и дворцами был разрушен дотла.

По одним источникам, апостолы вынуждены были уехать из разрушенного города, в котором невозможно было дальше оставаться. По другим — Эфес достался Иоанну по жребию, и он отправился туда благовествовать еще до разрушения Иерусалима.

Эфес — большой город и порт — располагался на берегу Эгейского моря. Иоанн со своим учеником Прохором сели на корабль, надеясь при хорошей погоде благополучно достигнуть цели своего путешествия. Но погода им не благоприятствовала.

Апокрифы описывают и приключения Иоанна на море, и его пребывание в Эфесе. Еще в первые дни плавания на корабле Иоанн предсказал своим спутникам, что их ждет большой шторм, в котором не уцелеет корабль и многие плывущие на

нем. Но на его пророчества не обратили внимание.

По описаниям Иосифа Флавия, в те времена штормы на море уносили много человеческих жизней. Порой никому из сотен пассажиров не удавалось выбраться на берег. И на этот раз разыгрался страшный шторм. Несколько дней корабль били и трепали волны, так что временами казалось, что он вот-вот распадется на куски. А когда судно все-таки затонуло, лишь немногие счастливцы доплыли до суши.

Прохор напрасно искал среди них своего учителя. Иоанн уже был в годах преклонных и едва ли сумел бы выдержать такое испытание. Так утешали рыдающего юношу те путешественники, которым удалось спастись. Надежды больше не было. Иоанн велел ученику самому добираться до Эфеса, если с ним в пути случится несчастье. Но Прохор все сидел на берегу моря и чего-то ждал...

И вдруг через сорок дней он увидел, как огромная волна выбросила на берег чье-то бездыханное тело. Прохор поспешил туда, чтобы помочь несчастному. Каково же было его изумление, а затем радость, когда он увидел любимого учителя. Апостол Иоанн пришел в себя и рассказал юноше о своих злоключениях. Сорок дней волны носили его, как щепку, по морским просторам. А однажды он провел на дне морском целую ночь и день. По разумению Иоанна, Промыслу Божию было угодно продлить его жизнь, чтобы он успел сделать все ему предназначенное.

«У эфесян нет недостатка в счастии»

Каждый день в порт Эфеса прибывали корабли из Индии, Аравии, Палестины и других стран. Торговля процветала, от заморских купцов богател город. Жители его жили весело и беспечно. Вдобавок и природа наградила эти земли разнообразной и роскошной растительностью, что дало повод одному философу сказать:

— У эфесян нет недостатка в счастии.

Эфесяне поклонялись богине Диане, или Артемиде. Они построили замечательный по красоте и великолепию храм своей богине и по праву им гордились, потому что едва ли в другом городе Малой Азии можно было увидеть что-то подобное. В Смирне, Пергаме, Филадельфии и Лаодикии, Фиатире и Сардии было много храмов, посвященных Зевсу, Аполлону, Афине и Эскулапу, богу врачебного искусства, которого малоазийцы очень почитали.

Семи церквам этих городов Иоанн адресует свои знаменитые послания, которыми начинается «Откровение». В Малой Азии уже проповедовали апостолы Петр и Павел и многих обратили в свою веру. Поэтому жрецы языческих храмов так ненавидели христиан, строили против них всяческие козни и писали на них доносы в Рим.

Хотя в семи городах Малой Азии к моменту появления в Эфесе Иоанна уже существовали христианские общины, они начали приходить в упадок без постоянного попечения апостолов, по-

тому что первые апостольские ученики в Эфесе часто были невежественны в вопросах веры.

«Деяния» рассказывают о таком случае. Когда апостол Павел появился в городе, он нашел нескольких учеников и спросил их, приняли они Дух Святой, когда уверовали? В ответ ученики признались, что даже не слыхали никогда о Святом Духе, а крестились Иоанновым крещением, то есть водою.

Тогда Павел объяснил им, что «крещение Иоанна было крещением покаяния, он призывал людей поверить в Грядущего вслед за ним — Иисуса Христа». Апостол Павел крестил учеников во имя Иисуса, возложил на них руки, и Святой Дух снизошел на них.

Проповедничество было делом многотрудным в богатых городах Малой Азии. Считалось, что бедные и обездоленные больше предрасположены поверить в Иисуса и Царство Божие, обещающее им утешение за страдание в земной жизни. А сытым и беспечным эфесянам не нужен Христос. Они любили своих богов — Диану и Аполлона и благодарили их за счастливую и благополучную жизнь.

На самом деле среди первохристиан было много богатых и знатных людей, крупных чиновников, облеченных властью. В Иерусалиме крестились даже священники из саддукеев, всем сердцем уверовав во Христа.

И в Эфесе среди Иоанновой паствы были не только бедные, но и очень богатые и влиятельные горожане. В одну такую семью Иоанн с Прохором попали в первый же день пребывания в го-

роде в качестве простых слуг. Иоанн всегда путешествовал, как учил их Наставник, не имея ни запаса одежды, ни денег, ни еды. Приходя в чужой город, апостолы брались за самую черную работу, чтобы обеспечить себе скромное пропитание. И в дальнейшем, когда у проповедников появлялись ученики, они не принимали от паствы ни подарков, ни денег. Этим они являли высокий пример бескорыстия для верующих в отличие от иудейских священников, любящих мзду и живущих в роскоши.

В Эфесе Иоанн и Прохор первым делом направились к главной площади. Там у храма Артемиды обычно стояли беженцы и нищие, поджидая, когда их кто-нибудь наймет на работу. В богатый город устремлялись тысячи беженцев из разоренной войной Иудеи и других бедных земель. Поэтому эфесяне привыкли к тому, что на площади можно подыскать слуг или поденщиков за самую мизерную плату.

Иоанна и Прохора наняла жена одного из самых богатых людей в городе, владельца бань Диоскорида. Много натерпелись они от капризной и вздорной госпожи. Но для кроткого и терпеливого Иоанна это было не самое тяжкое испытание.

Через несколько дней вдруг серьезно заболел единственный сын Диоскорида. Родители приносили богатые жертвы богине Артемиде и горячо молились о спасении отрока. В доме перебывали все врачи, лекари и знахари в округе. Но юноша умер.

Диоскорид с женой так убивались по своему

любимому чаду, что Иоанн сжалился над ними и пообещал воскресить юношу именем своего Господа Иисуса Христа. Поклонники Артемиды даже не слышали о таком Боге. Но когда Иоанн помолился, возложил руки на Домна — и юноша воскрес, Диоскорид с женой были потрясены этим чудом и уверовали! На другой день весь дом Диоскоридов со слугами и домочадцами крестился у Иоанна. Многие горожане узнали о чудесном воскресении Домна.

В Эфесе проживали люди многих национальностей. Греки поклонялись Артемиде и Аполлону, иудеи молились в синагоге. Много пришлось претерпеть Иоанну и его ученикам от жрецов Храма Артемиды и народа, почитающего свою богиню, от правоверных иудеев. Но он смело проповедовал и в языческом храме, и в синагоге.

Иоанн не только учил свою паству устно, но и писал Послания. До нас дошли только три из них, но и эти немногие свидетельства дают яркое представление об апостоле как о проповеднике.

Его проповеди не обличали, не жгли сердца людей, не пугали грешников картинами адских мучений. «Возлюбленные», «дети мои», «дети Божьи» — так всегда Иоанн обращался к своей пастве, именуя детьми и праведников, и закоренелых грешников.

Он никогда не вступал в сложные и умные споры с учеными иудеями, как апостол Павел, который часами мог доказывать упрямым соплеменникам, что Иисус и есть Христос, обещанный

пророками, и что Царство Божие настанет. Иоанн не был философом или оратором, блещущим остроумием, находчивостью, ярким красноречием. Он говорил просто, глубоко и убедительно. Его догматы были «яснее лучей солнечных». Вот только некоторые из них:

«Бог есть любовь!» Это самое полное и лучшее определение понятия и существа Божия, полагали отцы Церкви.

«Если кто-то говорит: «Я люблю Бога», а ненавидит брата своего, то он — лжец, ибо тот, кто не любит брата своего, которого видит, не может любить Бога, Которого не видел».

«Тот, кто не любит, остается мертвым. Всякий, кто ненавидит брата своего, — убийца, а вы знаете, что ни один убийца не обладает вечной жизнью».

Иоанн постоянно и неустанно призывал своих «детей» любить друг друга, но любовь должна быть действенной и не ограничиваться только словами:

«Если у кого-то есть достояние мирское и видит он, что брат его в нужде, но не сжалится над ним, то как же можно сказать, что любовь Божья остается с ним?»

Примером истинной любви для Иоанна был его Учитель, отдавший жизнь за людей. И мы также должны отдать свою жизнь за братьев своих, учил он свою паству, «кто не любит, тот не познал Бога».

О любви прежде всего говорил Иоанн в своих проповедях. Но так как среди его последователей было много богатых людей, он не мог не касаться

этой важной темы — о бедности и богатстве, о сокровищах земных и небесных.

«Разве солнце не одинаково светит для бедных и богатых? — вопрошал он. — И общение с Христом — это сокровище небесное дается Спасителем всем поровну. Но несчастен и беден тот человек, который желает иметь все больше и больше земных сокровищ. Отсюда возникают различные болезни во всех членах тела. Эти люди никогда не бывают счастливы, спокойны и беззаботны. Они в вечном страхе, как защититься от воров, как нажить еще большую прибыль? Они ненавидят всех. А уходят из этого мира нагими и босыми, унося с собой только свои грехи».

«Все, что есть в мире этом, все, чего жаждет наша греховная натура, все, чего жаждет наш взор, и все, чем люди так гордятся в этой жизни, — все это не от Отца, но от мира суетного», — говорил Иоанн.

По одной из легенд, двое богатых граждан Эфеса, тронутые его проповедями, продали все свое имение, раздали нищим и нуждающимся и повсюду следовали за апостолом как его ученики. Иоанн часто посещал и другие малоазиатские города, благовествуя в каждом и занимаясь устроением тамошних христианских общин.

Как-то пришел он с учениками в Пергам. И там на площади у храма эфесяне встретили своих бывших слуг, разодетых в бархат и виссон, осыпанных драгоценными каменьями. Очевидно, далеко не праведным путем они разбогатели. Тем не менее Иоанн заметил, что ученики его смути-

лись и пожалели, что раздали свое богатство, а теперь слуги смотрят на них с презрением.

У апостола никогда не было денег. Он нашел камень на берегу моря, разбил его на кусочки и превратил эти кусочки в драгоценные, чистой воды камни, которые отдал эфесянам:

— Идите и купите снова свои земли, которые вы продали, — сказал Иоанн, — потому что вы потеряли свое богатство на небесах. Господь всех может сделать богатыми. Но Он определил борьбу для людей. Только тот получит вечное богатство, кто, имея временные сокровища, откажутся от них ради Его имени.

После этих слов эфесяне устыдились и всей душой раскаялись в своей слабости.

Иоанн не только благовествовал, но и творил много чудес в Эфесе, обращая в христианство все большее число язычников и иудеев. Он исцелял недужных, изгонял демонов из одержимых, вразумлял наиболее злобных язычников не только словом, но и наказанием.

Апокрифы рассказывают, как по его молитве однажды сошел на город такой страшный зной, что умерли сразу восемьсот самых именитых эфесских мужей. Плач и стон потрясли город. Никогда еще Эфес не посещали такие беды. Но Иоанн именем Иисуса воскресил умерших. Это чудо привело в лоно Христовой Церкви сразу несколько тысяч человек.

Однажды апостол проповедовал прямо в храме Артемиды, сияющем мрамором, золотом,

серебром и медью. Много лет его строили самые богатые эфесские граждане, равного ему не было во всей Малой Азии. Жертвоприношения и службы у статуи богини отличались небывалой роскошью и великолепием.

И когда Иоанн, стоя у подножия статуи Артемиды, начал рассказывать язычникам об Иисусе Христе, жрецы пришли в ярость. Служители храма и преданные богине язычники не только поносили Иоанна злыми словами, но и кидали в него камнями. Но ни один из камней не причинил апостолу вреда, все они почему-то попадали в статую Артемиды. Статуя покачнулась и рухнула на глазах у изумленных людей. Тут же пронеслась по городу весть, что по молитве апостола рухнуло «требище Артемидино». И никакого возмездия не последовало — обидчик жив, невредим и продолжает проповедовать во имя своего Бога. Значит, Иисус Христос могущественнее богини?

Через несколько лет своего пребывания в Эфесе Иоанн обратил в христианство столько граждан города, что храм Артемиды часто пустовал. Апокрифы даже называют точное число обращенных — 36 706, по другим источникам — 39 205. Апостол не только проповедовал, но и стоял во главе семи малоазийских церквей. В годы его управления христианские общины в городах росли и процветали. Несмотря на богатство и могущество язычников, великолепие их храмов и пышность служб, народ тянулся к Христу и его проповедникам.

В чем разгадка силы и притягательности хрис-

тианства? Может быть в том, что любая жизнь человеческая, даже самая благополучная, не проходит без болезней, скорбей и бед. А в скорбях и несчастьях только Христос дает утешение и надежду.

Историки и отцы церкви так и не смогли прийти к единому мнению, когда же Иоанн прибыл в Эфес и сколько лет он там прожил? Если апостола сослали на Патмос еще в царствование Нерона, то он проповедовал в Малой Азии всего несколько лет, потому что Нерон умер в 68 году.

Если же император Домициан, тоже гонитель христиан, сослал Иоанна на Патмос, значит, апостол прожил в Малой Азии более тридцати лет. Скорее всего, так и было. Малоазийские церкви не смогли бы возрасти, окрепнуть и затмить языческие храмы за столь короткое время. А ведь все историки церкви свидетельствуют, что, уезжая в ссылку, Иоанн оставил свои церкви и паству в процветающем состоянии.

Но даже в лучшие годы своего существования у христиан всегда было много врагов в Эфесе и других городах. Жрецы в храмах и священники в синагогах теряли доходы, верующих и свою власть в городах. Им невыносимо было видеть возвышение христиан. Они никогда не переставали жаловаться на Иоанна проконсулу Азии и писать доносы в Рим.

В царствование императора Домициана в начале девяностых годов прокатилась новая волна гонений на христиан. Домициан отличался дикой гордыней. Он почитал себя богом и умертвлял

всех, кто не желал этого признавать. Не щадил даже своих близких родственников.

Ему надоели постоянные жалобы и иудеев, и греков на христиан.

— Они не почитают наших богов и храмов, проповедуют своего Распятого, совращают тысячи граждан во имя его, — писали ему жрецы и иудейские священники.

Домициана тоже раздражали христиане тем, что поклонялись не ему, а какому-то Распятому Иисусу, не подчинялись начальникам и вышестоящим. Он не раз приказывал проконсулу Азии запретить христианам и их апостолу Иоанну проповедовать своего неведомого Бога, жить тихо, а иначе пусть убираются прочь! Больше всего боялись римские императоры волнений в своих провинциях. А волнения и недовольства не уменьшались. И причиной тому, как полагал Домициан, были не властолюбие и алчность жрецов и иудеев, а упрямство христиан, не желающих расставаться со своими заблуждениями.

Доносчики не унимались, и Домициан в гневе приказал заковать Иоанна в цепи и доставить в Рим. Вскоре апостол предстал перед императором.

— Ты нарушаешь покой и порядок в моей империи, своим чародейством обольщаешь благочестивых граждан! — сердито упрекал апостола Домициан. — Я запрещаю тебе проповедовать назаретянина, которого ты называешь Богом!

Но Иоанн был тверд и непреклонен:

— Никогда не отрекусь от Христа, Бога

моего! Должно повиноваться более Богу, чем людям, — повторял он.

Домициан привык к раболепству и не выносил непокорных. Проще всего было избавиться от этого предводителя христиан, а потом рассеять его паству. Домициан легко убивал людей. Он приказал дать Иоанну чашу с ядом. Дворцовый лекарь, очень большой знаток ядов, приготовил питье. Иоанн покорно выпил чашу до дна — и не умер.

Император велел извести чародея другим способом, более верным. Апостола ввергли в котел с кипящим маслом — но он остался живым и невредимым. Тогда Домициан испугался. Он был суеверен и понимал, что бороться с «магом и чародеем» бесполезно. Можно лишь убрать его с глаз долой подальше, в ссылку. По императорскому повелению Иоанн был сослан на остров Патмос.

Патмос

Почему на этот маленький остров в Эгейском море ссылали опасных преступников и неугодных императору людей? Он очень напоминал тюрьму. Корабли редко причаливали к его скалистым берегам, поэтому невозможно было убежать отсюда. Поразительно бедна была природа Патмоса. В знойные месяцы солнце выжигало последнюю травинку и чахлые посевы. Голым и неуютным казался остров. Но здесь жили люди, всего около пяти тысяч чело-

век. В городах и селах Патмоса едва теплилась неторопливая, скудная жизнь поселенцев.

Дождавшись попутного корабля, Иоанн и Прохор вместе с другими осужденными отправились в ссылку. На этом же корабле плыли чиновники, римские легионеры и стражники, охранявшие заключенных. Эти несчастные, закованные в кандалы, получали только кусок хлеба в день и немного воды. Зато остальные именитые пассажиры с утра до вечера пировали и веселились.

Они даже не заметили, как юноша, сын начальника легионеров, нечаянно оступившись, упал за борт и утонул. Несчастный отец был безутешен. И тогда один из стражников посмотрел на Иоанна:

— Про тебя говорят, что ты не раз воскрешал умерших в Эфесе?

— А какому богу ты молишься? — спросил у него Иоанн.

— Аполлону, — гордо ответил стражник.

Остальные стражники и легионеры почитали Артемиду Эфесскую, Зевса, Афину.

— У вас столько богов! — сказал Иоанн. — Неужели они не могут спасти юношу?

Он велел снять с себя кандалы, подошел к борту и стал горячо молиться. На море поднялась страшная буря, волны швыряли корабль. И вдруг одна волна вынесла на палубу корабля тело юноши, который вскоре пришел в себя. Буря тут же утихла.

Радость и ликование охватили всех пассажиров. Счастливый отец велел снять кандалы с

осужденных и хорошо их кормить. А Иоанну с учеником он предложил полную свободу, как только они причалят в первом же порту. Но апостол отказался от свободы и пожелал следовать на Патмос и принять все, что ему уготовано.

На другой день некоторые из стражников и легионеров попросили Иоанна тайно крестить их. Они всем сердцем поверили в Иисуса Христа, но боялись потерять службу и подвергнуться гонениям. Иоанн крестил их по их желанию. Хотя эти люди и тайно от других молились Христу, но все же они отошли от язычества, не посещали языческих храмов и не приносили жертвы. А со временем все тайное становится явным.

Еще одно чудо, явленное Иоанном, изумило всех плывущих на корабле. Разыгравшийся на море шторм заставил их пристать к маленькому безлюдному острову и пробыть там целых шесть дней. Люди страдали не столько от голода, сколько от жажды. На корабле не осталось ни капли пресной воды.

Тогда Иоанн велел Прохору наполнить морской водой все сосуды, помолился над ними, перекрестил трижды — и вода сделалась пресною и очень приятной на вкус.

Так что, когда корабль наконец причалил к Патмосу, часть попутчиков Иоанна считали его всемогущим магом и чародеем и страшно его боялись. Но другие искренне уверовали в Иисуса Христа и не сомневались, что апостол творит чудеса с помощью Сына Божьего, а не темных и враждебных сил.

...Всего несколько лет прожил Иоанн на Патмосе, но сотворил множество чудес и исцелений, обошел с Прохором все города и селения, благовествуя о своем Господе и сокрушая капища языческих богов.

Особенно был страшен апостол для бесов и демонов, которые губили немало людей и мучили их страшными болезнями. На Патмосе жил старейшина Хрус, человек благочестивый и мирный. Но в сына его вселился бес и не давал несчастному юноше ни минуты покоя, денно и нощно терзая его.

Иоанн трижды перекрестил сына Хруса и сказал:

— Заклинаю тебя именем Иисуса Христа, выйди из этого человека!

И лукавый бес тут же подчинился и оставил юношу, и тот выздоровел.

Жена игемона острова Патмос несколько дней страдала в родах. Иоанн, едва переступив порог ее дома, даровал роженице облегчение, и она тут же разрешилась младенцем.

Чиновник Василий и его жена много лет молили своего бога Аполлона о даровании им сына. Но мольбы их не были услышаны, эта супружеская пара оставалась бездетной. Апостол Иоанн сжалился над их бедой и обещал им ребенка. Действительно, через девять месяцев жена Василия родила сына, которого нарекли Иоанном. Счастливый отец продал часть своего имущества и принес деньги в дар апостолу. Но Иоанн не взял деньги. Не принял он дары и от Хруса,

игемона и других исцеленных. Он всегда говорил дарителям:

— Подите и раздайте эти деньги нищим и нуждающимся.

На Патмос ссылали не только преступников и врагов Домициана, но и прокаженных. После того, как Иоанн очистил первого нищего-прокаженного, к нему потянулись больные проказой со всего острова. Больные и одержимые нечистым духом верили, что платки и одежда, к которым прикоснулся Иоанн, приносят исцеление.

Однажды апостол с учениками шел в храм Аполлона, чтобы проповедовать там народу, и встретил на дороге бедную женщину из какого-то дальнего селения. Женщина простодушно поведала Иоанну, что пустилась в такой дальний и трудный путь, чтобы умолить бога Аполлона исцелить ее больного сына. Апостол утешил старушку, велел ей возвращаться домой и сказал:

— Иди домой, сын твой здоров.

Женщина после возвращения нашла своего сына полностью исцеленным.

На Патмосе появились у Иоанна ученики, все больше и больше людей обратил он из мрака язычества в христианскую веру. Но были у него и враги — жрецы, яростные почитатели бога Аполлона и местного колдуна Кинопса.

Однажды в храме Аполлона Иоанн рассказывал народу о земной жизни своего Божественного Учителя, о Его страданиях на кресте и о скором Воскресении, которому он сам был свидетель. Люди слушали с умилением и плакали. Но рядом стоял иудей Кар, то и дело прерывавший речь

апостола злобным хулением на Христа. Кроткий и терпеливый Иоанн мог снести и бичевание, и злую ругань в свой адрес, но только не хулу на любимого Учителя. Он обернулся и тихо сказал Кару:

— Умолкни!

Кар поперхнулся последним словом и умолк очень надолго. Немота сковала его уста на много дней. Наконец он не выдержал этой пытки, упал в ноги к Иоанну, и апостол сжалился над ним, вернул ему дар речи.

Иоанн не был воителем по натуре, но ему приходилось вести неустанную борьбу с язычниками и жрецами. Как когда-то в Эфесе, по его молитве рухнуло требище бога Аполлона. И жрецы долго думали, как извести ненавистного проповедника Христова. Начальство Патмоса благоволило к Иоанну, народ преклонялся перед ним.

Тогда жрецы храма Аполлонова попросили колдуна Кинопса отомстить за бесчестие их бога. Кинопс получил свою силу от сатаны и повелевал множеством мелких бесов, насылая их на людей. И на Иоанна он не раз насылал своих бесов, но ни один из них не смог даже приблизиться к апостолу, не то что причинить ему вред.

Тогда колдун сам решил сразиться с апостолом Христовым и явился ему. Но по слову Иоаннову «окаянный погрузися в море и там погибе». И бесов его апостол вверг в море, где они сгинули на радость народа Патмоса, который сильно от них натерпелся.

Но Иоанн не только благовествовал, исцелял

и боролся с колдунами и язычниками. На Патмосе Господу было угодно явить ему откровение о судьбах мира и Церкви Христовой. Дар пророчества и прежде проявлялся у Иоанна. Он предсказал бурю на море, когда они с Прохором плыли в Эфес. Он часто «прорицал будущее и отстоящая, яко близ сущая возвещал еси», — говорят об апостоле древние источники. Но эти пророчества сначала касались только судеб стран, народов или отдельных людей.

Апокалипсические видения даны были апостолу на пустынном скалистом берегу моря в особый «день воскресный», когда сам он пребывал в необычном состоянии духа. Перед ним простиралась спокойная и ровная морская гладь, вспыхивающая алым пламенем в лучах солнца.

«Стеклянное море, смешанное с огнем», — это одна из привычных картин острова Патмоса, ставшая образом Апокалипсиса. В «Откровение» перешли и другие повседневности жизни острова. Например, страшная саранча, символизирующая человеческие грехи, немало досаждала жителям Патмоса, пожирая и без того скудные посевы.

Реальность густо перемешана с фантастическими образами в Апокалипсисе Иоанна. Так, на далеком горизонте бесконечной морской глади вдруг вырос на его глазах прекрасный город его юности, небесный Иерусалим, весь блистающий драгоценными камнями, золотом и серебром. Это Царство Божие, в котором после воскресения будут блаженствовать все верные христиане, все претерпевшие, но не поклонившиеся антихристу.

Но Царство Божие не придет само собой. За него нужно бороться. Жестокая борьба между силами добра и зла развернулась перед глазами тайновидца Иоанна. Одна страшная картина сменялась другой — великие землетрясения и затмения, звезды, падающие на землю, как недозрелые смоквы, низвергающиеся горы, нашествие саранчи с львиными зубами, дракон с семью головами и зверь, вышедший из моря.

В этих символических образах и аллегориях Иоанн поведал о мучениях и гонениях первохристиан. Но Агнец-Христос все-таки победил всех врагов, дьявол-сатана был закован в цепи и брошен в бездну.

Иоанн хотел своим пророчеством не только укрепить дух христиан, но и даровать им надежду. Он говорил им в своем «Откровении»: победа над силами зла не за горами, Царство Божие близко, «гряду скоро...»

Видения, явленные Иоанну на пустынном берегу моря, предстали в знакомых ему образах, в образах Священного Писания, которое он прекрасно знал с детских лет. Например, четыре коня — вестники великих бедствий, которые будут предшествовать концу света, конь белый, рыжий, вороной и бледный — напоминают коней из книги Захарии. А зверь, вышедший из моря, своим обликом напоминает чудовище из Книги Даниила.

Некоторые образы так темны, загадочны и таинственны, что их до сих пор не могут истолковать точно, и многочисленные исследователи

понимают их всякий по-своему. О «зашифрованности» Апокалипсиса Дионисий Александрийский писал: «Темнота сей книги не препятствует удивляться ей. И если я не все в ней понимаю, то лишь по моей неспособности. Я не могу быть судией истин, в ней заключающихся, и измерять их скудостью моего ума; руководствуясь более верою, чем разумом, нахожу их только превосходящими мое понимание».

Следует добавить, что святого Дионисия, епископа Александрийского, жившего в третьем веке от Рождества Христова, богословы величали «образованнейшим защитником православной веры». В отличие от Иоанна Богослова, «человека простого и некнижного», Дионисий прошел несколько философских школ, прежде чем нашел истину в евангельском учении и принял православие.

«Хочу, чтобы он пребыл, пока приду...»

В 96 году закончилось царствование императора Домициана. Он умер не своей смертью, а был убит заговорщиками. На престол вступил Нерва, которого называли гуманнейшим императором. В отличие от своих предшественников он никого не преследовал за религиозные убеждения, повелел освободить из тюрем и ссылок всех христиан и вернуть им имущество.

В то время слава Иоанна как пророка, пропо-

ведника и целителя вышла далеко за пределы Палестины и Малой Азии. В Риме у него тоже были защитники и почитатели. Они рассказывали императору об этом чудесном старце. Никто не удерживал больше Иоанна на Патмосе, ничто не препятствовало ему вернуться в Эфес.

Апостол никогда не терял связи со своими подопечными — общинами семи малоазийских церквей. И ученики его, и паства не упускали оказии, чтобы послать учителю весточку. После смерти Домициана они настоятельно просили Иоанна вернуться в Эфес.

Большая толпа верующих стояла на пристани, когда Иоанн взошел на корабль и покинул остров. Но дух апостола навсегда остался на Патмосе, хотя прошло уже девятнадцать веков. Не только Иоанно-Богословский монастырь напоминает о том, что любимый ученик Христа прожил здесь несколько лет. На острове более трехсот церквей. И жители с гордостью показывают приезжим и паломникам пещеру, в которой святой Иоанн получил от Господа откровение.

По возвращении в Эфес Иоанн долгое время жил у Домна, которого когда-то воскресил из мертвых. Родители Домна к тому времени умерли, а сам он превратился в зрелого мужа. Позднее у Иоанна появился свой маленький домик не в шумном центре города, а на тихой окраине, недалеко от храма.

Последние годы его земной жизни были очень значительными. Как и прежде, Иоанн творил много чудес, проповедовал и был высшим упра-

вителем малоазийских церквей. Давно уже ученики, друзья и епископы семи церквей просили его написать свое Евангелие. К тому времени существовали Евангелия Марка, Луки и Матфея, и Иоанн, конечно, читал их.

Но те, кому посчастливилось в эти годы слушать рассказы апостола о его Божественном Учителе, знали о тех чудесах, которые были неведомы первым трем евангелистам — о претворении воды в вино в Кане Галилейской, о беседе с бедной самарянкой, о воскрешении Лазаря и о многом другом.

В то время Иоанн был уже глубоким старцем, и верующие с грустью думали, глядя на апостола, что скоро не останется на земле человека, который видел Иисуса Христа. Многие, впрочем, не сомневались, что святой Иоанн никогда не умрет, потому что Спаситель сказал о нем: «Хочу, чтобы он оставался, пока приду».

С самого своего зарождения церковь Христова боролась с различными ересями. Еретики подвергали сомнению основной догмат христианства — воплощение Сына Божия. Многие не понимали этого важного догмата. Иудеи смущали души людей, убеждая их, что Бог не может принять человеческую плоть и родиться от девы, что в мире есть только один Бог-Творец.

Иоанн хотел объяснить эти таинственные, возвышенные истины просто, глубоко и с любовью, так, чтобы каждый человек сумел понять их. По преданию, когда Иоанн взял в руки перо и

начертал: «В начале было Слово» — блеснула молния и раздались раскаты грома.

Слово означает Сына Божия, второе лицо Святой Троицы, прежде всех веков неизреченно рожденное от Отца и по воле Отца воплотившееся для людей и спасения их от грехов. Вот основная истина, раскрытая в Евангелии Иоанна.

Ни один из историков и церковных писателей — Дионисий Александрийский, Иоанн Златоуст, Феофилакт, блаженный Августин и блаженный Иероним — не назвали точной даты смерти Иоанна в Эфесе. Предположительно апостолу было не менее девяноста лет и не более ста двадцати.

В последние годы апостол Иоанн был так стар, что его приносили на проповедь в церковь на руках. И он все время повторял верующим:

— Дети, любите друг друга!

В один воскресный день (а этот день открыл Иоанну Сам Господь) апостол собрал в своем доме всех братьев, учеников и друзей. Иоанн попросил хлеба, преломил его, раздал всем братьям и за каждого молился. Так он простился с ближними своими.

Потом апостол взял с собой Прохора и двух учеников с лопатами и попросил их следовать за собой. Он сам, без посторонней помощи дошел до кладбища, остановился у свежей могилы одного из братьев и сказал Прохору:

— Копайте, дети! Ройте глубже.

Постелил свою одежду на дно ямы и, стоя в одной сорочке, долго молился:

— Господи, удостой меня покоя, так как я исполнил заповеданное от Тебя!

И, легши на дно своей могилы, попросил засыпать его землей. Ученики зарыдали, но не посмели ослушаться любимого наставника. Они засыпали Иоанна землей до колен, потом до пояса, потом до плеч. Поцеловали учителя на прощание, а он молился за каждого из них. Прикрыли лицо апостола платком — и сровняли могилу...

Обливаясь слезами, Прохор с учениками вернулся в дом. К вечеру братья и верующие хватились святого старца и заставили учеников рассказать все подробности случившегося. Многие были возмущены таким жестоким погребением живого Иоанна. Они немедленно отправились на кладбище, надеясь еще спасти его и, может быть, увидеть живым. Изрыли всю могилу, но никого не нашли в ней... И тогда снова вспомнили слова Спасителя, сказанные о любимом ученике:

— Если я хочу, чтобы он пребыл, пока приду...

Иоанн умер телом, но не духом. Но где пребывает доныне дух апостола? Об этом не было единого мнения у отцов церкви, которые писали об авторе четвертого Евангелия и толковали его «Откровение».

Блаженный Августин говорил, что Иоанн не умер, а как бы спит на дне своей могилы до второго пришествия Христова. Из могилы под-

нимается тонкий целебный дух, потому что апостол дышит.

Может быть, не случайно Господь явил именно Иоанну Богослову судьбы мира и Христовой Церкви, потому что в «Откровении» предсказана и судьба самого апостола. Вместе с пророками Илией, Енохом и Мельхиседеком ему суждено претерпеть мученический подвиг во время царствования антихриста.

Другие духовные писатели были убеждены, что Иоанн живым взят на небо. А апокрифы и народные легенды рассказывают о том, как дух апостола бродит по земле и является в своем зримом облике христианам, чтобы дать вразумление, наставление или оказать поддержку перед значительными событиями в церковной жизни, важными сражениями в войнах с язычниками.

В средние века Иоанна «видели» в Англии, Испании и в России. Апостол явился Авраамию Ростовскому и повелел ему сокрушить идол Велеса. В то время в Ростове далеко не все жители приняли христианскую веру, многие оставались язычниками и поклонялись каменному идолу Велесу, или Волосу, покровителю скота.

Авраамий Ростовский долго молился Господу о даровании ему силы и благодати Святого Духа для борьбы с язычеством. И вот молитвы его были услышаны. Как-то за городом у реки Ишны Авраамий встретил старца, «величественного видом и внушающего страх». Старец вручил ему жезл и стал невидим.

Едва Авраамий прикоснулся жезлом к камен-

ному Велесу, как идол рассыпался в прах. Вскоре на том месте, где он встретил старца, Авраамий построил храм во имя Иоанна Богослова. А на том месте, где стоял каменный идол, Авраамий учредил Богоявленский монастырь и стал его архимандритом.

Бродит ли апостол Иоанн до сих пор по земле или взят своим любимым Учителем на небо, но частица его души обитает и в России — в селе Богослов Ростовского уезда Ярославской губернии на реке Ишне.

Апокалипсис

Гряду скоро

Слово «апокалипсис» в переводе с греческого языка означает «открытие» или «откровение». «Откровение» Иоанна Богослова — единственная пророческая книга Нового Завета. Предсказания о грядущем содержатся и в Евангелиях, но все же именно в Апокалипсисе во всей полноте даются таинственные указания о будущей судьбе церкви и всего мира.

Об Апокалипсисе написано более ста исследований и толкований. По своей художественной выразительности и сложной образности это самая загадочная из всех книг, входящих в Библию. В течение многих веков человеческая мысль напряженно пыталась разгадать тайну Апокалипсиса и увидеть соответствие между переживаемыми периодами истории и видениями Иоанна Богослова.

Влияние Апокалипсиса и других эсхатологических библейских текстов на культуру было

очень велико. Эсхатология (буквально «последнее слово») — это религиозное учение о конечных судьбах мира и человека, которое опирается на общехристианское представление о втором пришествии Иисуса Христа, о страшном суде и конце света.

Таинственность и образность Апокалипсиса делали его весьма трудным для понимания, поэтому неосторожные толкователи «Откровения» всегда рисковали оказаться за границами истины и дать повод к несбыточным надеждам и верованиям. Быть может, поэтому Апокалипсис — единственная часть Библии, которая никогда не читалась за православным богослужением. И несмотря на это, Откровение всегда вдохновляло верующих, не только принадлежащих к традиционным христианским конфессиям, но и членов сект и течений внутри и вне церкви — от русского старообрядчества до американских мормонов и рассыпанных по всему миру адвентистов седьмого дня.

При всем разнообразии и противоречивости существующих интерпретаций и комментариев к Апокалипсису всех толкователей этой книги можно разделить на четыре группы.

Одни из них относят все видения и символы Апокалипсиса к «последним временам» — кончине мира, явлению антихриста и второму пришествию Христову. Другие — представители исторического направления — доказывают, что Иоанн Богослов предсказал исторические события первого века — гонения на Церковь языческих императоров.

Третьи пытаются найти осуществление апока-

липсических сказаний в исторических событиях более позднего времени. По их мнению, например, Папа Римский есть антихрист, и все апокалипсические бедствия возвещаются собственно для римской церкви. Четвертые, наконец, видят в Апокалипсисе только аллегорию, считая, что описываемые в нем видения имеют не столько пророческий, сколько нравственный смысл, аллегория же введена для усиления впечатления.

С точки зрения Церкви, правильным надо признать то толкование, которое объединяет все эти направления. Конечно, содержание Апокалипсиса в итоге своем направлено к последним судьбам мира. И в то же время нет сомнений, что в течение всей минувшей христианской истории уже исполнилось немало предсказаний тайновидца Иоанна о судьбах мира и церкви.

Правы те толкователи, которые призывают более осторожно применять апокалипсическое содержание к историческим событиям и считают, что содержание этой книги только постепенно будет раскрываться по мере наступления событий и исполнения пророчеств, в ней предреченных.

До сих пор спорят в ученом мире и о том, действительно ли Иоанн Богослов написал «Откровение» или автор его кто-то другой? Доводы за авторство Иоанна кажутся более разумными и логичными.

Автор «Откровения» сам неоднократно называет себя Иоанном. «Но это может быть Иоанн Златоуст», — отвечают оппоненты. Существует и такое мнение.

Мы не можем не доверять мнениям отцов Церкви, которые признавали автором Апокалипсиса Иоанна Богослова, например святому Иустину Мученику, который долго жил в Эфесе, городе, где почил великий апостол. Такие авторитетные в Церкви люди, как Климент Александрийский, Тертуллиан, Ориген, Ефрем Сирин, Василий Великий и Григорий Богослов, тоже не сомневались в авторстве Иоанна.

Но, пожалуй, самым важным доказательством является несомненное сходство Апокалипсиса, четвертого Евангелия и Посланий апостола Иоанна по духу, стилю и языку.

Общий тон Апокалипсиса совпадает с тоном Евангелия и Посланий Иоанна. Как в первом казни и гибель несчастных изображаются яркими красками, в резких тонах, в мрачных образах, так и в Евангелии, и в Посланиях можно найти много резких выражений и усмотреть особую решительность в высказываниях. Это объясняется характером воззрений апостола Иоанна. Перед его глазами рисовались противоположности, ему представлялся всегда резкий антагонизм двух царств — добра и зла.

Нет никаких полутонов, нет середины — это очень яркий и контрастный мир. Это идеальное разделение мира на две половины — на детей Божиих и на детей дьявола, на ходящих во свете и ходящих во тьме, на нечестивых и сохраняющих заповеди Божии, которые не поклонились зверю и образу его. Это резкое разделение проводится Иоанном во всех его писаниях, составляя их особенность.

Кроме сходства в общем характере можно отметить сходство в частностях. И в Апокалипсисе,

и в Евангелии Христос называется Словом, а проповедь апостольская — свидетельством. Христологии этих двух книг совпадают, параллели в некоторых случаях удивительны.

Так, Мессия в Апокалипсисе часто выводится в образе Агнца. Агнцем называется Он и в четвертом Евангелии. Пролог последнего предлагает учение о Христе, как о божественном Логосе. В Апокалипсисе читаем о Мессии: «И называется имя Его: Слово Божие» (XIX, 13).

Апокалипсис, часто представляющий Христа под образом Агнца, рисует Его в самых возвышенных чертах. Евангелист под бренным телесным покровом Спасителя всегда видит Божественное существо.

Параллель между Апокалипсисом и четвертым Евангелием наблюдается и в отношении к иудейству. Для апокалиптика иудаизм развился в христианство, Церковь — вот истинный духовный Израиль. Совпадает Апокалипсис с Евангелием и в учении о Духе. И в том, и в другом писании Дух является для верующих просвещающим фактором, личным принципом Божественного откровения.

И, наконец, в Апокалипсисе как бы образно выражается учение четвертого Евангелия о двух воскресениях: первом — духовном и втором — всеобщем воскресении тел человеческих для последнего суда.

«Откровение» Иоанна было написано или, точнее сказать, получено на острове Патмос. Это один из Спорадских островов на Эгейском море. Он не-

велик, имеет пятьдесят шесть верст в окружности, мало заселен из-за недостатка воды, нездорового климата и бесплодия земли. Словом, этот пустынный и скалистый остров был идеальным местом для ссылки и для глубоких философских размышлений о мире. Иоанн был сослан на Патмос, по его собственному выражению, «за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа».

Однако, когда был открыт сирский перевод Апокалипсиса VI века, то обнаружилось, что в нем вместо Домициана назван Нерон — один из самых кровожадных римских императоров.

Нерон правил в шестидесятые годы первого века нашей эры. Может быть, это он распорядился сослать Иоанна на остров Патмос? Сторонники этой точки зрения считают, что относить время написания Апокалипсиса к царствованию Домициана нельзя еще и потому, что, судя по первым двум стихам одиннадцатой главы, знаменитый Иерусалимский храм тогда еще не был разрушен.

«И дана мне трость подобная жезлу и сказано: встань и измерь храм Божий и жертвенник, и поклоняющихся в нем. А внешний двор храма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам: они будут попирать святый город сорок два месяца».

В этих стихах усматривали предсказания о будущем разрушении храма, которое при Домициане было делом уже свершившимся. Поэтому Апокалипсис мог быть написан за два года до этого события, то есть в 68 году.

«Но состояние христианской жизни, как она

представлена в Апокалипсисе, говорит за более позднюю дату», — возражают противники. Каждая из семи малоазийских церквей, к которым обращается Иоанн, имеют в Апокалипсисе свою историю и окончательно определившееся направление религиозной жизни. Христианство в них уже на первой стадии чистоты и истины — ложное христианство пытается занять в них место наряду с истинным. Это означает, что и деятельность апостола Павла, долго проповедовавшего в Эфесе, была делом давнего прошлого. Все эти доводы вместе со свидетельствами святых Иринея и Евсевия позволяют отнести время создания Апокалипсиса к концу первого века.

Существует среди ученых и такое мнение, что авторство Апокалипсиса и четвертого Евангелия принадлежит разным людям. Но это все споры, скорее интересные для специалистов по истории церкви. Для нас же важнее другое.

В наше время в сознании большинства людей слово «апокалипсис» связано с чем-то катастрофическим, гибельным, ужасным. А между тем Апокалипсис создавался с целью придать мужество гонимым христианам, раскрыть значение воинствующей Церкви. И главное, для чего написан Апокалипсис: «Показать, чему надлежит быть вскоре».

С самого начала своего существования Церковь вступила в тяжкую борьбу с заблуждениями язычества и иудейства, чтобы восторжествовала Божественная Истина, принесенная на землю воплотившимся Сыном Божиим. Только Истина могла даровать человеку блаженство и вечную жизнь.

Иоанн Богослов и повествует о борьбе Церкви с врагами и о конечном Ее торжестве. Цель его «Откровения» — очень ярко и наглядно живописать гибель врагов Церкви и прославление верных Ее чад. Это было так важно и необходимо для верующих во времена страшных кровавых гонений на христиан, потому что давало им утешение и ободрение в скорбях и тяжких испытаниях.

Ужасы гонений, переживаемых христианами в первом веке и толкуемые в свете Апокалипсиса, давали повод верить в наступление «последних времен» и скорое второе пришествие Христово. И на протяжении всего своего существования человечество много раз видело себя на самом краю земной истории. И всякий раз люди с трепетом читали великую книгу «Откровений» и искали в ней приметы скорого конца света.

Так было и в средние века. И в годы смут, революций и гражданских войн. Это происходит и в наше время. Но для церкви и христиан не столь важно точно распознать, когда наступит ЭТОТ ДЕНЬ и ЧАС, сколько научить своих чад всегда быть к нему готовыми.

«Я был в духе в день воскресный»

Апокалипсис имеет не только пророческое, но и нравственное значение. «Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем; ибо время близко».

Смысл этих слов таков: блажен тот, кто,

читая эту книгу, будет жизнью своей и делами благочестия приуготовлять себя к вечности, ибо переход в вечность близок для каждого из нас.

В следующем, десятом стихе святой Иоанн обозначает и тот самый день, в который он удостоился откровения. Это был «день недельный», по-гречески «кириака имера» — «день Господень».

«Я был в духе в день воскресный», — говорит апостол. На языке пророков «быть в духе» означает находиться в таком духовном состоянии, когда человек видит, слышит и чувствует не телесными органами, но всем внутренним существом своим. Это не сновидение, потому что такое состояние бывает и во время бодрствования.

Таким образом, Апокалипсис состоит из различных видений, свидетелем которых был Иоанн Богослов. Вот их толкование...

Первое видение — это явление святому Иоанну Некого, «Подобного Сыну Человеческому». Апостол услышал громкий, похожий на трубный голос, который по-гречески назвал себя «Альфа и Омега», Первый и Последний.

Евреям в Ветхом Завете Он открыл Себя под именем Сущий. Переход с еврейского на греческий очень важен, ибо указывает на мессианство Сущего не только для еврейского народа, но и для всех народов, говоривших тогда по-гречески и пользовавшихся греческой письменностью.

Иоанн живописует облик Явившегося:

«Глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; а очи Его — как пламень огненный. И ноги Его подобны халколивану, как раскаленные

в печи; и голос Его — как шум вод многих. Он держал в деснице Своей семь звезд, а из уст Его выходил острый с обеих сторон меч; и лицо Его — как солнце, сияющее в силе своей».

В Его руках судьбы Церквей в виде семи светильников. О каждой церкви особое пророчество. Эти семь церквей входили в ту пору в Эфесскую Митрополию, но, конечно, «Откровение» Иоанна Богослова дано и всей Церкви в лице этих семи церквей. Кроме того, число семь, которое так часто встречается в Апокалипсисе, означает полноту.

В семи обращениях автора к церквам описывается современное Иоанну состояние христианства, а также излагаются откровения, полученные им о каждой из семи малоазийских церквей.

Эти откровения содержат похвалы и порицания, увещевания и утешения, угрозы и обещания. Послания имеют отношение не только к церковной жизни первого века, но и ко всей Церкви на протяжении ее существования на земле. От первого периода Апостольской Церкви, трудившейся и неизнемогшей в борьбе с ересями, до последней Лаодикийской, внешне благополучной и равнодушной к вере, но относящейся к самой страшной эпохе перед кончиной мира.

Замечательные слова из послания к Лаодикийской церкви использовал Достоевский в непропущенной цензурой главе из романа «Бесы»:

«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепел, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, я раз-

богател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ, и слеп, и наг».

После того как Иоанн услышал послание к семи Церквам, он был восхищен на небо. Там он предстал перед престолом Бога. Господь Вседержитель держал в деснице Своей книгу, исписанную снаружи и внутри и запечатанную семью печатями. Одна из отличительных черт Апокалипсиса — сочетание глубокого символизма с точностью и достоверностью деталей. Так и описание книги совершенно реалистично.

В древности книги состояли из кусков пергамента, свернутых в трубку или навитых на круглую палку. Внутрь такого свитка продевался шнурок, который связывался снаружи и был прикреплен печатью. Иногда книга состояла из куска пергамента, который складывался в виде веера и был стянут поверх шнурком, припечатанным печатями на каждом сгибе или складе книги. В таком случае раскрытие одной печати давало возможность прочесть только часть книги.

По мнению святого Андрея Кесарийского, под книгой, виденной апостолом Иоанном, следует разуметь «премудрую Божью память», в которой вписаны все жившие и живущие, а также и глубину Божественных судеб. В этой книге были, следовательно, вписаны все таинственные определения премудрого Промысла Божия о спасении людей. Причем внутренняя часть закрыта от людского глаза, а внешняя может быть ими постигнута. Под книгой разумеются и пророчества, о которых Сам Христос сказал, что частью они исполнились в Евангелии:

«Надлежит исполниться всему, написанному о Мне в Законе Моисеевом и в пророках и в псалмах» (Лк., XXIV). А остальные пророчества должны исполниться в последние дни.

Но ни ангелы, ни люди, ни святые не могли открыть эту книгу. Иоанн повествует о том, как много он об этом плакал. Но один из небесных старцев утешил его: единственно Христос оказался достоин раскрыть книгу судеб Божиих, ибо Он, принесший Себя в жертву за грехи людей, Сам явился исполнителем определений Божиих о спасении человеческого рода.

Христос изображен в Апокалипсисе в виде «Агнца, как бы закланного, имеющего семь рогов и семь очей», которые символизируют соответственно Его крепость и всеведение Божие.

Далее повествуется о снятии Агнцем поочередно первых шести печатей. При снятии этих печатей в Апокалипсисе появляются знаменитые кони. Сначала — конь белый, символизирующий ангельский сонм. Затем конь рыжий — знак пролития христианской крови и сердечной ревности пострадавших за Христа. Третий конь — конь вороной со всадником, имевшим «мерило в руке своей», которое обозначает отпадение от Христа не имеющих твердой веры в Него и «плач об отпавших от веры во Христа по причине тяжести мучений». Четвертый — конь бледный со всадником, имя которому Смерть, означает проявление гнева Божия в отмщение за благочестивых и в наказание грешников — это различные бедствия последних времен, предсказанные Христом Спасителем.

Снятие пятой печати — молитва святых мучеников у престола Божия об ускорении кончины мира и наступлении Страшного суда. А снятие шестой печати символизирует те стихийные бедствия и ужасы, которые будут происходить на земле в последний период ее существования непосредственно перед кончиной мира, вторым пришествием Христовым и Страшным судом.

Когда же Агнец снял последнюю, седьмую печать, «сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса». Так бывает и в природе: наступлению бури часто предшествует глубокая тишина.

Это безмолвие на небесах означало сосредоточение благоговейного внимания предстоящих перед престолом Божиим Ангелов и человеков в ожидании страшных знамений гнева Божия перед кончиной века сего и явления Царства Христова.

И увидел Иоанн «семь Ангелов, которые стояли перед Богом; и дано им семь труб».

Раздаются трубные звуки одного за другим всех семи Ангелов, которые сопровождаются каждый раз великими бедствиями и казнями для земли и ее обитателей.

«Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела».

Под градом, падающим на землю, и «огнем, смешанным с кровью», многие толкователи понимали истребительную войну.

«И второй Ангел вострубил, и как бы боль-

шая гора, пылающая огнем, низверглась в море; третья часть моря сделалась кровью. И умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла».

Толкователи давали такую фантастическую разгадку этой картины: на дне одного из океанов откроется вулкан, и огненная его лава наполнит третью часть водных бассейнов земли, неся смерть всему живому. Другие полагали, что тут в аллегорической форме изображаются кровопролитные морские сражения с помощью новоизобретенных орудий убийств.

«И третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде Полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки».

Это предсказание понимали так: упадет на землю метеор и произведет отравление водных источников, которые станут ядовитыми. После Чернобыльской катастрофы тут же вспомнили про «звезду Полынь», так ярко «легло» это странное пророчество на радиоактивное бедствие.

«Четвертый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звезд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была, так как и ночи».

Считалось, что это самое легкое предсказание, потому что оно говорит о небесных затмениях, которые всегда наводили ужас на людей.

Сами по себе они были безвредными, но своей загадочностью словно пророчили страшные беды.

По трубному голосу пятого Ангела с неба упала звезда и «дан был ей ключ от кладезя бездны. Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя. И из дыма вышла саранча на землю...»

Этой саранче, подобной скорпионам, велено было мучить людей, которые не имели на себе печати Божией, пять месяцев. Описание чудовищной саранчи, с головой, напоминающей голову человека, но с львиными зубами, наводит некоторых толкователей на мысль, что это не что иное, как аллегорическое изображение человеческих страстей.

Другие находят сходство этой саранчи с аэропланами и бомбардировщиками. Ужасы, которым подвергнутся тогда люди, будут таковы, что они станут искать смерти, но не найдут ее: «пожелают умереть, но смерть убежит от них».

Прозвучала труба шестого Ангела — и Иоанн увидел нашествие неисчислимого чужеземного войска: «Всадники имели на себе брони огненные; головы у коней — как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера».

Под этим страшным конным войском разумели кровопролитную, беспощадную войну, такую, какой была не так давно пережитая людьми вторая мировая война. А в конях, изрыгающих дым и серу, легко угадывались танки...

Иоанн также замечает, что перед кончиной мира наступит всеобщее ожесточение и окаменен-

ное нечувствие людей, уцелевших от всех этих ужасов, но не покаявшихся в делах рук своих:

«И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем».

Удивительно, но в каждом, без исключения, поколении правдолюбцы и богоискатели обвиняют в этих грехах своих современников и доказывают, что более бесчувственных и ожесточившихся людей еще не рождала земля, что свидетельствует о близком конце света!

Перед последним, седьмым трубным звуком Иоанн видел «другого Ангела, сильного, сходящего с небес, облеченного облаком, над головой его была радуга и лицо сияло, как солнце, и ноги его были, как столпы огненные», стоявшие одна на море, другая на земле. Подняв руку свою, Ангел клялся живущим во веки веков, что «времени уже не будет, то есть прекратится обычное круговращение стихийного мира, и не будет времени, измеряемого солнцем, а наступит вечность».

Затем Иоанн по повелению голоса с неба подошел к Ангелу, и Ангел дал ему проглотить книжку, которую держал раскрытой в своей руке.

«И она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем». Это значит, что Иоанн принял пророческое дарование, как принимали его ветхозаветные пророки. И Ангел сказал ему:

«Тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах и языках и царях многих».

В следующей главе Апокалипсиса Иоанну

было открыто, что святой город Иерусалим отдадут язычникам на попрание на 42 месяца, или три с половиной года, «полседмицы». Числа семь и три с половиной — «полседмицы» считались мистическими и часто встречались в Ветхом Завете.

Попирание святого города, или Вселенской Церкви, в течение трех с половиной лет означает, что в пришествие антихриста верные будут гонимы сорок два месяца. Все это время «два свидетеля Божия» будут проповедовать людям покаяние и отвращать их от обольщения антихриста. Отцы церкви полагали, что эти два свидетеля — ветхозаветные праведники Енох и Илия, взятые на небо живыми. По окончании их проповеднической миссии «зверь, выходящий из бездны», то есть антихрист, убьет проповедников, а трупы их бросит на улицах великого города, где «Господь наш распят».

Именно в Иерусалиме антихрист обоснует свое царство и станет выдавать себя за предсказанного пророками Мессию. И обольщенные ложными чудесами антихриста неверные будут поклоняться ему и радоваться смерти пророков. Но недолго продолжится царство нечестивых.

Через три с половиной дня Бог оживит пророков и возьмет на небеса. При этом в наказание неверным произойдет великое землетрясение, разрушится десятая часть города и погибнет семь тысяч человек, а прочие, объятые страхом, воздадут славу Богу. Так будет нанесен решительный удар делу антихриста.

«Антихрист имеет власть лишь на короткое время»

Вострубил седьмой Ангел, и раздались на небе радостные восклицания:

«Царство мира соделалось Царством Господа нашего Иисуса Христа и будет царствовать во веки веков. И двадцать четыре старца, сидящие перед Богом на престолах своих, пали на лица свои и поклонились Богу».

Казалось бы, после страданий и бед верующие получили утешительную весть — приблизилось «время судить мертвых и дать возмездие рабам твоим», указан точный срок — три с половиной года нужно будет ждать и терпеть до конца света и второго пришествия Христа, который воздаст за все верным и отступникам.

Но далее следует не описание этого пришествия, а целый ряд новых видений и откровений:

«И явилось на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна и на главе ее венец из двенадцати звезд».

Самый знаменитый толкователь Апокалипсиса Андрей Кесарийский видел в этой таинственной жене «Церковь, облеченную в слово Отчее, сияющую паче солнца», а не Пресвятую Богородицу, как некоторые богословы.

Жена имела во чреве и родила она младенца мужеского пола, которому надлежало пасти все народы. Но тут появилось новое знамение на небе — «большой красный дракон с семью головами и десятью рогами». Дракон хотел сожрать

младенца, но «чадо восхищено было к Богу и престолу Его».

Так в аллегорической форме описывается рождение Церкви в муках и борьба между Церковью и Сатаною, представшим в образе дракона с семью головами. «Младенец мужеского пола» — это образ Иисуса Христа, который в день славного вознесения Своего был восхищен на небо и воссел на престоле Отца Своего одесную Его.

«А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога, чтобы питали ее там тысячу двести шестьдесят дней».

Бегство жены многие толковали, как бегство христиан из Иерусалима во время римско-иудейской войны 66—70 годов. Эта война действительно продолжалась тысячу двести шестьдесят дней, или три с половиной года. Но можно объяснить «бегство жены» иначе — как картину гонений первых христиан, скрывающихся от притеснителей в пустыне, пещерах и катакомбах.

«И рассвирепел дракон на жену и сотворил брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа».

В этих словах заключено пророчество о непрерывной и многовековой борьбе дьявола против истинных сынов Церкви, которую он будет вести до скончания мира, пока его усилия не истощатся в лице антихриста.

...Антихрист появляется в следующей, тринадцатой главе «Откровения». Видения Иоанна продолжаются. Он стоит на песке морском, когда из моря появляется чудовищный зверь, тоже с семью головами.

Под этим зверем многие толкователи увидели антихриста, выходящего из моря житейского, то есть рода людского. Это значит, что антихрист будет человеком, а не воплотившимся дьяволом, духом или демоном. Однако внешний вид его мало напоминал человеческий:

«Зверь был подобен барсу; ноги у него как у медведя, а пасть у него как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть».

Таким увидел Иоанн последнего врага Христовой Церкви. Постепенно, хотя и не сразу, он завоюет власть над всем миром. Для этого ему придется вести жестокие войны и не раз терпеть поражение, но все-таки антихрист воцарится над миром. Ему будут даны уста, говорящие гордо и богохульно. И власть его продолжится сорок два месяца или три с половиной года. А иначе, по слову Спасителя, не спаслась бы никакая плоть.

Несмотря на жестокость и силу антихриста, не все люди поклонятся ему. Поклонятся ему только те, чьи имена не вписаны в книгу жизни у Агнца. «Кто мечом убивает, тому самому быть убиту мечом», — говорит автор «Откровения». Значит, верные Христу должны утешиться тем, что антихриста все равно ожидает возмездие.

Антихрист будет не одинок, у него появится пособник, тоже зверь, но вышедший не из моря,

а из земли. Это значит, что его чувства будут иметь земной характер. Пособнику антихриста дана власть знамений и чудес, чтобы, предшествуя антихристу, приготовить ему погибельный путь.

Подражая Господу Иисусу Христу, он будет употреблять для утверждения антихриста две силы — силу слова и силу чудес. Но его богохульные речи станут плодить только безбожие и крайнее нечестие. Он умеет творить чудеса. Но его чудеса состоят только в ловкости, в обмане чувств и в пользовании естественными, но тайными силами природы с помощью дьявола, в пределах могущества дьявольских сил.

Всем обольщенным и поклонившимся антихристу будет наложено «начертание на правую руку или на чело», так же как в древности рабы носили выжженные знаки на лбу, а воины на руках.

Владычество антихриста будет таким деспотичным, что «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме тех, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его».

«Число зверя» и «человеческое число» — 666 разгадывали много веков подряд. Буквы еврейского, греческого и латинского алфавитов имеют числовое значение. Подставляя буквы вместо цифр, пытались прочесть антихристово имя. Сам Иоанн, которого отцы церкви и богословы называли тайновидцем, его не открыл, вероятно, благодать Божия не позволила, чтобы это пагубное имя было написано в Божественной книге.

Подставляя греческие буквы вместо чисел, толкователи выводили имя императора Нерона. Если латинские — выходило имя Папы Римского. Русские раскольники пытались «получить» число 666 из имени патриарха Никона. С помощью некоторых уловок в разные времена доказывали, что антихрист — это Наполеон, Петр Первый, потом — Ленин, Сталин и даже Горбачев.

Но может быть, предполагают ученые, в «Откровении» просто отразилась иудаистская мистика чисел. Иудаисты верили в то, что числа 3 и 7 святые. Поэтому число 777 было выражением святого святых. Если от каждой семерки отнять по единице, получается 666 — воплощение зла. Значит 666 — это воплощение самого антихриста, которого нельзя отождествлять ни с одним человеком.

Изобразив высшую ступень торжества дьявола через его слугу антихриста на земле, Иоанн обращает взор к небу. В этом видении ему предстает Церковь, чистая невеста Христова во время процветания империи зверя. Число избранников Божиих, входящих в эту Церковь, — 144 000, представленных образно в виде 12 колен Израилевых.

«Это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел». Под «девственниками» понимали тех, кто спасся от идолослужения и язычества, потому что идолослужение в Священном Писании называлось любодейством.

Вслед за тем на небе появились три парящие Ангела. Один из Ангелов говорил:

«Бойтесь Бога и не страшитесь антихриста, который не может погубить с телом и душ ваших, и противтесь ему с дерзновением, ибо близок суд и воздаяние, а он имеет власть лишь на короткое время».

Второй Ангел предвещал падение Вавилона, ставшего символом зла и нечестия в мире.

И третий Ангел возвещал громким голосом:

«Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое и на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией».

И в то же время услышал апостол Иоанн глас с небес:

«Отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе. Ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними».

Эти слова были бальзамом для душ тысяч первохристиан, терпящих страдания и гонения за веру. Они шли без страха даже на мученическую смерть, надеясь на скорое воскресение и на воздаяние за верность Христу.

Далее, взглянув на небо, Апостол Иоанн увидел сидящего на облаке Сына Божия в золотом венце и с серпом в руке. Ангелы возвестили Ему, что жатва готова и виноград уже созрел.

«И поверг сидящий на облаке серп Свой на землю, и земля была пожата».

Под этой жатвой надо разуметь кончину мира, когда потекут реки крови врагов Божиих.

«Основное содержание Апокалипсиса — воцарение Христа в мире»

После этого начинается заключительная часть Апокалипсиса, охватывающая восемь глав, с пятнадцатой по двадцать вторую.

Святой Иоанн увидел «стеклянное море, смешанное с огнем; и победившие зверя и образ его, и начертание его, и число имени его, стоят на этом стеклянном море», которое обозначает множество спасаемых. Море смешано с огнем, ведь огонь в Библии имеет два свойства: одно — опаляющее грешных, другое — просвещающее праведников.

В небе появились семь новых Ангелов. Один за другим они выливают на землю семь чаш гнева Божиего, и род человеческий постигают великие бедствия.

Когда первый Ангел вылил чашу, «сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертания зверя и поклоняющихся образу его».

Когда второй Ангел вылил свою чашу в море, вода в море сделалась как бы кровью мертвеца, и все одушевленное в море умерло.

Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод, и вода в них обратилась в кровь.

И четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце, солнцу дано было жечь людей сильным зноем.

Пятый Ангел вылил свою чашу на престол зверя; и сделалось царство его мрачно. Помрач-

невшее царство зверя означает постепенное падение его величия и славы.

Шестой Ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат, и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного. Карта древней Римской империи подскажет объяснение этого пророчества. Евфрат представлял собой как бы границу, оплот, препятствующий царям с войском идти на царство антихриста, то есть на Рим, для совершения суда Божиего.

После того как шестой Ангел вылил свою чашу гнева, из уст зверя вышли три нечистых духа, наподобие жаб. Эти духи бесовские собирали все силы зла на войну против сил добра «на место, называемое по-еврейски Армагеддон». «Гора Мегеддо» — местность в Палестине, упоминаемая в Священном Писании. В древности там произошли многие сражения.

Эти несколько строк из «Откровения» толкуют уже много веков подряд, ожидая со дня на день Армагеддон — битву Бога с сатаной, после которой погибнет все человечество, кроме все претерпевших и верных Создателю.

После явления трех нечистых духов выступил седьмой Ангел и «вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос: свершилось! И произошли молнии, громы и голоса и сделалось великое землетрясение, какого не было с тех пор как люди на земле».

От этого землетрясения распался «город великий на три части и города языческие пали», что означает окончательное поражение царства зверя.

Один из семи Ангелов сообщает Иоанну, что

уже решена участь Вавилона — «великой блудницы, восседающей на звере багряном» с семью головами. Первохристиане отождествляли Рим с Вавилоном, ставшим символом зла и беззакония. А современные толкователи полагают, что Вавилон действительно будет столицей антихриста, огромным городом, отличающимся богатством и крайней развращенностью нравов. Гибель его произойдет внезапно и стремительно, «в один час»:

«Горе, горе тебе, великий город, одетый в виссон и порфиру и багряницу, украшенный золотом и камнями драгоценными и жемчугом! Ибо в один час погибло такое богатство!»

После гибели Вавилона — «великой блудницы» — Иоанн живописует великое ликование на небесах, среди сонма святых и ангелов по поводу разрушения царства антихриста и наступления Царства Христова. Царство Христово изображается как «брак Агнца», и все праведники принимают участие в «брачной вечери Агнца».

Затем появляется Сам Божественный Жених — Господь Иисус Христос, восседающий на белом коне. За ним следовало небесное воинство также на белых конях. Вид Его величествен и грозен:

«Очи у Него как пламень огненный... Он был облечен в одежду, обагренную кровью... Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным». Он является как царь со множеством диадем на голове, что обозначает Его власть на небе и на земле.

И увидел Иоанн «зверя и царей земных и

воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством Его. И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса перед ним, которыми он обольстил принявших начертания зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою. А прочие убиты мечом Сидящего на коне».

Когда зверь был низвержен, с неба спустился Ангел с ключами от бездны и с большой цепью в руках. Он схватил «змея древнего, который есть дьявол и сатана», сковал его на тысячу лет и низверг его в бездну и запер на ключ. Но через тысячу лет сатане предстоит освобождение на недолгое время.

Итак, земля освободилась от сатаны на тысячу лет и наступило тысячелетнее царство Христово. Число 1000 означает вообще длительный период времени до второго пришествия Христова.

Тысячелетнему царствию предшествует Страшный суд. Перед сидящими на престолах, которым дано было судить, предстали души обезглавленных за свидетельство Иисуса. Они воскресли и будут царствовать с Христом тысячу лет. Это первое воскресение только для избранных.

Первые шесть стихов двадцатой главы «Откровения» послужили поводом к возникновению учения о «тысячелетнем царстве Христовом на земле», названного «хилиазмом». Сущность этого учения такова: незадолго до кончины мира Христос Спаситель снова придет на землю, по-

разит антихриста, воскресит одних праведников и устроит новое царство на земле, в котором праведники, в награду за свои подвиги и страдания, будут царствовать вместе с ним тысячу лет, наслаждаясь всеми благами временной жизни. Затем последует второе, всеобщее воскресение мертвых, всеобщий суд и всеобщее возмездие.

«Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их, как песок морской».

Эти слова означают, что перед кончиной мира появится антихрист. Освобожденный сатана будет стараться в лице антихриста прельстить все народы земли и подвигнет на брань против христианской церкви Гога и Магога.

Гогой и Магогой некоторые считали отдаленные народы, например, скифов или гуннов. Но в переводе с еврейского эти два слова означают «собрание народов». Значит «Гога и Магога» всего лишь метафора, обозначающая свирепые орды антихриста, которые он поведет против Церкви Христовой.

«И ниспал огнь с неба от Бога и пожрал их. А дьявол, прельщавший их, ввержен в озеро, огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков».

За окончательной победой над дьяволом последует всеобщее воскресение мертвых и Страшный суд. Иоанну дано было увидеть «великий белый престол и Сидящего на нем» — вершащего суд над человеческим родом.

«И видел я мертвых, малых и великих, стоящих перед Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни... И судим был каждый по делам своим».

«Раскрытые книги» означают деяния и совесть каждого», — говорил Андрей Кесарийский. А также они символизируют всеведение Божие, которому известны все дела людей.

Одна из раскрытых книг — «книга жизни», в которой написаны имена святых. Почему только одна «книга жизни»? Потому что мало избранников Божиих.

«И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное».

Под «огненным озером» надо понимать вечное осуждение грешников, имена которых не попали в книгу жизни. А для спасенных смерть и ад перестанут существовать, так что им не нужно будет больше страшиться смерти и ада.

В двадцатой главе Апокалипсиса Иоанн действительно предвещает «тысячелетнее царствие Христово», два суда Божиих и два воскресения мертвых. Тем не менее учение о хилиазме не было принято православным христианством и считалось ложным по следующим причинам:

«Нет необходимости считать сие тысячелетие за точное число лет», — объяснял Андрей Кесарийский.

Другие толкователи это тысячелетие исчисляли за три с половиной года, прошедшие от крещения Христова до Его вознесения на Небо. Третьи говорили, что через шесть тысяч лет будет первое воскресение умерших святых.

По учению хилиастов, будет первое и второе воскресение мертвых — за тысячу лет до кончины мира, когда воскреснут одни праведники, и перед самой кончиной мира, когда воскреснут и грешники. Но Спаситель ясно говорил лишь об одном всеобщем воскресении. Его слова запечатлел и Иоанн Богослов в своем Евангелии:

«Воля пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день» (Ин., VI).

В Евангелиях говорится только о двух пришествиях Христа в мир: первом — искупительном, когда Он был распят на кресте за грехи людей, воскрес и вознесся к Отцу; и втором — когда Он придет судить живых и мертвых. Хилиазм предполагает еще одно — третье пришествие Христа за тысячу лет до кончины мира, каковово не знает Слово Божие.

Архиепископ Аверкий в своем толковании «Откровения» не раз предостерегал верующих от буквального понимания этой таинственной книги, которое и привело к хилиазму. Апокалипсис можно толковать только вместе с другими книгами Священного Писания. А наиболее темные и недоуменные места правильно понимать иносказательно, аллегорически.

«И увидел я новое небо и новую землю... И я, Иоанн, увидел святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба...»

«Новый Иерусалим» — это образ торжествующей Церкви Христовой после пришествия

Христова и победы над дьяволом. И войдут в него только те, которые записаны у Агнца в книге жизни, те, кто остался верен Христу. И Сам Бог будет обитать с ними в этом чудном городе, и будут они народом Его.

«И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прошлое прошло».

Такой увидел Иоанн блаженную и вечную жизнь праведников с Богом в небесном Иерусалиме. Эта жизнь совсем не похожа на земную, потому что в ней нет скорбей и бед. А боязливых и неверных чародеев и идолослужителей ожидает «огненное озеро» и «вторая смерть», под которой понимали вечное осуждение грешников.

Очень подробно описал Иоанн этот град святой и великий, сошедший с неба от Бога, его двенадцать ворот с именами двенадцати колен Израилевых и двенадцать оснований с именами двенадцати апостолов. Высокие стены окружают город в знак того, что в него не может войти ни один недостойный. Стена построена из ясписа, символизирующего собой Божественную славу. Сам город «из чистого золота, подобен чистому стеклу» в знак светлости обитателей его.

Весь небесный Иерусалим и стены его блистают драгоценными камнями, каждый из которых обозначает одного из апостолов, евангелистов или святых. Зеленоватый яспис — апостола Петра, смарагд — апостола и евангелиста Иоанна Богослова, сардоникс — Иакова, лазурный сапфир — Павла и прочее.

Жизнь обитателей этого чудесного города

тоже необычна. В нем нет видимого храма, потому что «Господь Бог вседержитель — храм ему и Агнец». Город не нуждается ни в каком освещении, ни в солнце, ни в луне, ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец. Ворота города не запираются днем, а ночи там не бывает.

Как наяву узрел апостол Иоанн этот небесный город, которому суждено возникнуть в будущем. Это видение тайновидца дало повод толкователям сравнить небесную Церковь с земной, далекой от совершенства. Ведь в земной Церкви добро уживается со злом, вместе с пшеницей растут плевелы. А небесная Церковь соберет со всей земли, из всех проживших поколений только безупречных, святых и чистых людей.

Прекрасный город своей юности Иерусалим Иоанн помнил всегда. В видениях он осыпал Небесный Иерусалим драгоценными каменьями и жемчугом и наделил символическими «рекой жизни» и «древом жизни», которые еще полнее живописуют блаженство избранных жителей.

От престола Бога и Агнца будет непрерывно истекать «светлая, как кристалл, чистая река воды жизни», означающая благодать Животворящего духа.

А «древо жизни», которое будет украшать Небесный Иерусалим, напоминает нам древо из земного рая, росшее там до грехопадения родителей. Это чудесное древо может плодоносить двенадцать раз в году, а его целебные листья исцеляют народы. Толкователи полагали, что «древо жизни» знаменует Христа.

В заключительных стихах «Откровения»

Иоанн удостоверяет истинность и верность всего сказанного и напоминает о близости исполнения всего, что было ему явлено, а также о близости второго пришествия Христова.

«Се гряду скоро!» Эти слова, по толкованию святого Андрея Кесарийского, означают или кратковременность настоящей жизни в сравнении с будущей, или же внезапность и быстроту кончины каждого человека.

Интерпретации Апокалипсиса

Первые читатели «Откровения» — жители греческих городов Малой Азии и Иудеи, понимавшие по-гречески, не разгадывали и не толковали содержание этой книги, они его хорошо понимали. Таинственные и чудесные образы Апокалипсиса были для них прозрачны и ясны.

Во-первых, потому, что почти все они были навеяны Ветхим Заветом, который прекрасно знал Иоанн Богослов еще с детских лет. Хорошо знали эту книгу все жители Палестины, даже слуги и рабы, потому что Завет толковали в синагогах и читали в каждом доме ежедневно.

Но даже не знающий Завета малограмотный современник Иоанна с огромным интересом слушал чтение его книги, потому что в ней говорилось о нынешних временах и о том, чему надлежит быть вскоре. Для этих читателей и слушателей Апокалипсиса «жена, облеченная в солнце и увенчанная двенадцатью звездами», была, без

сомнений, народом Израиля с его двенадцатью коленами. А дракон с семью головами олицетворял Римскую империю, его красный цвет — императорскую мантию, а семь голов дракона — семь императоров, правивших до появления Апокалипсиса, — Юлия Цезаря, Августа, Тиберия, Калигулу, Клавдия, Нерона, Гальбу.

Зверь с семью головами, вышедший из моря, — еще один символ Римской империи. Как известно, Рим стоит на семи холмах. Конечно, сам Иоанн и первые христиане не сомневались в том, что одна из голов дракона сначала получила смертельную рану, а потом исцелилась. Это Нерон, который покончил с собой, когда против него восстали его вассалы, а потом прошел слух, что он жив.

Историки уверяют, что для современников Иоанна не составляло труда разгадать загадку: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочтет число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть». У многих древних народов числа обозначались буквами алфавита. Если подставить буквы над числом 666, то получатся слова «Нерон кесарь». Впрочем, позднее это объяснение не раз оспаривалось, и современные ученые считают, что «число зверя» так и не разгадано.

И под Вавилоном, ставшим символом насилия и бесчестия, и под «великою блудницею», восседающей на звере багряном с семью головами, тоже разумели Рим. И многие подробности, не разгаданные в более поздние времена, для современников Иоанна были ясны.

Прошло несколько веков. Страшные знамения Апокалипсиса — войны и землетрясения, нашествия саранчи и голодные годы повторялись с завидной регулярностью, каждый раз подтверждая истинность пророчества Иоанна. Но многие исторические реалии первого тысячелетия стали забываться. Читатели и слушатели Апокалипсиса уже не ПОМНИЛИ, а ТОЛКОВАЛИ, разгадывали, объясняли образы и пророчества бессмертной книги.

Христианство стало господствующей религией и утвердилось не только в Риме. И в «Откровении» Иоанна Богослова начали усматривать исторические картины зарождения христианства и борьбы его с ересями и гонениями. Под «женой, облеченной в солнце», богословы уже разумели или Пресвятую Богородицу, или Церковь Христову. Из «числа зверя» — 666 — выводили уже не императора Нерона, а целую вереницу «злодеев» от Римского Папы до Иосифа Сталина.

Можно только удивляться, что книга, написанная когда-то на злобу дня, спустя много веков продолжает привлекать к себе умы людей, верующих и далеких от религии. Одно из объяснений — общая предрасположенность рода человеческого к ворожбе, гаданиям и предсказаниям. Люди страстно желают знать, что с ними будет в далеком и ближайшем будущем.

Таинственные и затемненные картины Апокалипсиса остаются богатой почвой, на которой и в наше время произрастают самые фантастические и невероятные интерпретации и видения. Как из-

вестно, интерпретации чаще поддаются художественные произведения. Многие и воспринимают «Откровение» как чистую поэзию, которая воодушевляла художников, писателей и поэтов. Эстетические достоинства этой пророческой книги неоспоримы.

Давно признано, что это лучшее произведение апокалипсической литературы. Литература эта была довольно обширна, но нынче ее изучают только глубокие специалисты, а «Откровение» Иоанна Богослова стало классикой и вышло далеко за пределы религиозного и богословского жанра.

«Как художественно здесь создано целое! Какой мастер он в искусстве образования отдельных слов, мощных призывов и кличей! Несравненно нежны и красивы все те образы, в которых ясновидец изображает будущий мир», — говорил об «Откровении» В. Буссе.

О символике, аллегориях и притчах Апокалипсиса написано немало статей, монографий и диссертаций.

Примерно с семнадцатого века в Европе и в России наблюдался новый всплеск интереса к Апокалипсису, что в общем-то понятно: войнам, смутам, природным катастрофам не было конца. Вместе с литературными интерпретациями «Откровения» появились и научные, и наукообразные. Замысловатая образность и необузданная фантастика произведения Иоанна порождали столь же буйные вымыслы интерпретаторов.

Одной из главных тем «Откровения» является описание чудовищной мировой катастрофы,

которая разразится перед приходом Царства Божия. Эта «комплексная» катастрофа включает в себя войны и землетрясения, нашествия саранчи и потопы и другие бедствия.

Современные исследователи разделяют интерпретаторов и интерпретации Апокалипсиса на несколько типов. Эмпирические, или конкретно-фактические, интерпретаторы *привязывали* пророчества и видения Иоанна к определенному историческому событию и указывали точное время и место.

Эмпирики заметно упрощали апокалипсическую картину светопреставления, отождествляя ее с обычными земными катастрофами — эпидемиями, стихийными бедствиями, войнами и революциями. Например, с революцией во Франции 1848 года, с гражданской войной в США, наполеоновскими войнами, первой мировой войной.

Второй тип интерпретации условно называют теоретическо-богословской. Интерпретаторы-теоретики рассматривают «Откровение» как часть Библии и даже шире — христианской литературы. Если эмпирики и просто верующие склонны в каждой конкретной катастрофе видеть приближение конца света, то теоретики благоразумно полагают, что все еще впереди.

Существовала и третья точка зрения, по-видимому, самая логичная и разумная. Суть ее в том, что светопреставления и бедствия продолжались на всем протяжении истории христианства. Они были, есть и будут.

Одним из первых примеров научной интерпретации «Откровения» стала книга Барнета

«Священная теория земли», вышедшая в 1680 году. В ней автор дал свое представление о будущей апокалипсической катастрофе. Он с увлечением описал извержение вулканов, падение метеоритов и молний, возгорание серы и смоляных озер. Но все эти картины до поры до времени выглядели вполне естественно, пока автор не дал волю своему воображению. Уму простого обывателя нелегко было понять, что такое «сжижение и разжижение земных веществ», которое описывал ученый.

С развитием науки интерпретации Апокалипсиса приобретали все более изощренный характер. Например, ньютонианцы изображали светопреставление в соответствии с законами физики. Уинстон в книге «Новая теория физики» предсказывал, как вблизи земли пройдет комета, которая высушит моря и океаны, погибнет все живое — и настанет конец света.

Новая страница в научной интерпретации Апокалипсиса была открыта с появлением оружия массового поражения, угрозой экологических катастроф и все более активным использованием атомной энергии в мирных и немирных целях.

Апокалипсис и термоядерная война

В ряде работ, посвященных этой проблеме, исследовательница Г. Никитина замечает: «Атомные войны и экологические катастрофы вполне соизмеримы по масштабам с тем, что описывает Иоанн Богослов».

Настроение первохристиан можно назвать радостно-эсхатологическим и оптимистичным. Они ожидали конца мира без страха, потому что погибнуть в катастрофе должны были только неверные. Верным было обещано обретение новой жизни в Царстве божием.

Для современных читателей «Откровение» — пессимистическая книга. Если разразится атомная война — погибнут все, верные и неверные, земля превратится в бесплодную пустыню.

Первохристиане свято верили, что светопреставление произойдет не по воле людей или каким-либо другим причинам, а только по воле Божией. Да, конечно, войны часто начинались по вине царей или политиков. В революциях тоже проявлялась злая человеческая воля. Но и тогда Церковь объясняла своим чадам, что войны посылаются Господом для искупления первородного греха.

Сегодня не только рядовые верующие, но и богословы признают, что творцами потенциальных катастроф — экологических и военных — могут быть только сами люди. «Конец истории, о котором мы вынуждены думать в конце двадцатого столетия — гибель в ядерном всесожжении, — прежде всего должен рассматриваться не как Божье деяние, но как наше... Если эта катастрофа произойдет, то полностью ответственными за нее будем мы, люди», — говорил профессор богословия из Гарварда Кауфман.

Так возникла новая богословская проблема. Одни служители Церкви и рядовые верующие

полагают, что необходимо активно бороться за предотвращение новой мировой войны и экологических катастроф. Сторонники непротивления воле Божией их осуждают.

«Непротивленцы» полагают, что только неверные, предающие все догматы христианства, могут бояться атомного оружия больше, чем гибели души.

«Само исчезновение народа, при сохранении его верности Богу, уже заключает в себе определенный смысл. Мироздание не вечно, ответственность за его сохранение не лежит на человеке. Бог может создать такую ситуацию, в которой мы, без оглядки на эту опасность, должны проявить свою верность Ему», — учил свою паству священник, профессор богословия Гундлах. Учил без страха, с чувством светлой надежды дожидаться конца мира и предшествующих ему катастроф, если на то будет воля Божия.

Теоретические интерпретации не ограничиваются только двумя этими направлениями — активной борьбой против грозящей ядерной катастрофы и «непротивлением». Часть христиан верили и продолжают верить, что конец света и светопреставление наступят только по воле Божией.

Ведь материалисты и марксисты все прежние катастрофы — войны, революции, засухи и потопы — считали результатом действия исторических и природных сил. А верующие видели в них только Промысл Божий. И продолжают верить в то, что все будущие катастрофы — тер-

моядерные и космические — произойдут исключительно по Его воле.

Появляются новые теоретические интерпретации «Откровения». Одна из них заключается в том, что Апокалипсис содержит в себе не предвидение того, что должно произойти, а предупреждение людям, описание того, что произойдет, если они не покаются и не станут на праведный путь.

«Апокалипсис — это не античный рок, это не неизбежность, — писал один из сторонников этой идеи, Г. Померанц. — А предостережение, указание на грозную опасность, которую можно избежать, если достигнуть духовного и нравственного сдвига. Здесь есть аналогия с пророчеством Ионы, грозившего Ниневии, что она будет испепелена. Но жители покаялись, и Бог простил их. Такое видение, как у Иоанна Богослова, означает: «Вам должно преобразиться, иначе все рухнет». Здравый смысл возражает: «Не могут же все люди преобразиться, так не бывает». Однако и не обязательно, чтобы преобразились все. Под влиянием проповеди Иоанна Богослова и других апостолов толчок преображения испытало относительно небольшое число людей, но этого оказалось достаточно, чтобы влить новый дух в Римскую империю. После этого ее восточная часть просуществовала еще полторы тысячи лет, а западная рухнула физически, но не духовно. Духовно — как католическая церковь — она выстояла и подчинила этому духу варварские племена».

В современном восприятии Апокалипсиса

преобладает, конечно, пессимистический дух. Но сохранились и неистребимые оптимисты. Они верят, что «Откровение» вещает о конечном преображении мира, об истреблении зла и смерти и о торжестве любви и жизни!

Когда настанет конец света

Почти две тысячи лет назад Иоанн Богослов написал свое «Откровение» и в аллегорической, весьма затемненной форме предсказал гибель сил зла и торжество Церкви Христовой. Но многие верующие, не воспринимающие иносказаний, слишком буквально понимали и понимают пророчества Иоанна. И со дня на день ждут наступления конца света. Тем более что тайновидец указал точные сроки — сорок два месяца, 1260 дней, 666, тысячу лет. Сколько раз уже — складывая, вычитая, манипулируя этими числами, «знающие» люди пытались вычислить точный год наступления конца света!

Одни отталкивались от общепринятого года рождения Христа, другие — от года Его распятия и вознесения. Когда-то провозгласили, что конец света наступит в 1000 году, затем — в 1033, в 1260 и так далее.

Как ожидали люди это великое событие? Молились, приводили в порядок свои земные дела или окончательно забрасывали их и уходили в монастыри. Праведники, кто таковыми себя считал, радовались, что покинут, наконец, земную юдоль и увидят небесный Иерусалим. А грешни-

ки с трепетом поджидали Страшный суд и справедливое возмездие.

Но время шло, катастрофы и войны следовали одна за другой, а конец света так и не наступил. Люди устали ждать. Историки отмечают всплески и затухания апокалипсических настроений и ожиданий. Это естественно. Но всякий раз крупные исторические потрясения обостряли это апокалипсическое чувство жизни. И люди снова начинали вчитываться в «Откровение» Иоанна Богослова и подсчитывать — не пришло ли время?

Исторические потрясения никогда не обходили Россию стороной. Было их предостаточно и в семнадцатом веке — раскол в Православной церкви, жестокие неурожаи и голодные годы, эпидемии моровой язвы, появление на небе хвостатой кометы. В результате всех этих событий «Откровение» Иоанна Богослова стало очень популярной книгой в России, особенно среди раскольников.

Протопоп Аввакум «вычислил» по «Откровению», что конец света настанет в 1666 году. Очевидно, он просто сложил «число зверя» и 1000 лет до освобождения сатаны из бездны. Старообрядцы были людьми фанатичными и очень истовыми. Они со всей серьезностью отнеслись к предсказанию мятежного протопопа. Одни уходили в леса или бежали в глухие места Севера, Сибири и Поволжья. Другие не только горячо молились день и ночь в ожидании заветного дня, но и «запощевались», переставали принимать пищу и умирали от голода.

Самосожжения приняли массовый характер.

В последние десятилетия семнадцатого века только официальная статистика зарегистрировала тридцать семь самосожжений, в которых погибло более двадцати тысяч человек. Те же сторонники Аввакума, которые не захотели таким способом уйти из жизни, а решили дождаться конца света и погибнуть вместе со всеми, заказывали себе гробы и заранее совершали друг над другом отпевание.

В 1666 году конец света так и не наступил. Тогда его приход перенесли на 1699 год, объяснив, что в расчеты вкралась ошибка. Аввакум до самой своей мученической смерти продолжал проповедовать приход антихриста и наступление конца света. Его последователи увидели антихриста в Петре I.

Интерес к «Откровению» в России никогда не ослабевал, но все же центр апокалипсических ожиданий конца света переместился в начале девятнадцатого века в Америку. Проповедник Вильям Миллер, якобы очень глубоко погрузившись в текст Библии, открыл, что именно 21 марта 1843 года произойдет второе пришествие Христа и настанет Царство Божие. Как и у всякого пророка, наделенного даром слова и убеждения, у Миллера было немало последователей. 21 марта под его предводительством сотни людей собрались на большом поле за городом, чтобы там встретить конец света. Они ожидали трубного гласа и пришествия Иисуса Христа...

Но не дождались. Миллер объяснил разочарованной пастве, что немного ошибся и перенес заветный день на 22 октября того же года. Затем

он еще два раза переносил пришествие конца света. Несмотря на то что пророчества Миллера так и не сбылись, он стал основоположником секты адвентистов (от латинского «адвентус» — пришествие). Адвентисты распространились по всему миру и до сих пор ждут второго пришествия.

В наши дни представители некоторых других христианских общин (кроме адвентистов) — свидетели Иеговы, пятидесятники — говорят о близком Армагеддоне, священной войне добра и зла, Бога против сатаны. Этим Армагеддоном, конечно, должна стать термоядерная война, в пламени которой погибнет все человечество, кроме свидетелей Иеговы и немногих верных Богу.

Армагеддон назначался главами этих общин, якобы получающих откровения от самого Бога, на 1914 год, потом на 1925 и 1943. Пророчества не сбывались. Но каждый раз пастыри объясняли своей пастве, что «Господь скрывает свои предначертания, но им нужно ждать и готовиться, ибо конец света может наступить в любой день».

В последний раз самая «точная дата» была назначена на 1975 год. Почему именно 1975? Идеологи Центра свидетелей Иеговы, который располагается в Бруклине, одном из районов Нью-Йорка, подсчитали, что в этом году истекли шесть тысяч лет истории человечества, «а седьмая тысяча лет — это Царство Божие, которое начнется сразу же, без промедления после 6000-летнего периода господства дьявола».

Очевидцы еще помнят, как рядовые члены общины, поверив «бруклинским пророкам», не стали по весне засевать поля и огороды, пригото-

вились встречать конец света... С тех пор минуло более тридцати лет, разочарование забылось, и снова стали слышны разговоры об Армагеддоне.

По опросу, проведенному среди верующих, стало ясно, что только небольшая их часть верит в то, что конец света может наступить в последние годы уходящего века. Остальные считают, что напоминанием о Страшном суде и Царстве Божием лидеры общин просто пытаются подогревать угасающую веру. Почти половина опрошенных ответили, что никому не известно, когда это будет. И ссылались на Евангелие от Марка, где говорится, что этот срок скрыт даже от Христа. Значит, каждый, кто пытается его вычислить, идет против воли Божией.

«...Когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко, при дверях... О дне же том или часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец. Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время» (Мк., XIII).

Апокалипсис в России

Многих художников, философов, писателей и поэтов всех времен и народов вдохновляло «Откровение» Иоанна Богослова. Творчество Данте, Мильтона, Босха и Эль Греко, немецких и английских романтиков восемнадцатого века, позднее — Джойса и Кафки, Маркеса и Умберто Эко пронизано апокалипсическими и эсхатологическими мотивами.

Но ни в одной культуре Апокалипсис не сыграл такой роли, как в русской, с ее особым пристрастием к запредельным вопросам бытия. Истоки этого влечения лежат еще в древнерусской литературе. Позднее, то усиливаясь, то ослабевая, интерес к Апокалипсису тянется через всю историю развития русской общественной мысли. Впервые в отечественной оригинальной письменности вопрос о конце света был затронут в «Слове о небесных силах, ради чего создан бысть человек», которое приписывалось Кириллу Туровскому или Аврамию Смоленскому. В своих житиях Епифаний Премудрый говорил, что Сергий Радонежский и Стефан Пермский не случайно воссияли в русской земле именно в конце четырнадцатого века, то есть на исходе седьмой тысячи лет. Об этом же шла речь и в «Сказании об окончании седьмой тысячи» Игнатия Волоцкого и «Лаодикийском послании» Федора Курицына.

Апокалипсис стал духовной основой такого мощного движения внутри русской церкви, как старообрядчество, а также некоторых мистических сект.

В творчестве Пушкина, Гоголя, Достоевского и других писателей девятнадцатого века звучали апокалипсические мотивы. Но подлинным властителем дум Апокалипсис стал в нашей стране в начале двадцатого века.

Появилось целое направление в русской культуре, получившее название «апокалипсическое христианство». Блестящие русские мыслители Владимир Соловьев, Николай Федоров, Нико-

лай Бердяев, Сергий Булгаков, Василий Розанов и Даниил Андреев обращались к «Откровению» Иоанна Богослова; в литературе — Андрей Белый, Александр Блок, Дмитрий Мережковский, Вячеслав Иванов, позднее, в советское время, — Андрей Платонов, Михаил Булгаков, Борис Пастернак.

Вот как «прочел» Апокалипсис Даниил Андреев:

«Интересно отметить, что в русском языке слово «откровение», в буквальном смысле равнозначное греческому «апокалипсис», не помешало, однако, этому последнему прочно обосноваться на русской почве. При этом за каждым из двух слов закрепился особый оттенок смысла. Значение слова «откровение» более общё... Апокалипсис же — только один из видов откровения: откровение не областей универсальной гармонии, не сферы абсолютной полноты, даже не круга звездных или иных космических иерархий; это — откровение о судьбах народов, царств, церквей, культур, человечества и о тех иерархиях, кои в этих судьбах проявляют себя действенно и непосредственно; откровение метаистории.

Апокалипсис не так универсален, как откровение вселенское, он иерархически ниже, он — о более частном, о расположенном ближе к нам. Но именно вследствие этого он отвечает на жгучие вопросы судьбы, брошенной в горило исторических катаклизмов. Он заполняет разрыв между постижением универсальной гармонии и диссонансами исторического и личного бытия».

Даниил Андреев отметил «врожденную ирра-

циональную тягу к апокалипсической форме познания», к метаистории в духовных и творческих биографиях светских православных писателей и мыслителей: Гоголя, Хомякова, Леонтьева, Достоевского, Владимира Соловьева, Сергия Булгакова.

«Разве мыслимо было бы самосожжение раскольников, если бы ледяной ветер эсхатологического, метаисторического ужаса не остудил в них всякую привязанность к миру сему, уже подпавшему, как им казалось, под власть антихриста?

В общем объеме как западной, так и русской культуры подспудный слой апокалипсических переживаний можно обнаружить в неисчислимом количестве явлений, даже чуждых ему на первый взгляд».

Мнение оригинального мыслителя В. Розанова тоже находило отклик у русской интеллигенции тогдашнего, предреволюционного времени, настроенной атеистически и «антихристиански»:

«Вот Апокалипсис... — писал В. Розанов. — Таинственная книга, от которой обжигается язык, когда читаешь ее, не умеет сердце дышать... Он открывается с первых же строк судом над церквами Христовыми... Никакого нет сомнения, что Апокалипсис — не христианская, а противохристианская книга... Это книга ревущая, стонущая!»

«Откровение» Иоанна Богослова изучают много веков подряд — с филологической, исторической, религиозной, эсхатологической точек зрения. Казалось бы, изучено каждое слово, каж-

дая буква и запятая. Но протоиерей Сергий Булгаков сумел внести свою лепту в толкование этой «единственной в своем роде книги».

Сергия Булгакова притягивало творчество Иоанна Богослова, и не только Апокалипсис. Он оставил подробное богословское истолкование четвертого Евангелия. Его работа «Апокалипстика и социализм» — это попытка писателя понять выпавшее на его долю время в свете «Откровения» и пророчеств Иоанна.

Сергий Булгаков, как и Даниил Андреев, «искал ответов на жгучие вопросы судьбы, брошенной в горнило исторических катаклизмов». Им обоим суждена была такая судьба.

В молодости Сергий Булгаков, испытав «кризис веры», ушел из духовной семинарии, увлекся марксизмом и посвятил себя изучению политэкономии. Уже в зрелые годы он вернулся к церковно-православному миросозерцанию, в 1918 году принял священнический сан, а в 1922-м вместе с другими видными философами, общественными деятелями и писателями был выслан из России по особому распоряжению Ленина.

Незадолго до смерти, будучи неизлечимо и тяжело больным, протоиерей Сергий читал лекции по Апокалипсису студентам Православного Богословского института в Париже. Студенты уговаривали его сделать из лекций книгу. Эта книга стала последней работой Сергия Булгакова. Неожиданно для себя он очень увлекся ею. По его собственному признанию, книга выросла до значения если не четвертого тома его трилогии, то во всяком случае ее эпилога...

«Наша эпоха с ее потрясающими событиями как бы по-новому открывает для нас эту небесную книгу. Нас так встряхнула и встряхивает история, что у нас является апокалипсическое чувство жизни и истории», — писал Булгаков о себе и о людях своего поколения, переживших в России две войны, революцию, эмиграцию, а потом сталинский террор.

«Апокалипсис Иоанна» Сергия Булгакова тем и интересен, что это не только исследование богослова, ученого, но и прочтение очевидца катастрофических событий, участника «светопреставления», носителя «апокалипсического чувства жизни и истории».

Протоиерей Сергий анализирует «изнутри» это апокалипсическое восприятие. Оно включает в себя «глубокий трагизм истории, безнадежный пессимизм относительно настоящего и тем сильнее ожидание исторического чуда». Он имеет в виду, конечно, чувство жизни верующего человека. Поэтому в этом чувстве соединяются трагизм с религиозным идеализмом, верой в могущество и справедливость Божию.

Булгаков — богослов и философ увидел Апокалипсис как целое и, толкуя его содержание, делал по ходу интересные наблюдения о художественном мире книги. Особенный характер этого мира по предмету и стилю делает «Откровение» Иоанна единственным в своем роде произведением, полагал Сергий Булгаков, хотя и утомительным по нагромождению образов и мистической сгущенности содержания. Однако эта особенная

трудность более чем искупается всей возвышенностью и напряженностью его вдохновения.

Не недостатками, а особенностями этой «единственной» книги Сергий Булгаков считал «уродливую чувственность представлений», необузданную фантастику, доходящую порой до бреда (в трубах и чашах), спорность, непонятность и неразгаданность некоторых символов.

Отдельные символы таинственны особенно для современного читателя, но религиозные идеи «Откровения» прозрачны и ясны. Как Слово Божие Апокалипсис дан не для своего века только, но и для всех веков, для всех эпох истории.

Читатель, сетующий на непонятность, должен помнить, что «Апокалипсис — это повествование о другом мире и также из другого мира». То, что символизирует «Откровение», «совершается в мире душ, духов и духовных сил». И эти символы долгие века накладывали на войны, революции, реформации, экономические перевороты. Естественно, перевод с языка духовных и духовно-телесных явлений на язык земных образов неизбежно сопровождается большими трудностями и неточностями, кладет печать таинственности и загадочности.

Как и другие толкователи, Сергий Булгаков предостерегал: «Символы Апокалипсиса нельзя применять к историческим событиям, это не путеводитель по истории». Прежде всего потому, что книга написана не только о прошлых временах и о нашем времени, которое мы пытаемся объяснить «Откровением». Она написана для всех времен, которые еще не закончились и про-

должаются. В этом косвенное оправдание и для нашей ограниченности в его понимании, и в его относительности.

Действительно, читатели Апокалипсиса постоянно забывали, что Иоанн повествует не только о прошлом и настоящем, но и о будущем, которое еще не наступило. В этом смысле «Откровение» открывается и будет еще открываться в истории, которая является историческим к нему комментарием.

Протоиерей Сергий, будучи человеком апокалипсической эпохи, все же приводит нас, читателей, к оптимистическому восприятию Апокалипсиса. Вот что он завещал:

«Основная же и единственная тема Апокалипсиса, как и его пророческая проповедь, состоит в том, чтобы мужественно и до конца *претерпеть историю*, ибо она и есть воцарение Христа Царя, путь к Царству Христову, совершившееся на кресте и совершающееся в крестных путях мира».

Содержание

Литературно-художественное издание

Нина Ильина

ИОАНН БОГОСЛОВ

Редактор *Л. К. Лузгина*
Художественный редактор *О. Н. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *Ю. Ю. Миронова*
Технический редактор *Н. В. Сидорова*
Корректор *Е. П. Новикова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.12.98. Формат 84×108[1]/32. Печать высокая с ФПФ. Бумага типографская. Усл. печ. л. 10,92. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2572.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77. ЦС. 01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

«Олимп».
Изд. лиц. ЛР № 070190 от 25.10.96.
123007, Москва, а/я 92
E-mail: olimpus@dol.ru

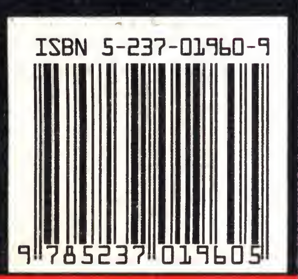
ООО «Фирма «Издательство АСТ».
Лицензия 06 ИР 000048 № 03039 от 15.01.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а
www.ast.ru
E-mail: ast@postman.ru

**При участии ООО «Харвест».
Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.**

**Ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат ППП им. Я. Коласа.
220005, Минск, ул. Красная, 23.**

**Качество печати соответствует качеству
предоставленных издательством диапозитивов.**

Иоанн Богослов — человек, предсказавший судьбу мира. Ему открылось грядущее человечества, и он зашифровал увиденное в «Откровении» — самой загадочной и неоднозначной из пророческих книг. Не зря нарекли Иоанна Мистом, Тайновидцем. Ему и вправду известна была великая тайна будущего. Прошли века, но и по сей день люди пытаются раскрыть загадку апокалиптического «Откровения», всякий раз истолковывая его на свой лад. Грядет конец тысячелетия. Взошла кровавая звезда Полынь. Впереди, возможно, Апокалипсис...

ISBN 5-237-01960-9
9 785237 019605

